

Министерство науки и высшего образования РФ
Алтайский государственный университет

АЛТАЙСКИЙ ТЕКСТ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Сборник научных статей

Выпуск 9

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2021

ББК 83я43+63.3(2Рос5)-7я431

А 521

А 521 **Алтайский текст в русской культуре** [Текст] : сборник статей / под ред. М. П. Гребневой ; Министерство науки и высшего образования РФ Алтайский государственный университет. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2021. — Вып. 9. — 254 с.

ISBN 978-5-7904-2583-7

Сборник статей печатается по материалам IX международной научно-практической конференции «Алтайский текст в русской культуре», посвященной 90-летию со дня рождения основателя кафедры литературы Алтайского государственного университета В. Д. Морозова, проведенной кафедрой общей и прикладной филологии, литературы и русского языка АлтГУ 15–17 июня 2021 г. Статьи лингвистов, литературоведов, историков, искусствоведов, архивистов свидетельствуют о современном состоянии алтаеведения.

Книга рассчитана на филологов, научных работников, аспирантов и студентов.

ББК 83я43+63.3 (2Рос5)-7я431

ISBN 978-5-7904-2583-7

© Оформление. Издательство
Алтайского государственного
университета, 2021

АЛТАЙСКИЙ ТЕКСТ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ГОРИЗОНТЫ

15–17 июня 2021 года кафедра общей и прикладной филологии, литературы и русского языка института массовых коммуникаций, филологии и политологии принимала гостей, собравшихся из разных городов России и ближнего зарубежья на **Девятую международную научно-практическую конференцию «Алтайский текст в русской культуре»**, посвященную 90-летию со дня рождения **Владимира Дмитриевича Морозова** — первого заведующего кафедрой русской и зарубежной литературы Алтайского государственного университета, под руководством которого формировались научно-исследовательские традиции в изучении литературы в классическом университете Алтая.

Более 50 исследователей регионального текста из разных городов России (Барнаул, Горно-Алтайск, Калуга, Кемерово, Красноярск, Москва, Новокузнецк, Новосибирск, Омск, Санкт-Петербург, Томск и др.), Казахстана (Павлодар, Усть-Каменогорск), Киргизии (Бишкек) подали заявки на участие в работе конференции, которая проводится в Алтайском государственном университете с 2002 года. Более 40 докладов были представлены на конференции, из них 16 — в интерактивном формате. Организаторы и участники конференции выражают благодарность работникам Научной библиотеки АлтГУ за возможность дистанционного участия в представлении и обсуждении докладов.

В соответствии с традициями конференции основным объектом изучения исследователей являются не опубликованные и не известные специалистам многочисленные документальные источники, запечатлевшие разнообразные аспекты региональной культуры.

Участников конференции с открытием представительной научно-практической конференции поздравила проректор по научному и инновационному развитию АлтГУ **Светлана Геннадьевна Максимова**, отметившая важность научной региональной проблематики кафедры и пожелавшая собравшимся плодотворной работы. С приветственным словом к участникам конференции обратилась заведующая кафедрой доцент, кандидат филол. наук **С. В. Доронина**, отметившая значительный вклад филологов кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка в деле сохранения и популяризации литературно-культурного наследия Алтайского края. Профессор кафедры **М. П. Гребнева**, организатор и вдохновитель нынешней конференции, в своем выступлении познакомила собравшихся с незаурядной личностью **Владимира Дмитриевича Морозова** — первого заведующего кафедрой, юбилею которого посвящена нынешняя конференция, и объявила об открытии пленарного заседания.

Важным событием конференции явилась презентация книги «**Георгий Гребенщиков: Сын Белухи**», которую научному сообществу представил ее автор — доктор исторических наук **Владимир Андреевич Росов**, заведующий отделом наследия Рерихов Государственного музея Востока (Москва). Книга посвящена неизвестным страницам жизни и творчества **Георгия Дмитриевича Гребенщикова** — русского писателя, критика и журналиста, общественного деятеля.

Доклады, прозвучавшие на пленарном заседании, были посвящены актуальным проблемам изучения регионального текста, а также различным аспектам отражения сибирской тематики в творчестве известных русских писателей и в научной деятельности современных отечественных исследователей.

Пленарное заседание открыли доклады участников, представивших результаты своих исследований в дистанционной форме и посвященные разным аспектам изучения регионального текста. Так, проблемам изучения стратегий и механизмов автоканонизации Г. Д. Гребенщикова был посвящен доклад **Горбенко Александра Юрьевича**, канд. филол. наук, доцента кафедры мировой литературы и методики ее преподавания (Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева); о неизвестных страницах переписки Е. Д. Панкратьевой с Т. Д. Гребенщиконой, женой писателя, рассказала **Дурново Ирина Васильевна**, архивариус Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического

и природно-ландшафтного музея-заповедника (Казахстан, г. Усть-Каменогорск). Неугасающий интерес к творчеству Василия Макаровича Шукшина нашел отклик в докладе канд. филол. наук, ассоциированного профессора кафедры русской филологии Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова **Иост Ольги Александровны** (Казахстан, Павлодар), обратившейся к вопросам метафизического содержания романа В. М. Шукшина «Я пришел дать вам волю»; в докладе **Ковтун Натальи Вадимовны**, д. филол. наук, профессора Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева, предложена интерпретация образа Башмачкина в рассказах В. Шукшина; д. филол. наук, профессор кафедры медиалингвистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета **Цветова Наталья Сергеевна** посвятила свое исследование злободневной теме — «людям, властвующим над другими» в изображении В. М. Шукшина. Общие вопросы изучения специфики и уровней регионального текста нашли отражение в докладе д. педагог. наук, профессора, зав. кафедрой педагогических инноваций и психологии **Доманского Валерия Анатольевича** (Санкт-Петербургский Институт Бизнеса и Инноваций). Доклад был представлен в видеозаписи.

В завершение пленарного заседания прозвучал доклад одного из основоположников изучения тематики регионального текста на Алтае, ветерана АлтГУ, профессора Алтайского государственного университета, д. филол. наук **Светланы Михайловны Козловой**, в котором исследовательница, на материале прозы алтайских авторов Владимира Токмакова и Сергея Данилова, обратилась к увлекательной и малоизученной проблеме жанра краеведческого романа. Все доклады были встречены с большим интересом, способствовавшим развертыванию серьезной научной дискуссии, которая после перерыва продолжилась на заседаниях четырех секций, посвященных литературным и лингвистическим аспектам регионального текста: «Творчество Г. Д. Гребенщикова», «Алтай в литературном и культурном пространстве Сибири», ««Региональный текст» в литературе и культуре», «Ф. М. Достоевский и В. М. Шукшин в современном мире».

Среди докладов, посвященных творчеству Г. Д. Гребенщикова и представленных на одноименной секции, особый интерес вызвали следующие сообщения: доклад доктор исторических наук **Владимира Андреевича Росова** (Москва), посвященный портретам писа-

теля; кандидата филол. наук **Елены Владимировны Масяйкиной** (Томский государственный университет), рассказавшей о двух образах Сибири в автопереводах Г.Д. Гребенщикова; доктора филол. наук, профессора кафедры лингвистики, перевода и иностранных языков АлтГУ **Карпухиной Викторией Николаевны**, предложившей исследование на материале публицистики писателя; научного сотрудника Отдела краеведения КГУ «Централизованная библиотечная система им. Оралхана Бокея» акимата г. Усть-Каменогорска **Каланчиной Ирины Борисовны** (Казахстан), описавшей женские образы в романе Г.Д. Гребенщикова «Чураевы».

В секции «**Алтай в литературном и культурном пространстве Сибири**» внимание слушателей привлек доклад доктора филол. наук, профессора кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка АлтГУ **Марины Павловны Гребневой**, посвященный поэтике рассказа Ст. Исакова «Там, в горных долинах»; сообщения кандидатов филол. наук **Шастиной Татьяны Петровны** и **Чининой Эльвиры Петровны** (Национальная библиотека Республики Алтай имени М.В. Чевалкова, Горно-Алтайск), в которых шла речь о двух недавно изданных антологиях («Ойротия в зеркале литературы» и «Г.И. Гуркин и Горный Алтай — гений и место»). Выступление доктора истор. наук, профессора кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений **Должикова Вячеслава Александровича** (АлтГУ, Барнаул) было посвящено эволюции воззрений Михаила Сперанского на Сибирь по произведениям Н.М. Ядринцева. Кандидат филол. наук, старший научный сотрудник Института алтаистики им. Сазона Суразакова **Дедина Маргарита Сергеевна** (Горно-Алтайский государственный университет), посвятила свое сообщение фольклорно-мифологическим мотивам и образам в творчестве Димана Белекова. Интерес слушателей привлекли выступления аспирантов АлтГУ — **Красновой Ольги Николаевны** и **Шабалина Аркадия Дмитриевича**, рассказавших о результатах своих исследований на региональном материале.

Под руководством **Артема Алексеевича Шмакова**, кандидата филол. наук, доцента кафедры психологии и социологии управления Алтайского филиала РАНХиГС (Барнаул), работала секция «**Региональный текст в литературе и культуре**», объединившая докладчиков, которые выступали как дистанционно, так и непосредственно в аудитории. Так, **Елена Александровна Полева**, заведующий кафедрой русской литературы Томского государственного педагогиче-

ского университета, рассказала о повести современного автора Ольги Колпаковой «Польнная елка». Два сообщения были представлены исследователями из Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева: кандидат филол. наук, доцент кафедры теории и методики начального образования **Никита Александрович Вальянов** на материале художественной прозы М. А. Тарковского раскрыл образ Сибири; филолог, журналист **Викентий Владимирович Чекушин** поведал слушателям о своеобразии журнальной публицистики Вл. М. Крутовского.

С очными докладами выступили **Саадат Нурлановна Шерматова**, преподаватель русского языка Профессионального колледжа КНУ им. Ж. Баласагына (г. Бишкек, Кыргызская Республика), в сообщении которой были охарактеризованы паралингвистические средства формирования образа персонажей в прозе Ч. Айтматова и М. Байджиева; **Шмаков Артем Алексеевич** поделился с участниками конференции своими наблюдениями за функционированием в интернет-пространстве мемов с компонентом «Барнаул»; доктор. филол. наук **Татьяна Владимировна Чернышова**, профессор кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка АлтГУ, посвятила свой доклад лингводискурсивному моделированию сайта опорного вуза как «алтайского» текста.

Работы секции завершилась оживленной научной дискуссией по проблемам развития филологических, исторических, культурологических исследований на материале региональных источников.

Интересные доклады и их заинтересованное обсуждение в очном формате были представлены на секции «**Ф. М. Достоевский и В. М. Шукшин в современном мире**». Так, в докладе **Григоренко Романа Андреевича** (КГПУ им. В. П. Астафьева) были сопоставлены произведения Ф. М. Достоевского и Н. М. Ядринцева о пребывании двух авторов в «мертвом доме». Доктор филол. наук, профессор АлтГУ **Вячеслав Владимирович Десятов** проанализировал шукшинские реминисценции в повести С. Довлатова «Заповедник» и романе Е. Водолазкина «Брисбен». Учитель русского языка и литературы **Татьяна Андреевна Дидусенко** (Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Рубцовская районная школа № 1» Рубцовского района Алтайского края) рассказала о проблемах преподавания курса «Родная литература» в средней школе. Кандидат филос. наук, доцент Алтайского государственного аграрного университета **Ирина Николаевна Каланчина** (Барнаул) предложила слуша-

телям свои размышления об этико-философских аспектах творчества В. М. Шукшина. Кандидат филол. наук, доцент АлтГПУ **Елена Юрьевна Сафронова** поделилась догадкой о сибирском прототипе героини повести Ф. М. Достоевского «Дядюшкин сон», сопроводив эту параллель соответствующими аргументами. Кандидат филол. наук, доцент кафедры литературы АлтГПУ **Татьяна Александровна Богумил** рассмотрела особенности «алтайского текста» на материале рассказа В. В. Бианки «Она».

Два доклада сотрудников Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского (г. Новокузнецк) о новых аспектах творчества Ф. М. Достоевского были представлены на секции в видеозаписи: это выступление заместителя директора по научной работе **Трухан Елены Дмитриевны**, поведавшей об эпистолярном наследии писателя, и сообщение старшего научного сотрудника **Мирович Ирины Владимировны**, представившей свои рассуждения на тему «Сибирь как новая Палестина в «Записках из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского».

Все доклады были восприняты слушателями с живым вниманием, о котором свидетельствовали их вопросы, сопутствующие соображения и заинтересованная дискуссия.

В работе конференции участвовали и молодые исследователи — аспиранты Алтайского государственного университета. В числе активных слушателей были студенты 2 курса кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка.

На заключительном пленарном заседании были заслушаны отчеты руководителей секций, сообщения которых составили основу данного текста. Участники конференции отметили высокий уровень докладов, интересную тематику, гостеприимство хозяев, прекрасную рабочую и дружескую обстановку в ходе обсуждения докладов, отличную работу технических средств, позволивших увеличить число участников и расширить тематику конференции, сделав программу более насыщенной.

В ходе подведения итогов была намечена дата следующей конференции — **июнь 2023 года**. По результатам прошедшей конференции к печати будет подготовлен очередной сборник — «Алтайский текст в русской культуре» (выпуск 9).

Доктор филол. наук, профессор кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Т. В. Чернышова

Раздел 1

НАШИ СТАТЬИ

М. Р. Арпентьева

Калуга

К ИСТОРИИ ТАТАР АЛТАЯ: СЛАВЯНСКИЙ И ТАТАРСКИЙ ЭТНОСЫ В РОССИЙСКОМ СУПЕРЭТНОСЕ

Аннотация: Татары современности — народ-космополит. Наряду с другими народами такими, как цыгане, евреи, русские и т.д. — они живут практически во всем мире. Но основная часть этого народа живет в России, в том числе в Сибири (на Алтае). Российские татары расселены по всей территории страны, однако, наиболее ощутимое влияние и возможность понимания этого влияния создаются в местах их индигенного поселения. Поволжье, Алтай, Крым стали важными площадками интеграции русского и татарского этносов в единый российский суперэтнос. Эта интеграция проходила и проходит весьма неоднозначно и неравномерно. При этом фальсификация истории, к сожалению, скорее традиция, чем исключение, источники, свидетельствующие о Сибири, Алтае и Забайкалье, как о центре цивилизации, игнорируются или уничтожаются до сих пор. Аналогично, в области «генетической истории» человечества позиции генетиков и выводы их по одним и тем же данным столь разнятся, что говорить о (доступной повседневному осмыслению) генетике как науке, сложно. Поэтому в настоящее время возможности понимания истинной истории алтайских татар и русских сейчас крайне ограничены, однако, в будущем, шанс на восстановление реальных событий и отношений появиться может и должен.

Ключевые слова: национальные идеи, модерн, национализм, универсализм, татары, тюрки, русские, славяне.

M. R. Arpentieva

Kaluga

TO THE HISTORY OF ALTAI TATARS: SLAVIC AND TATAR ETHNIC GROUPS IN RUSSIAN SUPERETHNOS

Summary: The Tatars of our time are cosmopolitan people. Along with other peoples such as Gypsies, Jews, Russians, etc., they live practically all over the world. But the bulk of the people mentioned live in Russia, including Siberia (Altai). Russian Tatars are settled throughout the country, however, the most tangible influence and the possibility of understanding this influence are connected to the places of their indigenous settlement. The Volga region, Altai, the Crimea have become important platforms for the integration of the Slavic and Tatar ethnic groups into a single Russian superethnos. This integration has been very ambiguous and uneven. By the example of the history of the Golden Horde, we see that the confrontation between the Tatar and Slavic ethnic groups is largely the result of pseudoscientific dramatizations, European and Asian countries called Siberia an unhistorical territory. Its history, a cornerstone for understanding the fate and history of humanity, and not only the Slavs and Tatars, not only Russia, was rejected. The falsification of history, unfortunately, is more of a tradition than an exception; the sources testifying to Siberia, Altai and Transbaikalia as the center of civilization are ignored or destroyed to this day. Similarly, in the field of "genetic history" of humanity, the positions of geneticists and their conclusions on the same data are so different that it is difficult to talk about (accessible to everyday comprehension) genetics as a science. Therefore, at present, the possibilities of understanding the true history of the Altai Tatars and Russians are now extremely limited, however, in the future, a chance to restore real events and relations can and should appear.

Key words: national ideas, modern, nationalism; universalism, Tatars, Turks, Russians, Slavs.

Актуальность исследования. Татары современности — народ-космополит. Наряду с другими народами такими, как цыгане, евреи, русские и т.д., — они живут практически во всем мире. Но основная часть этого народа живет в России, в том числе в Сибири (на Алтае). Российские татары расселены по всей территории страны, однако, наиболее ощутимое влияние и возможность понимания этого влияния создаются в местах их индигенного поселения. Поволжье, Алтай, Крым стали важными площадками интеграции русско-

го и татарского этносов в единый российский суперэтнос. Эта интеграция проходила и проходит весьма неоднозначно и неравномерно. На примере истории Золотой Орды мы видим, что противостояние татарского и славянского этносов во многом результат псевдонаучных инсценировок, европейскими и азиатскими странами Сибирь была названа неисторической территорией. Ее история, краеугольная для понимания судеб и истории человечества, а не только славян и татар, не только России, — отвергнута. Это привело к тяжелым последствиям для российского суперэтноса. На примере татар Алтая можно, с одной стороны, увидеть, насколько по сути неоднороден татарский этнос, поскольку и само его происхождение связано с множественными процессами внутреннего и внешнего плана. И, с другой стороны, увидеть его роль в российском суперэтносе. Хотя Сибирь как колыбель цивилизации в традиционной исторической науке названа «внеисторической» территорией, однако, именно здесь проживали и проживают многочисленные представители славянских народностей, которые (по некоторым, нередко игнорируемым восточной и западной наукам) чуть позже были названы, в частности, русскими и татарами. Восточная наука, отстаивающая «древность» китайской и монгольской наций, заинтересована в том, чтобы стереть историю славян, русских и татар Сибири не меньше, чем Европа, провозглашающая себе центром и источником культуры и цивилизации. Однако, многие факты говорят о том, что Сибирь подходит на роль колыбели цивилизации гораздо больше, чем позднее возникшие и развивавшиеся по иному пути азиатские и европейские народы. Естественные процессы смешения, миграций, развития и трансформации языков и культур приводили и приводят к формированию сначала субкультурных, а затем и культурных отличий. Генетические отличия также имеют место быть, поскольку одним группам и родам удавалось выживать и развиваться более динамично, чем другим, в том числе за счет более или менее тесных контактов с окружающими народностями (родами). В позднее время депортации и культурный геноцид татар на протяжении множества веков, национально-освободительные и сепаратистские движения татар и иных близкородственных им народностей, произвольные «передачи» и трудные «возвращения» Крыма, Татарстана, Башкортостана и т.д. в состав России. Отношение к татарам в России всегда было весьма небезразличным, однако, по-возможности, проблемы загушевывались или игнорировались. Вместе с тем, вопрос о «чуждости» и «близости» татар русскому народу есть один из краеугольных для его са-

мопонимания, и более того, будет одним из ведущих в вопросах, связанных с осмыслением будущего российского суперэтноса. Длительное время история татар связана с «западничеством» и «американизацией», их попытками расщемить и уничтожить российский суперэтнос, поддерживая идеи о Золотой Орде и ее достижениях как исключительно негативных и чуждых для достижений России и соседних стран. Однако, при всех различных следствиях и проблемах, Золотая Орда и ее «даннические» отношения с Россией связаны с важным для нашей страны этапом «монгольской глобализации»: объединения в сверхмощную мировую державу, и этапами борьбы Московской «Руси» за первенство среди других территорий (Сибирской Руси, Литвы-Беларуси, Киевской Руси и т.д.). Эта борьба и до настоящего времени не окончена, знаменуя попытки деславянизации территории и культуры России, превращения ее в колонии азиатских и европейских держав, прежде всего Британии, Японии и Китая. Также как часто не-славянских по своему происхождению родов была объявлена «русскими», другая часть славянских родов была объявлена «татарами». Игры в переименования тех и иных, этнические смешения, неизбежные в течение жизни каждой народности и нации, завершили процесс переименования, окончательно запутав ситуацию. Фальсификация истории, к сожалению, скорее традиция, чем исключение, источники, свидетельствующие о Сибири, Алтае и Забайкалье, как о центре цивилизации, игнорируются или уничтожаются до сих пор. Аналогично, в области «генетической истории» человечества позиции генетиков и выводы их по одним и тем же данным столь разнятся, что говорить о (доступной повседневному осмыслению) генетике как науке, сложно. Поэтому в настоящее время возможности понимания истинной истории Алтайских татар и русских сейчас крайне ограничены, однако, в будущем шанс на восстановление реальных событий и отношений появиться может и должен.

Российские татары в целом не представляют собой общности с целостным генетическим, культурным и т.д. наследием, в том числе поволжские, сибирские/алтайские и крымские татары, а также башкиры и некоторые иные «смежные» народы и народности, во многом представляют собой, более или менее отдаленные в этих отношениях группы. Само название «татары», как и более общее и более абстрактное название «тюрки», в некоторых смыслах кажется просто вообще лишенным того смысла, который приписывается при поверхностном понимании того, что же все это за люди, откуда они

и куда они идут. Очевидно, однако, что татары оказывают довольно существенное влияние на процессы в России и мире. Наиболее осязаемое влияние и возможность понимания этого влияния создаются в местах их индигенного поселения. Поволжье, Сибирь (Алтай), Крым стали важными площадками интеграции славянского и так называемого «татарского» этносов в единый российский суперэтнос. Эта интеграция проходила и проходит весьма неоднозначно и неравномерно (исследованиями этих процессов занимаются специалисты из России, Украины, Беларуси, Молдовы и Румынии, Казахстана, Азербайджана, Кыргызстана, Швеции, Норвегии и Италии, в том числе, например, Аксанов А. В., Ахметова Д. И., Балаш Д., Бира Ш., Бьюэл П. Д. Перечень исследователей чуть более обширен, как и перечень теорий и моделей генезиса татар и тюрков в целом и отдельных ветвей и подгрупп татар в частности.

Однако, важно отметить, что так или иначе в бытовом сознании закладывается модель противостояния татарской и славянской культур, чаще всего — некорректная и не имеющая к реальности большого отношения. Можно констатировать, что противостояние и разделение людей по разным основаниям, включая этнические и псевдоэтнические, было, есть и будет существовать. Можно также констатировать, что факт самого разделения — более или менее жесткого и реально обоснованного, — не означает того, что разделению подвергаются действительно существенно отличные группы / подгруппы людей. На примере истории Золотой Орды (Улуса Джучи, Монгольского государства, Улуг Улуса или Великого Улуса, Олуг Урды, Алтын Урды или Тахт эли, Тартарии, Дешт-и Кыпчака, Царства татар) мы видим, что противостояние татарского и славянского этносов вполне намеренно подогревавшееся и европейскими, и азиатскими странами, претендовавшими на власть над Россией, а также территориями Орды и России, привело к тяжелым последствиям для российского суперэтноса: деформация культурной памяти и срамливание русского и татарского народов (так называемых «тюрков» и славян), депортации, вытеснение и культурный геноцид татар на протяжении множества веков, национально-освободительные и сепаратистские движения татар и иных близкородственных им народностей, произвольные «передачи» и трудные «возвращения» Крыма, Татарстана, Башкортостана и т.д. в состав России и т.д. Даже история «неисторической» территории Сибири говорит о том, что история отношений славян и татар скрывает гораздо больше ответов

на вопросы о том, что такое человек и человечество, чем это признается наукой [Арпентьева, 2019].

Нерешенные проблемы исследования и базовые опоры изучения истории Золотой Орды и России. В современной истории России, а также истории Золотой Орды накопилось очень много проблем и нерешенных вопросов. Существует огромное количество совершенно разноплановых исследований и моделей развития событий и описания отношений славян и «тюрков». Из всего многообразия данных моделей можно выделить несколько более или менее «неспорных» фактов и возможных объяснений этих фактов.

«Неисторические» татары и неисторические славяне, заселявшие Сибирь издревле, могут помочь осмыслить происходящие в мире процессы в гораздо большей степени, чем схоластические констатации уникального места России (непонятно по каким причинам сводимой к Московии) и «русских» в становлении цивилизации, развитии Европы и Азии, человечества в целом. Но этот пласт современная наука, в том числе и особенно, обращенная к массовому «потребителю», предпочитает обходить своим вниманием. Мы до сих пор решаем, нужно ли нам праздновать «стояние на Угре» и т.д., поскольку ученые до сих пор не пришли к одному мнению о том, кто и зачем там стоял, а «человеку с улицы» даже позиция «наивного ученого» кажется малопривлекательной: он просто верит в то, что ему когда-то по тем или иным причинам предложили в качестве истины.

Очевидно, что средневековая Русь в ходе «монгольской глобализации» (как ее называет Н. Н. Крадин) и исламизации выступала как относительно самостоятельная часть населения Золотой Орды и подчиненных территорий XIII — XIV веков. Она была подчинена Улусу Джучи в нескольких отношениях, хотя ее воюющие между собой русские князья были в большой мере автономны внутри Джучидской империи, как по отношению к «вертикали власти», так и, особенно, по «горизонтали». Это имело и для Орды, и для России ряд важных последствий. Не затрагивая тайные истории страны «Сибирь», а также интересные аспекты произвольного переименования части народов Поволжья и т.д. в татар (аналогичного истории с именованьем «варвар», «язычник» и т.д.), можно попытаться рассмотреть некую общую картину происшедшего в XIII–XVI вв.

Сейчас мы можем наблюдать следующую картину: в России, как и несколько ближайших к нам веков назад, в качестве основного этноса выделяются русские (славяне) и вторая по численности

группа — татары (тюрки). Не вступая дискуссию о том, как относятся эти понятия друг с другом и реальностью, отметим, что русские представляются группой «этнического большинства», татары — «этнического меньшинства». Отношения этих групп весьма интересны в контексте понимания истории нашей страны. Как и современные русские, современные татары имеют богатые генетические корни. У современного татарского народа, по мнению некоторых исследователей, нет единого этнического корня. Среди предков татар были гунны, волжские булгары, кипчаки, ногайцы, монголы, кимаки и многие иные тюркско-монгольские народы. Также на формирование и становление татар существенно повлияли финно-угры и русские.

Многие исследователи (М. Закиев, И. М. Мизиева, Ю. Н. Дроздов, Р. Безертинов и др.) пишут, что предками современных тюркских народов: узбеков, туркмен, крымских татар, карачайцев, балкарцев, башкир, казанских татар и др., являются скифы, сарматы, саки, масагеты, аланы (асы). При этом в Крыму уже с VI века основная часть населения разговаривала на разных диалектах тюркского языка, различаясь больше верованиями, чем культурой самой по себе. Весьма распространенным был язык татар и в иных частях современной России, он, как «какой-то тюркский язык» был языком высокоразвитой культуры Золотой Орды. Разные исследователи, выполняющие разные социально-политические заказы, при этом отмечают и приводят собранные ими доказательства того, что генетическое сходство / родство у славян / русских и тюрков / татар 1) полностью присутствует»; 2) полностью отсутствует; 3) существует частично у всех славян / русских и татар; 4) отсутствует или частично отсутствует у славян и татар разных регионов и «подгрупп». Например, некоторые исследователи отмечают, что «этнотерриториальные группы татар <...> генетически разнообразны, общий для них предковый генетический компонент не найден <...> генофонды всех этнотерриториальных групп татар сложились на основе местного населения с генетическим вкладом различных потоков миграций из других регионов: общность происхождения их генофондов отсутствует» [Балановская и др., 2016, с. 75]. При этом «в генофонде крымских татар преобладает вклад переднеазиатского и средиземноморского населения (популяции Малой Азии и Балкан), а вклад населения степной полосы Евразии (прикаспийских степей) значительно меньше. В генофонде поволжских татар преобладают генетические варианты, ха-

ракетерные для Приуралья и Северной Европы, и реже встречаются переднеазиатские и центральноазиатские линии. Популяции сибирских татар (тоболо-иртышские), по оценкам исследователей, чрезвычайно разнообразны: одни включают значительный сибирский генетический компонент, в других преобладают генетические линии из юго-западных регионов Евразии» [Балановская и др., 2016, с. 75]. «Выявлена генетическая близость групп татар с популяциями либо географически соседних народов (сибирских татар — с популяциями народов Западной Сибири), либо сопряженных с ними в этногенезе (для казанских татар, мишарей и кряшен — с популяциями финно-угорских народов и в некоторой степени тюркоязычных народов Евразийской степи; для крымских татар — с популяциями народов Средиземноморья и тюркоязычных народов Северного Кавказа и Центральной Азии)» [Агджоян и др., 2015, с. 33]. Таким образом, следуя мыслям и данным этих исследователей, татары — народ практически не существующий: он сохранил язык и культуру по неизвестным причинам. И живя много веков бок о бок с русскими, не оказал никакого существенного влияния на генофонд русских.

Стоит ли удивляться такому выводу в мире, в котором другие генетики полагают всех людей генетически связанными друг с другом, — вопрос риторический. «Черная легенда» — универсальный прием фальсификации истории самых разных народов. Сейчас она используется для фальсификации истории СССР, России конца XX века и даже для того, чтобы помешать людям понимать, что происходит сегодня. Она используется всегда, когда нужно скрыть истинные причины ограбления и смертей людей, завоевательных войн и геноцидных реформ. Татарская «черная легенда» (как назвал ее Н. Гумилев) о «монголо-татарском иге» расщепила сознание этноса, до сих пор живущего в скрытом конфликте с самим собой. Этот конфликт хорошо обозначен фразами типа «Поскребите русского — увидите татарина» и наоборот: одним из первых смыслов этих фраз является уничижительное, русофобское и татарофобское отношение, вторым — признание единства, родства народов, создавших в ходе своих отношений российский суперэтнос. Этот конфликт можно увидеть и почувствовать, читая актуальные сообщения в интернете, СМИ и таблоидах о проведении празднеств по поводу «стояния на Угре», «750-летия Золотой Орды», комментариях к статьям на тему Золотой Орды и «освобождения от татарского ига», наблюдая стратегии «воцарения» новых исторических памятников, напри-

мер, Ивану III «Великому» в центре Калуги, сожженной Давлет-Гирем I из-за его и его сына отказа платить дань (в походе Давлет-Гирея против Москвы и сына Ивана III, Ивана IV, «Грозного») и т.д. Государство не поставило в Калуге памятник имаму Шамилю, сдавшемуся в плен и лишившемуся всего, чтобы сохранить жизни русским и дагестанцам, воевавшим за свободу дагестанского народа, одному из величайших суфиев и правителей, внесших вклад в единство России. А в самом Дагестане до сих пор нет ни одного музея, ни одного памятника суфию и ученому, величайшему полководцу, государственному деятелю и дипломату, основателю и руководителю государства Имамат. За всеми этими событиями — полная дезориентация и непонимание того, что происходило и происходит сейчас в отношениях людей и народов.

Если вернуться к самому началу, то мы увидим, что Улус Джучи возник в казахских степях, практически сразу — как автономное многонациональное государство уже в самом начале XIII века, закрепив свою самостоятельность в начале второй половины XIII века (в итоге на сегодняшний день Золотой Орде приписывается как государству от 7650 до 8000 лет истории). Затем его земли, благодаря походам против «лесных народов» Сибири, государства хорезмшахов и кыпчаков, расширились. Они стали простирались от Иртыша до Дуная, от Сырдарьи и Арала до русских земель (татары расселились и создали государственные системы и поселения на многих территориях от Забайкалья до Крыма). РахMongolica или Великая Монгольская империя Чингисхана и его сыновей включала территории и акватории от Китая до Восточной Европы и Ближнего Востока (нынешние Казахстан, Россия и ее народы, в меньшей степени Украина, Закавказье и страны Восточной Европы — Венгрия, Болгария и другие). Орда — часть истории не только «окраин» и «украин» Орды, включая «Казанскую Украину», но и Центральной России. Ее история — это история и Московской, и Тульской, и Курской, и других областей России и Великого княжества Литовского. Регионы, исторически и культурно развивавшиеся под влиянием Улуса Джучи включают государства — Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и т.д., республики Татарстан, Башкортостан, Марий Эл, Удмуртию, Крым, Алтай, области Астраханскую, Самарскую, Саратовскую, Ульяновскую, Пензенскую, Пермскую, Тюменскую и другие. Весьма серьезное влияние татары оказывали и оказывают на развитие Турции, в том числе в рамках разноуровневых контактов и семейных объединений, вклю-

чая династию Османов. После своего распада Золотая Орда стала наследницей могущества империи. При этом, интересно то, что в части Евразии, где находилась Орда, не было агрессивно-непроницаемого разделения на местных (порабощенных) и пришлых (завоевателей), более того, во многих случаях присутствие «монголо-татар» смягчало и смягчалось построением паритетных отношений между татарами и русскими, тюрками и славянами и т.д. Движение к сотрудничеству, даже в условиях постоянной гражданской войны между славянскими князьями, наблюдалось с обеих сторон. В некоторых случаях, например, в случае противостояния Великого княжества Литовского и Москвы, противостояния князей Руси друг другу, присутствие татар было скорее продуктивным. Именно поэтому Улус Джучи стал колыбелью многих современных евразийских народов и государств. Конечно, отношения между завоеванными народами и их завоевателями строились и складывались в разные периоды и в разных регионах империи татар («монголов») по-разному. Улус Джучи, как и империя Хунну и Тюркский каганат, Волжская Булгария, мусульманские образования на Северном Кавказе, в Крыму, Имамат Шамиля, Киевская Русь, Московское княжество, Великой княжество Литовское и русское, Российская империя, СССР, — часть общей истории славян и тюрков. В какое-то время русские были подданными Орды, а затем уже мусульмане стали подданными российского государства, но ценности сосуществования остались для татар прежними. Тюрки-мусульмане, по мнению современных лидеров татар в Крыму, Поволжье, Сибири, даже потеряв государственность в лице средневековых ханств, стали второй государствообразующей религией и нацией Российской империи, Советского Союза, Российской Федерации. Улус Джучи (Салай или Сарай, Туохума, Тукмак и Тогмог) в целом оказал существенное влияние и на становление российской государственности, правители Российской империи заимствовали многие аспекты управления страной из опыта Орды.

В целом же, империя Хунну и Тюркский каганат, Улус Джучи, а далее Российская империя — выступают как важные попытки интеграции евразийского пространства, народов и народностей Евразии, в едином государственно-политическом поле.

Противопоставление и односторонняя интерпретация событий прошлого и настоящего ведут к невозможности продуктивного будущего. Это можно увидеть на примере «черной легенды» о монголо-татарском иге. На самом деле толковать события того време-

ни как войну русских с татарами, Руси и Орды, как столкновение Ислама и Православия, — не вполне корректно. Также некорректно, как и искать Великое княжество Литовское в современной Литве: этот пример показывает, насколько сильно можно исказить историю при желании. Не менее некорректны многочисленные версии истории и ситуации описания историй постордынских образований, историй возникновения украинского и польского народа, башкир и венгров, роли финно-угорских народов и скифов в генезе славян и россиян, а также в общем генезе человечества. Если обобщить опыт разных исследований, то можно отметить, что, помимо причин намеренной и ненамеренной фальсификации истории России и Орды, многочисленных умолчаний или двусмысленностей, недоступности многих джучидских первоисточников из-за проблем перевода или прямого уничтожения/ сокрытия источников, позднего написания российских и латинских источников, многие исследователи склонны фокусироваться на локальных событиях и условиях в определенной зоне, находившейся под «монгольским», русским, китайским, татарским влиянием, не рассматривая, как они были связаны с более крупными изменениями и изменениями в соседних регионах и сферах, в том числе с фактами других наук и ученых других регионов [Uehling, 2004, p. 32].

До «завоевания» Ордой (по фактам «завоевания» очень много разногласий даже в официальной исторической науке), в конце XII — начале XIII веков, Россия переживала период «динамичной стагнации» (С. В. Томсинский). Неудивительно, что многие ученые отмечают влияние культуры Орды на культуру государственности России. Это влияние противоречиво. Несомненно, какие то моменты были унаследованы из государства Улуса Джучи прямо. Но обычно речь идет о «негативном заимствовании»: доминировании на Руси идеи обретения собственной легитимности и самостоятельности путем победы над Золотой Ордой, что разрушает модель «преемственности восточной деспотии», выработанной историографией XX века, а также ставит вопрос о том, была ли «деспотия» Орды настолько агрессивной, как ее описывают. Кроме того, это вопрос о том, почему наследуя «деспотические» черты ордынского правления, российские правители отвергли более чем значимый духовно-нравственный пласт управления, включая идею равенства всех людей и религий.

Не углубляясь в вопрос происхождения многих правителей Орды, вопрос происхождения многих подданных Орды (подчас еще более

важный, чем все обсуждаемое нами и потому требующий отдельного исследования), мы можем сделать несколько замечаний. Если проанализировать события тех времен, становится понятно, что русские князья занимали в Орде уникальное положение. Они, обычно, были прямо и, реже, через семейные связи, — включены в состав ордынской элиты. Например, принимали участие в курултаях [Греков, Якубовский, 1950; Евразийство, 2006]. Они имели иерархию (системы великих и удельных русских княжеств аналогичны монгольским улусам туменов и тысяч) и различались: например, по-разному воспринимались князья Северо-Восточной и Юго-Западной Руси, отмечалось несколько разных периодов «степени суверенитета и юрисдикции хана в отношении русских княжеств». В целом однако, в решении дел Орды их влияние в решении важных государственных ордынских проблем было небольшим: да и сама Орда по сути исключала территории Руси из основной части себя самой. Поэтому говорить «о слиянии русской знати с аристократией орды» и о «монгольском иге» нельзя. Основные причины этого, как отмечалось, как раз и связаны с тем, что русские земли не входили в состав Орды напрямую, а само «иго» было скорее «данническим», чем «рабовладельческим». Рабовладение в форме крепостничества — было изобретением Московских князей, которое они с радостью и пожизненно распространяли на все захваченные территории и народы, включая белоруссов («литовцев»), татар и т.д. Кроме того, существовали различия конфессиональной принадлежности русских и ордынских правителей. Это дало возможность сохранения на Руси православной конфессии, подчиняющейся византийскому патриарху. В то же время, московские князья в XV веке принимали на службу из-за их высокого статуса Чингизидов [Селезнев, 2010].

Вместе с тем, Иван III был еще при жизни Василия II, своего отца, утвержден в Орде на княжение в Москве. А его многолетний отказ платить дань и, таким образом, подчиняться (по одной из версий, речь шла об обычной княжеской междоусобице и противостоянии двух славянских войск с включением «татарских» воинов, закончившейся победным, освободительным «стоянием» подчиненного ранее перед «руководящим»), закончился лишь «стоянием», а не сражением на Угре в 1480 году. Вместо «богоугодной» победы православного государя (Ивана III) над «нечестивым» и незаконным «царем» Ахматом, последний просто развернулся и ушел (в упомянутой версии «татарин» Ахмат татарин не являлся). В итоге, осознав свобо-

ду от «ига», Иван III переключился на борьбу с Великим княжеством Литовским, осуществляя незаконный передел территорий и власти во имя «собираания древнерусских земель». В ответ Орда предпринимала некоторые меры, в том числе меры уже против Ивана IV. Так, крымские и казанские правители, помимо «данничества», строили отношения сотрудничества с монархами и руководителями Великого княжества Литовского. Эта немосковитская часть Руси до сих пор сохранила в себе больше русского и славянского, чем Московия. В рассматриваемые же времена крымские и казанские правители относились к ним как к своим союзникам и иногда почти как к покровителям: «обязанность Крыма вести войну против Москвы» оплачивалась «дарами» Речи Посполитой / Литвы. Последние включали не только польских, но и собственно «русских» князей, в том числе К. Острожского и его потомков («изящно» изъятых из большинства современных учебников по истории России). Союзнические отношения между Крымом и Речью Посполитой сохранялись до конца XVI века (в том числе в нанесении вреда Московскому государству, которое стремилось разрушить «Литву»), хотя периодически случались пограничные конфликты, взаимные диверсии и посольские конфликты, в том числе, например, — накануне похода татар на Москву в 1571 году. Однако, не имея сил и средств войны с Москвой и дани Крыму, король Речи Посполитой решился на долгое перемирие с Москвой и фиксацию равновесия в дипломатическом кризисе с Бахчисараем. Он также пытался поссорить Крым с турецким султаном и отказаться от оплаты дани с помощью Турции. Поход на Москву активизировался, когда переговоры о «дарах» между Крымом и Польско-Литовским государством зашли в тупик. Сам поход закончился побегом Ивана IV и его сыновей, а также требованиями Давлет-Гирея I к Речи Посполитой и к Москве платить дары-«упоминки», то есть дань в Великую Орду. Правитель Крыма также подтвердил намерение сотрудничества с Варшавой с перспективой восстановления Казанского и Астраханского ханств. Это произошло также на фоне подготовки войны христианской лиги против Османской империи. В этой войне Русское государство, наряду с Речью Посполитой, полагалось Римом как партнер и участник коалиции [Агджоян и др., 2015]. Как стало понятно из последующей истории, захват правления России Романовыми привел не только к распаду коалиции Речи Посполитой и Крыма с Турцией, не только к захвату Литвы-Беларуси, но и к тому, что Крым и Турция начали терять свое мо-

гущество. Крым был аннексирован Россией, чтобы в дальнейшем, как и Беларусь, Юго-Западная Русь, попасть из вечевого «настоящего» в крепостнически-феодалное «прошлое», в систему отношений, подавлявших всякую самостоятельность и протест и включающую тотальное ограбление захваченных и поработанных народов. Самый страшный враг человека всегда был сам человек, и, по-видимому, самый страшный враг русских всегда были — русские или те, кто ими себя называл, не имея на то существенных оснований.

В целом же, отношение к татарам в России, включая Алтай, всегда было весьма небезразличным. Однако, по возможности, проблемы этих отношений затушевывались или игнорировались. Вместе с тем, вопрос о «чуждости» и «близости» татар славянам, в том числе русскому народу, стал одним из краеугольных для самопонимания обоих народов, и, более того, будет одним из ведущих в вопросах, связанных с осмыслением будущего российского суперэтнуса. Так, даже на примере татар Алтая можно увидеть насколько по сути неоднороден этот этнос, поскольку и само его происхождение связано с множественными процессами внутреннего и внешнего плана. Сибирь как колыбель цивилизации в традиционной исторической науке названа «внеисторической», неисторической территорией, однако, именно здесь проживали и проживают многочисленные представители славянских народностей, которые чуть позже были названы, в частности, русскими и татарами. Естественные процессы смешения, миграций, развития и трансформации языков и культур приводили и приводят к формированию сначала субкультурных, а затем и культурных отличий. Генетические отличия также имеют место быть, поскольку одним группам и родам удавалось выживать и развиваться более динамично, чем другим, в том числе за счет более или менее тесных контактов с окружающими народностями (родами).

Заключение. Российские татары расселены по всей территории страны, однако, наиболее ощутимое влияние и возможность понимания этого влияния создаются в местах их индигенного поселения. Поволжье, Алтай, Крым стали важными площадками интеграции славянского и татарского этносов в единый российский суперэтнос. Эта интеграция проходила и проходит весьма неоднозначно и неравномерно. На примере истории Золотой Орды мы видим, что противостояние татарского и славянского этносов — во многом результат псевдонаучных инсценировок, европейскими и азиатскими странами Сибирь была названа неисторической территорией. Ее история,

краеугольная для понимания судеб и истории человечества, а не только славян и татар, не только России, — отвергнута. Это привело к тяжёлым последствиям для российского суперэтнуса. На примере татар Алтая можно, с одной стороны, увидеть, насколько по сути неоднороден татарский этнос, поскольку и само его происхождение связано с множественными процессами внутреннего и внешнего плана. И, с другой стороны, увидеть его роль в российском суперэтнуса. Хотя Сибирь как колыбель цивилизации в традиционной исторической науке названа «внеисторической» территорией, однако, именно здесь проживали и проживают многочисленные представители славянских народностей, которые (по некоторым, нередко игнорируемым восточной и западной наукам) чуть позже были названы, в частности, русскими и татарами. Восточная наука, отстаивающая «древность» китайской и монгольской наций, заинтересована в том, чтобы стереть историю славян, русских и татар Сибири не меньше, чем Европа, провозглашающая себе центром и источником культуры и цивилизации. Однако, многие факты говорят о том, что Сибирь подходит на роль колыбели цивилизации гораздо больше, чем позднее возникшие и развивавшиеся по иному пути азиатские и европейские народы. Естественные процессы смешения, миграций, развития и трансформации языков и культур приводили и приволя к формированию сначала субкультурных, а затем и культурных отличий. Генетические отличия также имеют место быть, поскольку одним группам и родам удавалось выживать и развиваться более динамично, чем другим, в том числе за счет более или менее тесных контактов с окружающими народностями (родами). В позднее время депортации и культурный геноцид татар на протяжении множества веков, национально-освободительные и сепаратистские движения татар и иных близкородственных им народностей, произвольные «передачи» и трудные «возвращения» Крыма, Татарстана, Башкортостана и т.д. в состав России. Отношение к татарам в России всегда было весьма небезразличным, однако, по-возможности, проблемы затушевывались или игнорировались. Вместе с тем, вопрос о «чуждости» и «близости» татар русскому народу есть один из краеугольных для его самопонимания, и, более того, будет одним из ведущих в вопросах, связанных с осмыслением будущего российского суперэтнуса. Длительное время история татар связана с «западничеством» и «американизацией», их попытками расщемить и уничтожить российский суперэтнос, поддерживая идеи о Золотой Орде и ее достижениях как исключительно нега-

тивных и чуждых для достижений России и соседних стран. Однако, при всех различных следствиях и проблемах, Золотая Орда и ее «даннические» отношения с Россией связаны с важным для нашей страны этапом «монгольской глобализации»: объединения в сверхмощную мировую державу, и этапами борьбы Московской «Руси» за первенство среди других территорий (Сибирской Руси, Литвы-Беларуси, Киевской Руси и т.д.). Эта борьба и до настоящего времени не окончена, знаменуя попытки деславянизации территории и культуры России, превращения ее в колонии азиатских и европейских держав, прежде всего Британии, Японии и Китая. Также как часть не-славянских по своему происхождению родов была объявлена «русскими», другая часть славянских родов была объявлена «татарами». Игры в переименования тех и иных, этнические смешения, неизбежные в течение жизни каждой народности и нации, завершили процесс переименования, окончательно запутав ситуацию. Фальсификация истории, к сожалению, скорее традиция, чем исключение, источники, свидетельствующие о Сибири, Алтае и Забайкалье, как о центре цивилизации, игнорируются или уничтожаются до сих пор. Аналогично, в области «генетической истории» человечества позиции генетиков и выводы их по одним и тем же данным столь разнятся, что говорить о (доступной повседневному осмыслению) генетике как науке сложно. Поэтому в настоящее время возможности понимания истинной истории алтайских татар и русских сейчас крайне ограничены, однако, в будущем, шанс на восстановление реальных событий и отношений появиться может и должен.

При всей многозначности, многонаправленности и многоуровневости возможных и сделанных интерпретаций и данного исследования, и тех, которые в нем были упомянуты, и тех, которые в нем не упомянуты, но являются важными для понимания изучаемого вопроса, отметим в заключение то, что исследование этой проблемы — один из ведущих аспектов не только исторического, но и прогностического осмысления судеб России / Тартарии и человечества в целом. Слишком многое было утеряно, слишком многое — извращено, чтобы можно было одозначно утверждать одну-единую историю отношений славян и тюрков. Однако, двигаться в этом направлении необходимо. Автор не претендует на то, чтобы понять все и быть безошибочной в своем понимании, напротив, многое из описанного рассматривается лишь как компонент версии, в которую автор, вслед за В. Франклом, пережившим ужасы фашистских концлагерей, верит

более всего: на свете есть две расы людей — порядочные и нет, границы между которыми подчас условны.

Литература

1. Агджоян А. Т., Схаляхо Р. А., Падюкова А. Д., Юсупов Ю. М., Балановский О. П., Балановская Е. В. От Сибири до Крыма: особенности генофонда татар евразии (крымских, сибирских, казанских, крымских, мишарей) // Международная полевая школа в Болгаре: сборник материалов итоговой конференции. Болгар, 17–30 августа 2015 г. / Макарова Е. М., Вязов Л. А., Айтуганова Н. Л. (ред.), Сборник материалов итоговой конференции. Издательство: Издательский дом «Казанская недвижимость», Институт археологии им А. Х. Халикова АН РТ, Казанский (Приволжский) федеральный университет. 2015. — С. 33–38.

2. Арпентьева М. Р. Проблема и мифы в истории крымских татар // Миф в истории, политике, культуре: Сборник материалов III Международной научной междисциплинарной конференции «Человек мифический — Nomomythos», «Мифологос — Myth-Logos» и «Мифоистория — Myth-History», 26–27 июня 2019 г. Севастополь (Миф в истории, политике, культуре, № 3) / Под редакцией О. А. Габриеляна, А. В. Ставицкого, В. В. Хапаева, С. В. Юрченко. — Севастополь: Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в городе Севастополе, 2019. — С. 328–344.

3. Балановская Е. В., Агджоян А. Т., Жабагин М. К., Юсупов Ю. М., Схаляхо Р. А., Долинина Д. О., Падюкова А. Д., Кузнецова М. А., Маркина Н. В., Атраментова Л. А., Лавряшина М. Б., Балановский О. П. Татары Евразии: своеобразие генофондов крымских, поволжских и сибирских татар // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. — 2016. — № 3 — С. 75–85.

4. Греков Б., Якубовский А. Золотая Орда (Очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII–XIV вв.). — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — 505с.

5. Евразийство: философия, история, политика. — Ростов-на-Дону: РИНХ, 2006. — 86 с.

6. Селезнев Ю. В. Элита Золотой Орды. Казань: ФЭн, 2010. — 232с.

7. Трубецкой Н. С. Европа и человечество. — София: Рос.-Болг. книгоизд-во, 1920. — 82 с.

8. Uehling G. L. Beyond memory: the Crimean Tatars' deportation and return. — New York: Palgrave Macmillan, 2004. — 294 p.

Т. А. Байдагулова, Е. А. Полева

Томский государственный педагогический университет, Томск

СЕМАНТИКА ЗАГЛАВИЯ И ОБРАЗ ПОЛЫНИ В ПОВЕСТИ ОЛЬГИ КОЛПАКОВОЙ «ПОЛЫННАЯ ЁЛКА»

Аннотация: Повесть О. Колпаковой «Полинная ёлка» анализируется с учётом жанровой специфики произведения (историко-биографическая и рождественская проза). Основные значения образа полыни — горечь и стойкость (метафора судьбы русских немцев в годы Великой Отечественной войны), способность отгонять злых духов. Образ полынной ёлки антонимичен: олицетворяет тяжёлую, горькую жизнь военной поры и праздник Рождества, веру в торжество добра.

Ключевые слова: сибирская литература для подростков, Ольга Колпакова, рождественская проза, советская история

T. A. Baidagulova, E. A. Poleva

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk

THE SEMANTICS OF THE TITLE AND THE IMAGE OF WORMWOOD IN THE STORY “THE WORMWOOD TREE” BY OLGA KOLPAKOVA

Summary: The story of O. Kolpakova “The Wormwood Tree” is analyzed taking into account the genre specificity of the work (historical, biographical and Christmas prose). The main meanings of the wormwood image are bitterness, strength, the ability to drive away evil spirits. The image of the wormwood tree is antonymous: it personifies the hard, bitter life of the wartime and the holiday of Christmas, the belief in the triumph of good.

Key words: Siberian literature for teenagers, Olga Kolpakova, Christmas prose, Soviet history.

Ольга Валериевна Колпакова — детский писатель, журналист, сценарист. Родилась 27 января 1972 года в селе Усть-Пустынка Краснощёковского района Алтайского края в семье педагогов. В 1994 году окончила факультет журналистики Уральского государственного университета, в 1995 году в екатеринбургском журна-

ле «Голос» появились первые публикации её сказок «И с листиками в ушах», «Счастье луковое», а в 2001 году вышли первые книги О. Колпаковой «Морозейка Минус Два» и «Посох Деда Мороза», которые затем неоднократно переиздавались [Ольга Колпакова: сайт]. Творчество О. Колпаковой характеризуется многожанровостью и ориентированностью на разную по возрасту аудиторию. Она создаёт сказки, детективы, интерактивные книги, предполагающие сотворчество ребёнка-читателя; значимое место в написанном ею занимают произведения просветительской направленности (например, о Новом годе, краеведческие проекты о культуре и географии Урала и пр.) [Харитоновна, 2017].

В 2017 году в издательстве «КомпасГид» была опубликована повесть «Полынная ёлка» о депортации русских немцев в годы Великой Отечественной войны. В основе книги реальные воспоминания участницы событий — учительницы автора. Повествование ведётся от лица героя-ребёнка, пятилетней немецкой девочки Марийхе, которая вместе со своей семьёй (мамой, бабушкой, сёстрами Лилей и Миной) была вынуждена бросить родной дом в Ровнополе — маленькой деревеньке, расположенной на юге страны, — и переселиться на незнакомую сибирскую землю, в Алтайский край.

В начальной ситуации переезда реализуются характерные для рождественской прозы мотивы тепла и холода, тесно связанные с оппозицией «свой — чужой»: покинув *свой тёплый* край героиня со своими родными оказывается в далёкой, *чужой и холодной* Сибири. Среди множества печальных и радостных моментов, сохранившихся в памяти Марийхе, особенное место занимает праздник Рождества Христова, который мама и бабушка решили устроить детям в третий год войны.

О. Колпакова использует перволичное повествование, чтобы передать специфику детского сознания, особенности восприятия окружающей действительности ребёнком. При этом в тексте также присутствует и фигура рассказчика-взрослого, отражающего сознание повзрослевшей Марийхе. Этот рассказчик «в отличие от ребёнка, обладает знанием о том, что произошло за горизонтом того или иного переживаемого в детстве события, он обладает способностью рефлексировать, комментировать, оценивать» [Харитоновна, 2021, с. 210]. Третья фигура, которая вводится в повествовательную структуру и ощутима в структурно-композиционной организации тек-

ста, — писатель, «автор итогового текста и книги как художественной целостности» [Харитоновна, 2021, с. 210].

В повести можно вычленить несколько смысловых кругов (масштабов изображения). Первый — личностный — связан с сюжетом становления центральной героини-нарратора. Важную роль в этом процессе играет семья девочки — мама, бабушка, сёстры, благодаря чему смысловой круг расширяется до семейно-родового. Семейно-родовой масштаб изображения задаётся не только изнутри повествования, но и через рамочный текст — предисловие, в котором объясняется мемуарно-документальная основа произведения. Личностный и семейно-родовой смысловые круги связаны с историческим, так как частные судьбы персонажей обусловлены конкретными событиями истории (депортация, Великая Отечественная война). А через поэтику рождественской прозы первые три круга связаны с бытийным, не частным и преходящим, а вечным.

Заглавие — один из важнейших элементов художественного текста, занимающий в нём сильную позицию. И. Р. Гальперин определил заглавие как «компрессированное, нераскрытое содержание текста», которое «можно метафорически изобразить в виде закрученной пружины, раскрывающей свои возможности в процессе развертывания» [Гальперин, 2007, с. 133].

В повествовании *попынная ёлка* упоминается всего два раза. В первый раз о ней рассказывается в главе «Рождество»: *«А там Лиля принесла большую ветку польни. Деревьев возле села уже никаких не осталось, и польнь была вместо ёлки. Она нарезала из старой порванной книги ленточек, разрежала бахромой их края и склеила ватной картошкой вокруг веточек польни. Этой же картошкой она наклеила из бумаги цепочек и украсила нашу ёлку. Ёлка получилась чёрно-белая. Но всё равно красивая!»* [Колпакова, 2017, с. 42]. Спустя много лет уже пожилая Марийхе — Мария Андреевна Фитц — повторяет Рождество своего детства: *«Она сделала ёлку из польни и нарезанных газет. Под ёлку она положила семечки <...> и поставила фигурки из теста»* [Колпакова, 2017, с. 64]. Это обусловлено не социальными условиями, а экзистенциальной необходимостью повторить опыт детства, чтобы вспомнить его, закрепить воспоминание как ценное.

Хранителем католических традиций в семье была бабушка, которая придавала большое значение рождественской ели как атрибуту праздника. С давних времён ёлка выступает важным символом Ро-

ждества Христова, считается, что традиция украшать именно это дерево пришла из Германии [Душечкина, 2002, с. 32]. Е. В. Душечкина утверждает, что изначально германские народы украшали ель и совершали специальные обряды на Новый год, однако после их крещения «обычаи и обряды, связанные с почитанием ели, начали постепенно приобретать христианский смысл, и её стали употреблять в качестве рождественского дерева, устанавливая в домах уже не на Новый год, а в Сочельник» [Душечкина, 2002, с. 33]. В легендах и истории говорится о ёлке традиционной — хвойном вечнозелёном дереве, но в тексте повести фигурирует иная ёлка — полынная. Причина, почему семья Марийхе поставила на Рождество такую необычную ёлку, была связана с реалиями военного времени и спецификой места — Сибири: «*деревьев возле села уже никаких не осталось, и полынь была вместо ёлки*» [Колпакова, 2014]. В годы Великой Отечественной войны еловая древесина была ценнейшим ресурсом: её широко использовали при строительстве различных сооружений, из неё получали целлюлозу, но в холодной Сибири она важна для поддержания тепла, а значит и жизни. Полынь же — довольно распространённое сорное растение, отыскать которое (даже зимой) — посильное дело. Выбор полыни для оформления Рождества обусловлен тем, что альтернативы у депортированных в Сибирь немцев не было. А благодаря своим прямостоячим ветвистым стеблям это растение имеет с елью внешнее сходство. Возможно, О. Колпаковой известен инокультурный аналог русской пословицы «На безрыбье и рак — рыба»: «Где нет деревьев, и полынь считается деревом».

Но доступность и внешнее, пусть очень отдалённое, но всё же подобие полыни елке не отражают внутренний смысл заглавного образа, построенного на неочевидной, на первой взгляд, антитезе: обыденного и праздничного (исключительного), горького и сладкого. Если ёлка ассоциативно связана с радостью торжества жизни, со сладостями, сопровождающими христианский праздник, то образ полыни, *мотивно* развёрнутый в наррации, связан с противоположными значениями.

Под мотивом в данной работе понимается кросс-уровневая единица текста, которой свойственны повторяемость, варьируемость, репродуцируемость, способность «накапливать смысл» в процессе развёртывания в повествовании; мотивом может стать любое «семантическое пятно», если оно соответствует указанным признакам [Гаспаров, Паперно, 1979]. Семантика мотива полыни раскрывает-

ся в нескольких эпизодах, проявляющих разные функции этого растения.

Значимо, что образ полыни появляется в повествовании не сразу, а его появление означает крайнюю степень ухудшения жизни русских немцев, на которых накладываются запреты и требования, не предъявляемые к другим жителям алтайской деревни Берёзовка: им нельзя было покидать деревню для подработки, подростков и женщин, которые могли бы помочь выжить семьям забирали в трудармию, дети были вынуждены реагировать на оскорбления, обвинения в фашизме и т.д. Полынь появляется в быту семьи зимой, когда холод и голод доводят до фантазий о блюдах из крыс. В ситуации пограничной, на грани жизни и смерти герои повести и начинают употреблять полынь в пищу: *«Из полыни бабушка тоже могла сделать пышки. Но они были такие горькие, что есть их было невозможно. Мама выносила пышки на мороз, втыкала в сугроб, чтобы мороз вытянул горечь. Но это плохо помогало. И мы ели их горькие, потому что голод был ещё горше»* [Колпакова, 2017, с. 31]. В данном контексте лексема «полынь» приобретает метафорическое значение горечи. Через игру значениями этого слова — горечь как вкус и горечь как тяжёлое чувство, состояние — актуализируется первая смысловая доминанта мотива полыни: это не столько горечь полынных пышек и даже не горечь голода, а великая горечь военного времени, приумноженная положением русских немцев, оказавшихся в чуждом им месте без хотя бы моральной поддержки. Однако именно полынь, эта горькая, казалось бы, бесполезная трава буквально даёт семье выжить, не умереть от голода.

Голод — не единственная беда, с которой сталкивались семьи. В Сибири с её длительными суровыми зимами многие переселенцы замерзали. Образ замерзающего ребёнка является довольно распространённым в рождественской прозе («Девочка со спичками» Г.Х. Андерсена, «Мальчик у Христа на ёлке» Ф.М. Достоевского, «Глупый Фёдька» В.И. Немировича-Данченко, «Маленькой ёлочке холодно зимой» А. Солоницына и др.). Природный холод в рождественских рассказах является метафорой человеческого бездушия, оледенения человеческих сердец. О. Колпакова в этом не следует традиции жанра, в её повести от холода никто не умирает, и спасением вновь оказывается полынь (отметить внутренне родство слова полынь с пламенем — от «пылать, «гореть»»): *«Мы топили печку **попынью**, которую приносила Лиля, и свиным навозом, который очень*

плохо горел» [Колпакова, 2017, с. 34]. Полынь спасает героев от холода, а значит от смерти.

В рождественских повестях и рассказах образ огня является одним из самых частотных. Этот образ связан с мотивами тепла, света, домашнего очага, то есть имеет положительную семантику. О. Колпакова усложняет семантику образа: с одной стороны, печной огонь спасает, с другой огонь выступает как грозная стихия, несущая смерть и разрушение (возможно, нехарактерное для рождественской прозы обращение к противоположному значению образа огня как разрушительной силы связано с тем, что центральной темой произведения является тема войны). Во время Первой мировой войны в огне сгорает дом и документы отца девочек, из-за чего его потом берут в плен. Двоюродный брат Марийхе Теодор, трудившийся на уральских шахтах, попадает под горящий уголь: *«Теодора вытащили, потушили. Но сгорели пальто, валенки, и нога. Работать Теодор не мог»* [Колпакова, 2017, с. 34]. с Огонь становится и косвенной причиной болезни и последующей за ней смерти Мины, сестры героини. Она заболела после того, как ходила добыть уголёк для растопки печи. В повествовании сопряжены образы быстрого сгорания полыни и девочки: *«попынь сгорала быстро, да и искать Лиле её было всё сложнее»* [Колпакова, 2017, с. 46]; *«У неё началась лихорадка, она вся горела, слюна текла ручьём, ей стало тяжело ходить и трудно глотать, и она перестала есть»* [Колпакова, 2017, с. 50]. Вскоре девочке умирает, сгорает так же быстро, как и полынь. Образ полыни амбивалентен: с одной стороны, это стойкое растение, которое не убивают сибирские морозы, оно сохраняет свою структуру, стебель и ветви, а с другой стороны, оно оказывается хрупким, легко сгорает.

Кроме этого, значимы другие антонимичные значения образа: внешней невзрачности и внутренней силы. В повествовании дети верят в способность полыни защитит от злых духов, о которой рассказывает им пожилой человек, носитель народной мудрости:

«— Я боюсь туда идти, — призналась я деду Ване. — Говорят, там призрак.

*— Деточка, а ты возьми **попыни**, призраки боятся **попыни**, — посоветовал дедушка»* [Колпакова, 2017, с. 57]. Полынь выполняет функцию не только сохранения физической жизни русских немцев (не даёт умереть от голода или холода), но и служит сохранению памяти, культуры, потому что в школе дети писали *«чернилами из сажки и **попынной** палочкой, к которой привязали стальное перо»* [Колпа-

кова, 2017, с. 55]. А благодаря указанию на её способность охранять от зла и сочетанию с семантикой рождественской ели она обретает символический смысл.

Полынь — то, что не даёт Марийхе и её семье умереть, помогает развиваться, защищает, оберегает. Этот образ служит метафорой жизни русских немцев в Сибири (и шире — людей вообще) в период Великой Отечественной войны: горечь полыни — метафора горечи военного времени, а её стойкость (полынь — растение, способное сохраняться зимой) — отражение силы духа простых людей в этот тяжёлый период. Но и такая стойкая трава может быстро сгореть: не все смогли пережить войну, не пережила её Мина.

В предфинальной главе «Икона» образ полыни соединяется с христианским образом иконы, находка которой знаменует новый этап жизни маленькой героини: пережив уход сестры из жизни, она решается преодолеть свой страх смерти и, вооружившись веткой *полыни*, идёт в дом «с призраками». Но вместо сил зла находит там иконы и один из ликов принимает за образ своей покинувшей земную жизнь сестры. Сразу после обнаружения икон солнечным майским днём в дом врывается старшая сестра Лиля с хорошей новостью (однозначно об окончании войны). Такое соединение событий выражает авторскую мысль о конечности любых земных испытаний, веру в торжество вечной жизни над бренностью земного существования.

Таким образом, образ полынной ёлки в тексте связывает бытовое (оформление Рождества в период Великой Отечественной войны) и бытийное (общение с Богом, поиск ответов на важные вопросы). Семантические доминанты мотива полыни — горечь, защита, спасение, стойкость — служат отражением той или иной стороны жизни русских немцев в Сибири в годы Великой Отечественной войны.

Литература

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 5-е стереотипное. — М.: КомКнига, 2007. — 144 с.
2. Гаспаров Б., Паперно И. К описанию мотивной структуры лирики Пушкина // *Russian Romanticism: Studies in the Poetic Codes*. — Stockholm, 1979. — С. 9–44.
3. Душечкина Е. В. Русская ёлка: История, мифология, литература. — СПб., 2002. — С. 32–35.
4. Колпакова О. Полынная ёлка. — М.: КомпасГид, 2018. — 88 с.

5. Ольга Колпакова: писатель, журналист: сайт, посвящённый личности и творчеству О. Колпаковой. — 2021. — URL: <http://kolpakova.net> (дата обращения: 03.02.2021).

6. Харитонова Е. В. Историческая память и специфика её репрезентации в повестях Ольги Громовой «Сахарный ребёнок» и Ольги Колпаковой «Полынная ёлка» // Правда о войне в художественных интерпретациях. К юбилею Победы: материалы XXV Шешуковских чтений / под общ. ред. Л. А. Трубиной. — Москва: МПГУ, 2021 — С. 206–218.

7. Харитонова Е. В. Сказочные повести Светланы Лавровой и Ольги Колпаковой: образы автора и персонажей, нарративные приемы и жанрово-стилевое своеобразие // Сибирская литература для детей и юношества: тенденции и контекст развития (1950–2010-е гг.): Коллективная монография: в 2 т. Т. 2 / Под ред. Е. А. Полевой, Е. К. Макаренко. — Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2017. — С. 58–83.

М. П. Гребнева

Алтайский государственный университет, Барнаул

ПОЭТИКА РАССКАЗА СТ. ИСАКОВА «ТАМ, В ГОРНЫХ ДОЛИНАХ»

Аннотация: статья посвящена рассказу Ст. Исакова «Там, в горных долинах», в ней предпринята попытка выявить наиболее важные, ключевые мотивы, позволяющие донести авторскую мысль до читателя. Среди них особое место занимают мотивы города — деревни, души — тела, памяти — забвения, гор — долин, языческого — христианского, земли — неба, созерцательного начала — деятельного начала, внутренней силы — внутренней слабости, любви — страсти и др. Анализ перечисленных мотивов дает возможность предположить, что позиции автора произведения и его героя-путешественника не совпадают. Исакову ближе представления о жизни тех людей, которые окружают его странника — Григорий Иванович, солдатка Наталья, Демша.

Ключевые слова: рассказ, поэтика, мотивы, герои, антитеза

M. P. Grebneva

Altai State University, Barnaul

THE POETICS OF A STORY BY STEPAN ISAKOV “THERE, IN THE MOUNTAIN VALLEYS”

Summary: The article deals with the story of Stepan Isakov “There, in the mountain valleys.” It attempts to identify the most important key motives that make it possible to convey the author’s thought to the reader. Among them, a special place is occupied by the motives of the city — village, soul — body, memory — oblivion, mountains — valleys, pagan — Christian, earth — heaven, contemplative principle — active principle, inner strength — inner weakness, love — passion, etc. The analysis of the above mentioned motives reveals that the positions of the author of the work and its main character, the traveler, do not coincide. Isakov is closer to the idea of the life of those people who surround his wanderer — Grigory Ivanovich, soldier’s wife Natalya, Demsha.

Key words: story, poetics, motives, characters, antithesis.

Рассказ Ст. Исакова «Там, в горных долинах» был опубликован впервые в журнале «Современный мир» в 1916 году, а затем был переиздан в 1918 году в Барнауле отдельной книгой. Образ повествователя в этом произведении узнаваем. Он такой же «воздушник», как и герой рассказа «Горный дух» (1914), созерцатель, лишенный какого бы то ни было деятельного начала. Неизвестно, чем он занимается, сколько ему лет, как его зовут, как он выглядит. Герой стремится к слиянию с окружающим его миром, к тому, чтобы раскрыть читателю свою душу, неразрывно связанную с природой. В произведении есть фрагмент, объясняющий его название: «Все это видно сквозь сбегающие вниз вершины пихт. Перестаю дышать: слушаю шорохи леса. Но сквозь эти шорохи я слышу еще тихий гул. Где он: под землей или в небе? Там, в горных далях, или в душе?..» [Антология, 2012, с. 261]. Рассказчик любит, восторгается окружающей природой. Горы и долины притягивают его к себе. Он повествует о своем отношении к ним: «Ах, я переживал пору первой влюбленности и сладкого забвения» [Антология, 2012, с. 248].

Во вступлении к рассказу Исаков пишет о том, в каком неблагоприятном состоянии находится его герой: «<...> я почувствовал, как я устал, как разбиты мои ноги от больших переходов, как устала душа от этой поры первой влюбленности — от этого счастья!..» [Ан-

тология, 2012, с. 248]. В конце произведения странник возрождается и устремляется к новым приключениям на дороге жизни: «Если устану, опять поживу у кого-нибудь на заимке или на пасеке, отдохну, наберу новой силы и — дальше» [Антология, 2012, с. 272].

Влюбленность в природу соседствует с влюбленностью в солдатку Наталью. Она для него — такая же часть гор и долин, как деревья, кусты, птицы и т.д. Для путешественника отношения с героиней — это эпизод из жизни гор и долин: «Теперь я пойду к калмыкам» [Антология, 2012, с. 272]. Речь идет не о любви, а о таком любовном увлечении или влечении, когда люди думают в первую очередь о себе, причем такую логику событий разделяют и герой, и героиня. Именно поэтому рассказчику важно, чтобы Наталья не узнала, куда он ушел. Именно по этой причине Наталья изначально рада тому, что он ее оставит: «А тут шито-крыто, ушел и концы в воду» [Антология, 2012, с. 266].

Не случайно в рассказе Исаков уподобляет своего героя птице. Путешественник испытывает ощущение физической внешней и духовной внутренней свободы. В начале автор рассказа пишет: «В черемуховых зарослях поют **птицы**, в голубом небе плавают горные **орлы** и клекочут — клек... клек...» [Антология, 2012, с. 249]. В конце произведения он замечает: «Вон высоко в бирюзовом небе скользят горные **орлы** — под самыми облаками. Клекочут оттуда: клек... клек... и медленно плывут к вершинам «белков»...» [Антология, 2012, с. 272].

Благодаря Исакову герой явно подчиняется законам природы так же, как и птицы, но, по мысли автора рассказа, окружающий человека мир предполагает, что он должен жить по-божески в этом райском месте, созданном для него, слабого и недостойного, творцом: «Солнце заливает «сады для грешного человека» [Антология, 2012, с. 272].

Однако в то же самое время Исаков показывает разительный контраст между своим героем и птицами. Бездомность рассказчика противопоставляется домовитости птиц, по-божески живущих вблизи гор и даже поднимающихся к их вершинам: «вероятно, где-то там ниже снегов, в кедровом редколесье их гнезда» [Антология, 2012, с. 272]. Вольнолюбие не противостоит домовитости птиц, а дополняет ее.

В этой связи антиподом рассказчика является Григорий Иваныч, который находится в мире с собой и с Богом, который действительно стремится жить по заповедям божьим и не грешить. У него огромная семья — три сына и пять дочек [Антология, 2012, с. 250].

Он — вольнолюбивый человек, живет на заимке, как птица в своем гнезде. Не случайно это слово употребляется им, когда он говорит о старшем сыне: «Иван, слава богу, крепкий мужик, не разорит гнездо» [Антология, 2012, с. 263].

Старик стоит обеими ногами на земле, а не летает над ней, как рассказчик, которому «хочется разбежаться с перевала, броситься в мягкую траву кувырком, с боку на бок, покатиться вниз, по всей холмистой долине, до самых лесов» [Антология, 2012, с. 248]. Когда странник утрачивает эту способность ходить-летать, он останавливается, набирается сил и двигается дальше. Герой, в отличие от птиц и людей-птиц, после истории с солдаткой не летает, а хромает: «**Прихрамывая**, я подхожу к Григорию Иванычу» [Антология, 2012, с. 271]. Старик говорит ему: «Ну, что ж, **хромай** дальше...» [Антология, 2012, с. 272]; «**Прихрамывая**, я выхожу на проселок» [Антология, 2012, с. 272].

Любовь старика к природе деятельна, а любовь путешественника умозрительна: «Пока я спал (отдыхал — М. Г.), он (Григорий Иваныч — М. Г.) перегнал овец около заимки через ключ, на другие косогоры, а эту оставил — перевязать ранку на ноге» [Антология, 2012, с. 251]. У овцы реальная, а не идеальная рана, как у странника. Старик испытывает к ней жалость, любит в ней все живое в природе: «Да и живая животинка, как понапраслинно зарежешь...» [Антология, 2012, с. 252]. Хозяин заимки относится с любовью и заботой ко всему живому. В рассказе очень много животных.

Как следствие, в произведении представлена антитеза города и деревни. Григорий Иваныч — сельский житель, а рассказчик — городской. Долю путешественника автор уподобляет судьбе Стратоныча — одинокого человека, бобыля, который спрашивает у него: «По моей дорожке наладил лыжи-то, хе, хе...» [Антология, 2012, с. 254]. Имеется в виду по дороге неприкаянного странника. История с Натальей является подтверждением его слов. Птичке божей уподобляется не только рассказчик, но и Стратоныч, о котором сказано, что «он жил в городе, у него много там знакомых, друзей, врагов. Жил в больших пригородных и приобских селах, во многих местах побывал молодым и в России» [Антология, 2012, с. 254]. Стратоныч был таким же странником, как и рассказчик. У Исакова повествователь — даже не странник, а «странничек» [Антология, 2012, с. 249].

С образом рассказчика связана тема отдыха, а с образом Григория Иваныча — тема труда. Повествователь — созерцатель, а Григо-

рий Иваныч — деятель. Все люди вокруг путешественника работают. Создается парадоксальная ситуация, когда человек отдыхает, ничего не делая, если не считать, что он путешествует, любит красоту природы, увлекается на время: «Мне бы давно следовало отдохнуть как следует, — забиться куда-нибудь на пасеку, к старому пчеловоду, поваляться недели две, поспать, поленившись вволю, а потом опять двинуться, куда глаза глядят». [Антология, 2012, с. 248]

Когда все люди, находящиеся на заимке, отходят ко сну, рассказчик бодрствует: «Мне не хочется спать: спал днем. У меня ноют ноги. Я укладываю их, угреваю» [Антология, 2012, с.258]. Когда в доме не остается ни души, поднимается путешественник: «Я просыпаюсь слишком поздно: яркое солнце разнежило меня. На заимке никого нет, нет и передков с флягами. Значит, Григорий Иваныч еще в деревне» [Антология, 2012, с. 258].

В отличие от рассказчика, который страдает и духовно, и физически, Григорий Иваныч, с которым его сталкивает жизнь, поражает своей крепостью, силой и физической, и нравственной, неспособностью «уставать»: «Мне нравятся эти глаза, нравится крепкая, крупная фигура старика» [Антология, 2012, с. 249]. Он, действительно, сильный, крупный, мощный и физически, и нравственно. Рассказчик же твердит постоянно про свое: «Как я устал, как устал, дедушка! — говорю я ему. — Брожу вот по горам туда-сюда — и отекали ноги» [Антология, 2012, с. 249].

Под статью отцу и старший сын Григория Иваныча, которого зовут так же, как и деда: «**работает** день и ночь — то дома, в деревне, то на заимке, а осенью, когда подбирается работа — белкует в горах» [Антология, 2012, с. 250]. О среднем сыне, о Федоре, сказано: «А разума тоже бог дал бы парню, тоже молчун да **работник**» [Антология, 2012, с. 250].

Старик рассказывает странствующему человеку о недостатке работников в страдную пору, но тот пропускает эти слова мимо ушей: «Теперь вот покосы идут — тут около заимки косим. Вижу — своих рук нехватка, а чужих взять негде...» [Антология, 2012, с. 250]. Григорий Иваныч говорит о работе странствующему человеку, а тот ему об усталости после съеденного угощения: «После калача и меда меня начинает размаривать усталость» [Антология, 2012, с. 251]; «пристал? — спрашивает Григорий Иваныч» [Антология, 2012, с. 251]; «Ну, полежи, отдохни уж» [Антология, 2012, с. 251].

О покое старик только мечтает, поскольку он говорит: «Отдохнуть бы на старости лет мне, а тут вот работай. Ну, да работой не прогневишь Бога» [Антология, 2012, с. 251]. Мысли о труде в его голове соседствуют с мыслями о Создателе. По сути дела работа и является для него Богом, которому он поклоняется. Работа — это то, что неразрывно слито с его существованием не только в бытовом, но и бытийном смысле. С точки зрения Исакова, он и такие, как он, люди — основание жизни. Не случайно после разговора со странником старик «начинает долбить **ось**» [Антология, 2012, с. 251]. Ось — это центральная часть не только телеги, но и самой жизни, возможно. Как следствие мотив превращается в лейтмотив: «Григорий Иваныч долбит под навесом **ось** к телеге» [Антология, 2012, с. 262], «Старик опять возится около своей **оси**» [Антология, 2012, с. 268], «теперь он стружит **ее** (ось — М. Г.) тупым стругом, лошит колодкой оболваненные места и поет старую сибирскую песню» [Антология, 2012, с. 268], «А как, милый человек, **ось** крепка будет?» [Антология, 2012, с. 268]. Мотивы оси и ее крепости, крепи в рассказе соседствуют. И сам себе старик отвечает: «Вот тот-то оно и есть — крепка» [Антология, 2012, с. 268]. Это он говорит о себе и подобных ему людях в крепости, внутренней силе. А дальше он обращается к рассказчику: «А то ноне наделают разных завитушек на ней, поедут, а она счас — трррес...» [Антология, 2012, с. 268].

В рассказе Григория Иваныча, посвященном старине, поражает упоминание о силе людей в прошлом: «Ох, нету прежней крепи!.. Не-ету» [Антология, 2012, с. 253]. Иронически настроенный путешественник не может не признать правоты хозяина заимки: «Но крепь, крепь! Да, тут, пожалуй, можно со стариком и согласиться: в старину живали крепкие люди...» [Антология, 2012, с. 253]. Физическая крепь в сознании собеседника странника соседствует с крепью нравственной, с верой в Бога. Это то, что закаляет человека, делает его непобедимым: «А потому, друг великий — в Боге все жили, заповеди все исполняли, друг на друга с обидой не шли. Крепкая вера была!..» [Антология, 2012, с. 253].

Слова старика, обращенные к Стратонычу, можно в полной мере отнести и к рассказчику: «Только трудись, да заповеди сполняй, а бог все даст... Все даст...» [Антология, 2012, с. 254]. Григорий Иванович не умеет говорить хорошо, красиво, как рассказчик, но он делает это от души, его устами говорит народ.

Причем, в молодости, как выясняется, он бродил по горам и долинам, но не так, как рассказчик, он охотился: «Ходил одна на глухарей, — выводок заприметил хороший. Ходил, ходил и забрел к дедушке Савелью на пасеку» [Антология, 2012, с. 255]. Ситуация удваивается, так как молодой Григорий Иваныч общался с дедушкой Савелием, а рассказчик — с Григорием Иванычем, которого он называет дедушкой [Антология, 2012, с. 250].

У хозяина займки, когда он вспоминает о прошлом, о смерти Абросима, судя по всему, болит душа, а не ноги, как у странника: «Голос Григория Иваныча замирает, падает. Потом старик шевелится, швыряет носом и сморкается в одежду» [Антология, 2012, с. 256].

Способность к настоящему чувству демонстрирует не только хозяин займки, но и солдатка, его невестка. Ее переживания при получении письма от мужа являются тому подтверждением: «У нее катятся из глаз слезы» [Антология, 2012, с. 259] (ср. со слезой, которая катится из глаз несчастной овечки. Именно здесь, по Исакову, заключается настоящее, здесь заключается правда жизни). Рассказчик говорит: «Нет, я совсем не понимаю этих слез» [Антология, 2012, с. 259]. Старик по-своему интерпретирует эти слезы: «Ну, распустит теперь нюни-то! — машет рукой Григорий Иваныч. — Жалкует по нему, вишь...» [Антология, 2012, с. 259]. Жалкует, жалеет, т. е., любит. Этого не может не признать и странник: «Да, лицо у нее помято, припухли и глаза, но ведь это значит только то, что года не убили у нее любви к мужу» [Антология, 2012, с. 260]. То, что происходит между Натальей и рассказчиком, он не называет любовью: «Нет, не под силу ей противиться этой **страстной**, греховной природе, этому жаркому голубому небу. Не под силу!..» [Антология, 2012, с. 260]. То же самое состояние — страсти, а не любви, характеризует и рассказчика. Вот только не много ли он перекладывает на плечи природы, облегчая свое существование? Слезы Натальи по мужу, как следствие, соседствуют с усмешкой по рассказчику: «Ах, на ее лице опять вспыхивает крепкий румянец и воскресает греховная улыбка» [Антология, 2012, с. 261].

Для рассказчика природа — это и есть бог, которого он любит, которому он поклоняется. Чувство путешественника не просветлено разумом. На вопрос старика, где он был, рассказчик отвечает «молился» [Антология, 2012, с. 262]. Старик вспоминает о своем отце, который тоже молился, но делал это по-другому. Там — аскет, подвижник, **христианин**, здесь — гедонист, грешник, **язычник**. Григорий

Иваныч, размышляя об отце, говорит: «Праведной жизни старичок был» [Антология, 2012, с. 262], «Праведной жизни был» [Антология, 2012, с. 263]. Странника таким праведником не назовешь.

Желая подчеркнуть это, Исаков использует игру слов. Умение молиться богу по-настоящему соотносится с умением молоть зерно на мельнице. Люди, которые приезжали на мельницу к отцу Григория Иваныча, называются «помольниками» [Антология, 2012, с. 263]. Они мололи зерно и молились праведнику или на праведника. Отец Григория Иваныча выступает в роли этого святого человека. Люди приходили к нему для того, чтобы приобщиться к святому. По мысли Исакова, дистанция между отцом Григория Иваныча, самим Григорием Иванычем и рассказчиком огромна. Старик говорит: «И я ... поживу вот еще сколь, поработаю, пока в можете, а там и меленку построю, али пасеку разведу — грехи замаливать буду» [Антология, 2012, с. 263]. Хозяин заимки живет постоянно с мыслью о Боге. Своим духовным наследником старик отчетливо видит Ивана. Он такой же крепкий и физически, и в вере, как дед и отец.

Рассказчик такой внутренней крепью не отличается. Его нельзя назвать покорителем природы. Он то и дело подчиняется ей, ее красоте, греховому зову во взаимоотношениях с солдаткой. Здесь нет самого главного, нет преодоления самого себя, прежде всего: «Я пришел откуда-то к ней на заимку, и она взяла меня» [Антология, 2012, с. 264].

Контраст рассказчика с окружающими его людьми возникает не только благодаря образам Григория Иваныча, его отца, Натальи, но и благодаря образу Демши: «Может быть эти лунатики — гениальные поэты? Может быть их души только в крепком сне стремятся на призыв неба и, движимые им, ведут за собой эту тленную шелуху, тело. Кто знает?» [Антология, 2012, с. 265]. Герой движется на призыв неба, оно обращается к его душе в отличие от рассказчика, который подчиняется зову земли, тела. Балансирующий на грани жизни и смерти Демша силен своей внутренней мощью. Интересно, что рассказчик, который хочет помочь лунатику, удерживается рукой его брата: «но за руку **крепко** держит Филимон» [Антология, 2012, с. 265].

Путешественник же действительно «воздушничек» в делах и мыслях. Во взаимоотношениях с Натальей она крепко держит его силой страсти. Солдатка прокалывает ногу страннику, желая оставить его при себе подольше, отсрочить расставание она пытается с помощью

камня: «Так, нашла камешек, щибнюшку, да проколола. Не уйдешь теперь!..» [Антология, 2012, с. 271].

Камень выступает в роли средства греха или посредника греха. Свидание Натальи и рассказчика происходит среди камней: «Мы идем на косогор, к камням, где пасутся днем кони. Камни охолодели, — на них холодно стоять босым, и мы ищем пещерку, о которой знает солдатка» [Антология, 2012, с. 270].

Род человеческий и род животный соседствуют, как в легенде, которую воспроизводит Исаков и рассказывает Григорий Иваныч: «Стал, значит, Бог Саваоф творить землю. Взял кусок тины из выси и полетел во тьму кромешную — землю творить. А Сатана и пойми мысли Бога и в гордыне своей сказал себе: и у меня земля будет. И полетел в преисподнюю, в морские глубины, тоже за тиной» [Антология, 2012, с. 270]. Дьявол взял тину из преисподней и сотворил огромные горы, камни. Горы — дар искусителя, сады среди гор — дар вседержителя.

Как в легенде дьявол таит свой замысел от Бога, так в действительности герои скрываются от глаз других людей: «Да, в этой пещерке трава и вереск» [Антология, 2012, с. 270]. Трава и вереск в пещерке так же находятся рядом, как долины среди гор: «Она в половине скалистого косогора. Из нее видны «белки» с бледными маревами...» [Антология, 2012, с. 270].

Сады среди гор — это подарок человеку от Бога: «Пусть будут эти сады для человека отрадой», — сказал Саваоф и вознесся на небо...» [Антология, 2012, с. 269]. Земной рай предназначен для грешного человека. Божеское предстает в окружении дьявольского точно так же, как доброе и злое, безгрешное и греховное в человеке. Григорий Иваныч говорит, делая выводы из легенды: «Вот как. Отрада, дескать, грешному человеку» [Антология, 2012, с. 269]. Человек нарушает заповеди творца в садах, в земном раю: «А мы вот ... грешим да грешим. Во грехе родились, во грехе помрем, — тянет старик. — Да-а...» [Антология, 2012, с. 269].

В концовке рассказа обыгрываются мотивы памяти и забвения. Григорий Иваныч говорит рассказчику на прощание: «Не забудь, что у нас, все прибирай» [Антология, 2012, с. 272]. Ответные слова героя не являются правдой: «Нет, не забуду» [Антология, 2012, с. 272]. Именно забыть все он старается, еще не уйдя с заимки. Внутри его уже поселяются постоянные спутники: «...и душу мою наполняет печаль и скука...» [Антология, 2012, с. 271], «На душе тоска. Долго ли

она будет?» [Антология, 2012, с. 272], «Ничего, я скоро забуду о солдатке» [Антология, 2012, с. 272], «Но все время я думаю только о ней и о ней» [Антология, 2012, с. 272]. Привычный алгоритм действий, видимо, дает сбой.

Вероятно, на этот раз не только общение с природой производит впечатление на рассказчика, но и те люди, которые живут в гармонии с ней и с Богом. В названии рассказа говорит память странника, напоминание о том, что жить нужно по-божески, по заповедям божьим.

Литература

1. Образ Алтая в русской литературе: Антология: в 5 т. — Барнаул, 2012. — Т. 2. — С. 248–272.

М. С. Дедина

Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова,
Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск

ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ И ОБРАЗЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ДИМАНА БЕЛЕКОВА

Аннотация: Статья посвящена изучению фольклорно-мифологических элементов в произведениях Димана Белекова. В призме внимания репрезентация автором художественного пространства, в центре которого находится традиционная картина мира, базовыми составляющими которой становятся характерные символы-маркеры (гора, река, дерево). Доказывается, что лирика поэта имеет песенное начало, основу которого составляют алтайские народные песни.

Ключевые слова: алтайская литература, Диман Белеков, национальная картина мира, родная земля, Алтай, песня.

M. S. Dedina

S.S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaistics,
Gorno-Altai State University, Gorno-Altai

FOLKLORE AND MYTHOLOGICAL MOTIFS AND IMAGES IN THE WORKS OF DIMAN BELEKOV

Summary: The article studies the folklore and mythological elements in the works of Diman Belevkov. The author pays his attention to the representation of the artistic space, in the center of which there is the traditional worldview, the basic components of which are characteristic symbolic markers (a mountain, a river, a tree). It is proved that the poet's lyrics have a song nature, which is based on Altai folk songs.

Key words: Altai literature, Diman Belevkov, national worldview, native land, Altai, song.

Национальная картина мира как отражение ментального своеобразия народа, преломленного через художественное сознание автора, представляет особенный интерес в словесном творчестве. Писатель, как носитель культурных традиций и представитель своего народа, через художественное осмысление действительности, репрезентует национальный менталитет (систему традиционных образов). В алтайской литературе сильны фольклорно-литературные взаимосвязи, поскольку литература как средство осмысления бытия является отражением ментальности носителя определенного мировоззрения и миропонимания. А то, что в основе мировидения алтайского народа сегодня еще живы культовые обряды, направленные, к примеру, на «задабривание» покровителей жилища, определенного места, родника и т.д., в произведениях алтайских писателей это имеет место и присутствует на ментальном уровне.

Обладая богатейшим устным народным творчеством, в первую очередь героическим эпосом, письменная литература, бытовавшая до этого времени в изустной форме, начала свое развитие в середине XIX в. в творчестве М. В. Чевалкова. Он был носителем телеутского диалекта алтайского языка, поэтому его произведения не имели широкого распространения среди простого народа вплоть до середины XX в. Причиной этому, в немалой степени, было и то, что в начале XX в. грамотными среди коренного населения были не более 1,5 процентов населения.

Активное развитие литературы на алтайском языке наблюдается в годы советской власти, в 1920–1930 гг. В данный период фольклорное влияние на литературу было очень сильно, поскольку, во-первых, многие писатели, не имея предшествующей литературной базы на родном языке, в большинстве своем опирались на фольклорные источники. С. С. Каташ отмечал, что «фольклор был и остается для писателей творческой школой, где они учатся технике художественного изображения, образному воспроизведению действительности» [Каташ, 1982, с. 5]. Во-вторых, произведения, имевшие острую агитационную направленность, создавались на понятном для читателя языке. Средствами художественной выразительности фольклора писатели пытались донести до адресата идеи и принципы новой власти. «Действующие лица первых письменных произведений выступали сказочными героями, язык произведений был еще насыщен устнопоэтическими стилистическими оборотами» [Каташ, 1982, с. 6].

Во второй половине XX в. фольклорные образно-стилистические средства продолжают оказывать значительное влияние на литературное развитие. В творчестве писателей, особенно на раннем этапе, прослеживается присутствие жанровых, образных черт фольклора, а мифопоэтический контекст произведений уходит от формо- и жанрообразующего уровня в глубинный смыслообразующий контекст.

В конце 1960-х гг. идейно-нравственные вопросы современности порождают проблему самоопределения и самоидентификации личности в изменяющемся мире. Осмысление писателем истории и культуры своего народа в литературном произведении через традиционное мировоззрение, отраженное в мифологии и фольклоре, в так называемых проверенных временем «сгустках мудрости» (Ч. Айтматов), получило отражение в этнопоэтике. Определяющим фактором для национальных литератур этого периода «является фольклоризм — ориентация писателей на этнопоэтику и жанры устной народной словесности, а также включение в текст литературного произведения отдельных элементов фольклора» [Майнагашева, 2018, с. 31]. Таким образом, фольклорно-мифологические мотивы и образы для писателей второй половины XX в. становятся средством художественно самовыражения, направленного на углубление смыслового содержания и отражение этнокультурных мировоззренческих постулатов.

В настоящей статье мы попытаемся выявить роль фольклорно-мифологических образов и мотивов в произведениях Димана (Иван Итулович) Белекова, представителя так называемой «третьей волны» алтайских писателей второй половины XX в. С самого начала своей творческой деятельности позиционировал себя как поэт-песенник. Он является родоначальником бардовской (авторской) песни в Горном Алтае, преемником, как отмечали некоторые критики, Л. Кокышева, чья лирика, как известно, носила песенное начало. Основополагающим в произведениях Д. Белекова становится национальный образ мира, как «Психо-космо-логос» (Г. Гачев) определяющий систему координат в мирозерцании и мироотражении поэта. Во-первых, выросший в среде, где почитание природы, соблюдение обычаев было нормой, этнокультурный контекст становится неким органичным и естественным способом восприятия окружающего мира. Во-вторых, часто фольклорные сюжеты и мотивы являются идейно-художественными предикативными доминантами, позволяющими автору выстроить философское отношение к изображаемому, являясь фундаментальной основой мировоззрения писателя. Безусловно, национальный образ мира со всем комплексом семантико-смысловых составляющих, является базовой составляющей авторской рецепции.

Творчество Димана Белекова принято относить к лирическому направлению в алтайской поэзии. Первый сборник своих стихов «Көктаманду жаландар» («Поля с подснежниками») он выпустил в свет в 1974 г. В это время он был студентом третьего курса Литературного института им. М. Горького. Этот и все последующие лирические сборники поэта имеют значимые, очень символические названия. «*Жаңарлу мөштөр*» («Поющие кедры», 1982), «*Күрее кожон*» («Песни в кругу», 1985), «*Аршанда жылдыстар*» («Звезды у ручья», 1991) «*Кадын — мениң талайым*» («Катунь — мое море», 2013) и др.

В центре художественного пространства лирики поэта — его малая родина, Дбайлугуш. Это долина в Онгудайском районе Республики Алтай, где находилось маленькое поселение Салдыяр, где родился будущий писатель, исчезнувшее вследствие укрупнения колхозов в 1950-е гг. Склонный к объединению стихотворений в тематические группы, в сборнике «*Жаңарлу мөштөр*» в отдельный раздел писатель собрал стихи о Дбайлугуш — «*Жайлугушта эреен жай...*» («Благодатное лето в Дбайлугуше...»).

Стихотворение «Яйлугуш» писатель посвятил своему земляку, известному писателю Александру Ередееву, в качестве эпиграфа используя стилизованные под народную песню строки:

Яйлугуштын јалангы —
Јаба өскөн јерибис.
Кадриннин каскагы —
Канчын јиит тужыбыс.

Долина Дьайлугуш —
Место, где росли вместе.
Крутой склон Кадрина
Наша юношеская пора
[Белеков, 1982, с.37; пер наш].

Перед нами предстает величественная картина просторной долины, окруженной высокими горами. Центральными образами символами становятся река и горы, окружающие долину.

Буурыл башту сүмери
Будуттарла чек коштой.
Кадынга кирген суузы
Канат јайган ак куштый
[Белеков, 1982, с.37].

В облаках седые пики тают.
Ледяной струей свысока,
крылья разбросав, в Катунь влетают
волны Яйлугуш — о, Свет-Река!
[Когда цветет маральник, 1985, с. 25]

Эта земля для поэта становится частью Алтая, в субъективном восприятии — его центром, воплощая в себе величие, мощь и красоту. Позже, в своих лирико-философских размышлениях Д. Белеков напишет: «И вообще, пусть я не фанатик в вере, но я благодарен судьбе, что родился на этом святом пятачке «между Богом и мною». Здесь как бы Алтай в миниатюре. Чике-Таманский перевал, Катунь, Салдъарский хребет, цветущие сады Яломана, Каменные скалы, где сосредоточен весь сгусток, природно-климатический ландшафт (от ледников до барханов и от хвойных лесов до цветущих лугов)» [Белеков, 2018, с. 24].

А. Кофман, говоря о картине мира в латиноамериканской литературе, отмечает, что «сакральный центр, помимо всего прочего, мыслится как наикратчайшее связующее звено между настоящим и прошлым; это та точка в пространстве, где происходит максимальная актуализация прошлого» [Кофман, 2001, с. 57]. Так и для поэта это место станет сквозным доминантным образом благодатной земли, метафорой детства, пространством, воплощающим прошлое, где живы отец и мать.

В возвышенно-патетическом тоне лирический герой высказывается и о людях, живущих здесь, и о природе. В суетности бытия имен-

но здесь для лирического героя останавливается время и его дорога, широкая как Катунь, находит свои истоки в этом месте, на родной земле. Лирический герой пытается найти следы былых времен и считает, что исторические испытания, выпавшие на долю народа, происходили и здесь, в этой долине.

Жайлугушта качан да Жаан
согуш өткөн жер...
Кыралап салган јаландый,
Аттар јолы билдирер.

Бир бодозом, јол кырын
Чечектеген чечектер —
Ол туштагы аттардын
Көзинен түшкен көк чок-
тор...

Бу чечектер алдына
Бажым жабыс энгийдим.
Турарын билбес јолымда
Тура түжүп тымыйдым
[Белеков, 1982, с.38].

Ночь. Топшуур. Алей альпийских маков
языки костра, — и на свету
резвый бег алтайских аргымаков
с белых струн сорвется в темноту;
снова грозной музыкой промчится
золотой табун во тьме долин;
против лютых ханов ополчится
весь народ, как древний исполин...

Вдоль обочин — россыпь синих точек.
Вижу, что подснежники, весна, —
только мнится голубой цветочек
синей искрой глаза скакуна!

Перед этой россыпью небесной
снова низко голову держу,
представляю путь над горной бездной,
в прошлое, грядущее гляжу.
[Когда цветет маральник, 1985, с. 26:
пер. Р. Бухараев].

Родная земля у поэта часто представлена в обобщенном образе Алтая, одушевленного, сакрального. «Алтайцы в обращениях к своей земле говорят: «*байлу Алтайым*» (сакральный мой Алтай или особо сокровенный), «*байлу-чүмдү Алтайым*» (священно-благославленный мой Алтай!). Таким образом, Алтай, нечто большее, чем территория, по отношению к которой держат *бай*, придерживаются особых норм поведения — почтительное отношение, запреты» [Тадышева, 2018, с.35].

В субъектно-образной системе на первый план выходит образ лирического героя, который вписан в природное пространство, гармоничное, вечное и совершенное. И. Белеков вспоминал: «Отец учил нас, как уважительно спрашивать благоденствия у Духов священ-

ных гор. С молоком матери мы впитали почтение к символам обрядовых молений и освященным родовым сакральным местам. Отец рассказывал нам о тотемных животных, птицах, растениях. Мы знали сызмальства, что в священных горах нельзя шуметь, срывать растения. Надо вести себя уважительно, почтительно, достойно» [Белеков, 2018, с. 20–21].

Все в этом мире совершенно, находится в неразрывной системе: травы, горы, реки и т.д. — это все является частью единой цепи гармоничного мироздания, частью которого является и лирический герой. Эта благодатная земля находится на его родине, в совершенном и благословенном пространстве Алтая. Вдали от родины лирический герой чувствует ее притяжение, а мотив ностальгии является постоянным в его произведениях.

Особое значение в лирике Д. Белекова принадлежит образам птиц. В алтайском героическом эпосе «Кан-Дьелбекей» мотив героического сватовства устойчиво связывается с гусем. Сюжетный блок классифицируется как «жена — лебедь/гусь». Здесь речь может идти об экзогамном дуализме. Брак с женщиной-гусем является более предпочтительным, чем брак с женщиной из подземного мира, т. е. по мере развития эпоса акцентируется социальная значимость данного кода. Моделирующая роль водоплавающих птиц в космогонических мифах не вызывает сомнений. В эпосе лебедю, как и гусям, отводится роль гонцов, медиаторов, доставляющих «ханские грамоты», «божки грамоты». В сказании «Алып-Манащ» в исполнении Натальи Павловны Черноевой, четко прослеживается роль птиц в качестве гонцов [12]. Примечателен тот факт, что в мифологии некоторых народов Сибири и Дальнего Востока творцами мира выступает лебедь. Так, например, В. В. Радловым был записан миф у северных алтайцев (чалканский) о сотворении мира [13; 211]. У нанайцев лебедь создал нанайскую землю. По мифологии коми мир был создан гагарой, доставшей землю из-под воды (тоже у ненцев, кетов, обских угров, эвенков и др.) [14; 368]. В сказаниях лебедь и гусь являются положительными персонажами. Так, в героическом сказании, записанном от народного сказителя Николая Улагашева «Малчи-Мерген» приводится песня о восхвалении серого гуся [15]. В фольклоре ряда тюркских народов журавль, лебедь считаются священными птицами и их нельзя убивать» [Кучукова, 2013, с. 23–24].

Гуси, лебеди и другие им подобные птицы (например, журавль, варнавка...) символизируют в представлениях алтайцев верхний мир

и в этой ипостаси вошли в героический эпос, выполняя там роль гонцов, метаморфические образы небесных дев играют положительную функцию по отношению к главному герою. В стихотворении «Кас» лирический герой обращается к одинокому гусю, который становится символом одиночества и отрешенности. (Казым кайдаар учадын, / Канат тӧзин чыладып? / Нени санап кышкырадын, / Тӱн ортозын чочыдып).

Хронотоп ночи является постоянным в творчестве поэта. В данном стихотворении ночной полет птицы является метафорой стремлений и мыслей, а элегический тон произведения представляет собой грустное восприятие настоящего. Это хорошо чувствуется в следующих строках:

Санаага тӱштин эмеш пе,
Сан ла башка јеримде?
Јолын сенинг ыраак па,
Јоболтолу јӱрӱмде?

Загрустила ли ты,
В этой удивительной моей стороне?
Далека ли твоя дорога,
В этой многострадальной судьбе?

Ок-јаанын ак огындый,
Бажын кейге кадалат.
Тӱнди кезе соголо,
Тӱш жарыкка амадайт.

Словно белая стрела,
Голова твоя пронзает воздух.
Разрезая тьму,
Стремится к дневному свету.

Касты эмди ӱйдежип,
Колым узак јангыйдым.
Адып келген тандакты
Ару санап уткыйдым...

Сейчас провожая гуся,
Долго машу рукой.
Восходящую зарю,
Встречаю с чистыми помыслами...
[Белеков, 1982, с. 44].

Кроме фольклорной образной системы, явно присутствие и жанровых характеристик устного народного творчества в лирике Д. Белекова. Это относится, прежде всего, к доминированию в его поэзии характерных черт алтайской народной песни. К примеру, стихотворение «Эртен» не только по содержанию, но и по своей форме построено на ее композиционных и стилистических особенностях. Здесь обнаруживаем не только образный параллелизм, но и характерную восьмисложную строфу.

*Энир чолмон бозорыт,
Ээчий тунди танг адар.
Ойди тунгей ой солыт,
Ой токтобой ол барар*

Взойдет вечерняя звезда,
После ночи наступит утро.
Время сменит другое,
Время без остановки пойдет
[Белеков, 1991, с. 3; пер. наш].

Известно, что «алтайским песням свойственно двухстрочное сравнение, причем первые две строки изображают явления природы, с которыми сравнивается жизнь человека в третьей и четвертой строках. Чтобы показать неразрывную связь этих явлений, их близость, певец рифмует вторую строку, изображающую явление из области природы, с четвертой строкой, изображающей жизнь человека» [Тюхтенов, 1972, с. 89]. Т. С. Тюхтенов писал, что «для алтайского песенного стиха характерна силлабическая система стихосложения, основанная на равном количестве слогов в строках. Особенностью алтайского силлабического стиха является семисложник, т. е. все стихотворные строки обычно имеют семь слогов; причем четвертый и седьмой слоги бывают ударными, на которые при исполнении одновременно падают грамматическое и музыкальное ударения» [Тюхтенов, 1972, с. 89]. Подобное песенное начало видим и в стихотворении Д. Белекова.

Это стихотворение написано также по схематической формуле народной песни. Особенно ярко проявлен в нем образный параллелизм, который, как отмечал Т. С. Тюхтенов, возник в древности, когда жизнь людей и явления природы отождествлялись» [Тюхтенов, 1975, с. 79].

Көккө лө айаста тенери
Күркүрейт токтоп-токтобой.
Табышту өөн-бөкөн лө кериш
Та нени белгелейт болбогой...
[Белеков, 1991, с. 6].

Лиричность и песенность стихотворений создается при помощи излюбленного поэтического приема — повтора. «Поэтические повторы выделяют данное слово из среды других слов и тем самым подчеркивают значимость его в песне, усиливают эмоциональное воздействие на слушателя» [Тюхтенов, 1972, с.86].

Усиливает песенное начало и использование поэтом начальной и конечной рифмы.

Тондолот, тайкылат базыдым
 Тонорып калган асфальта.
 Тонолот салылат ончозы
 Тоомјылу болгон Москвада...
 [Белеков, 1991, с.7].

Лирика Д. Белекова, мелодичная и песенная, в 1990 г. меняется, трансформируется, обретает жесткость и твердость. Лирический герой повзрослел, он глубоко задумывается о судьбе народа и страны. В центре художественного мира поэта — человек, личность, а онтологическую ценность приобретает только настоящее. Поэт для него, всегда бывший певцом, в переломные годы нравственного самоопределения становится борцом, выражающим интересы своего народа.

После длительного перерыва в 2013 г. выходит в свет очередной сборник Д. Белекова «*Кадын — менин талайым*» (Катунь — мое море»), который включает и лирические, и публицистические произведения писателя. В него вошли как уже ранее изданные стихи поэта, так и новые, представленные читателю впервые. На наш взгляд, данный сборник является во-первых, отражением эволюционного развития творчества писателя, во-вторых, свидетельствует о творческой зрелости и некоем стремлении подвести промежуточные итоги. Сравнительный анализ стихотворений с опубликованными оригиналами позволил выявить то, что они подверглись переработке. В некоторых случаях автор внес совсем незначительные правки, а в некоторых дописал более половины объема строк и значительно пересмотрел концепцию в идейно-тематическом плане. Таким образом, к примеру, «*Эркин ээзин*», написанное в 1973 г., было дописано в 1992 г., что и помечает автор в книге. Если в начальном варианте в образе озорного ветерка отражена глубинная связь лирического героя с родной землей, с малой родиной, то в переработанном — он является некоей силой, охраняющей и направляющей, с одной стороны, связанной с родом и народом, с его историей и с культурой, с другой:

*Көк тенгеринен түйшкен
 Көөрөм ийделү эзиним —
 Чактар түйбинен келген
 Чакту баатырдын эзemi.*

Спустившийся с голубизны небес,
 С задорной силой мой ветерок —
 Пришедший из глубины веков
 Векового богатыря память
 [Белеков 2013: 88; пер. наш].

Образ ласкового ветра к концу стихотворения путем градации от открывающей силы любви, усиливается до благословения Алтай-Кудай.

*О, эркин эзиним —
Эдиски куйагым.
Ак мөнкүлик
Алтай-Кудайым!*

О, мой ласковый ветер —
Мелодичный мой щит.
Беловершинный
Мой Алтай-Кудай!
[Белеков 1913: 88; пер. наш].

Религиозный контекст стихотворения, обретенный во втором варианте, поддерживается образом Алтай-Кудай. «По мнению исследователей, у алтайцев выработался теоним Алтай-Кудай (божество Алтай), осмысливаемый как божество, образ которого слит с образом природы. Сформировавшийся в шаманской традиции культ Алтая в рамках бурханизма обрел статус божества — Алтай-Кудай (Бог Алтай) и ведет к оформлению монотеизма в современном алтайском пантеоне, ему поклоняются в каждом районе республики, обращаются вне зависимости от родовой принадлежности» [Обрядность, 2019, с. 51].

О татарских и тувинских поэтах В. Аминева и Л. Мижит справедливо пишут, что «при всей своей оригинальности и непохожести творческих индивидуальностей, их объединяет чувство единства со своим народом, родиной, природой и миром, мышление о себе как неотделимой части всего этого. Отсюда повторяющийся в разных национальных литературах тип субъектно-образной ситуации, в основе которой — «скользящая» интенция «я», позволяющая ему быть и внутринаходимым действующим лицом в драме существования, и переходить на позицию вненаходимости по отношению к сверхсубъектам, воплощающим внеличное / дорефлексивное сознание, — родной земле, стихиям природы, любви и творчества. Диалог литератур в данном случае подчеркивает семиотическую однородность корреспондирующих текстов татарских и тувинских авторов, выявляет то, что кардинально отличает их от западного типа мышления и сознания, которому свойственен крайний индивидуализм» [Аминева, Мижит, 2021, с. 250]. Этот же тип мышления и позиционирование себя в художественном мироздании как ее части, находим и в лирике алтайских поэтов, в том числе и в поэтическом пространстве Д. Белекова.

Идейно-философская основа поэзии писателя находит отражение и в его прозаических произведениях. В 2020 г. вышла в свет его монография «Предстояние перед Кёк Тенгри. Чорос-Гуркин как основа духовного измерения Алтая». Это философские размышления писателя об истории, памяти и о духовных базовых основах и о залоге будущего для народа. То наивное воззрение на природу как на первооснову всего сущего, камертоном звучавшее в его ранней лирике, в данном контексте усиливается, а образ Алтая обретает значение духовного и философского символа. В первую очередь, для писателя, словами Г.И. Чорос-Гуркина, «по понятиям алтайцев Алтай не просто горы, леса, реки, водопады, а дух, щедрый, богатый исполин великан. Для живущего здесь народа Алтай живой. Сказочно красив он своей многоцветной одеждой лесов, трав; туманы, его прозрачные мысли, бегут во все стороны света. Озера его глаза, смотрящие во вселенную. Водопады и реки — его песни о жизни, о красоте земли, гор...» [Белеков, 2020, с. 19]. И для писателя «Алтай является собой, по сути, связующий духовно-цивилизационный скреп, гуманитарный мост народов» [Белеков, 2020, с. 21]. Об этом же он писал и в своих лирико-философских размышлениях в книге «С какого ты Алтая?» [Белеков, 2018]. «Я бываю в разных частях света, — пишет он. — Но это — мой Алтай, отсюда начинается моя Родина. / ... И где бы я ни был, я неизменно прихожу на слияние реки Ильгмень с Катунью, в местечко Кер-Кечу, в родное имение по материнской линии. Такого рокочущего, грохочущего, громыхающего, грозного и величественного шума Катуни больше нигде не услышишь. Я прихожу сюда друзей. Я сам сверяюсь с гулом Катуни, он все выворачивает. Он как Вечный зов, спрашивает тебя: правильно ли ты живешь или неправильно?» [Белеков, 2018, с. 23].

Таким образом, традиционное мировоззрение, ставшее базовой основой при формировании личности, наложило отпечаток и на художественный мир произведений И. Белекова, транслировавшего в своих произведениях национальный образ мира через фольклорно-мифологические образы и мотивы.

Литература

1. Аминева В. Р., Мижит Л. С. Субъектно-образные структуры в татарской и тувинской поэзии 1970–1990-х гг. // Новые исследования Тувы. — 2021. — № 1. — С. 228–254.

2. Белеков Д. Предстояние перед Кёк Тенгри. Чорос Гуркин как основа духовного измерения Алтая. — Горно-Алтайск: Горно-Алт. тип., 2020. — 160 с.
3. Белеков Д. С какого ты Алтая? — Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2018. — 224 с.
4. Белеков И. И. Горные вершины: стихи / пер. А. Парпары. — М.: Молодая гвардия, 1985. — 31 с.
5. Белеков И. И. Аршанда жылдыстар = Звезды у ручья): стихи. — Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1991. — 120 с.
6. Белеков И. И. Жаңарлу мөштөр = Поющие деревья: стихи. — Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1982. — 88 с.
7. Белеков И. И. Кадын менин талайым = Катунь — мое вечное море: стихи, поэмы. — Горно-Алтайск: Горно-Алт. тип., 2013. — 348 с.
8. Белеков И. И. Көктаманду јаландар = Солнечное поле: стихи. — Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1974. — 48 с.
9. Белеков И. И. Күрее кожон = Песни в кругу: стихи и поэма. — Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1985. — 96 с.
10. Белеков И. И. Эркин эзин = Ветры молодости: стихи. — Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1977. — 47 с.
11. Гачев Г. Д. О национальных картинах мира / Г. Д. Гачев // Народы Азии и Африки. — 1967. — № 1. — С. 77–92.
12. Гачев Г. Д. Национальные образы мира: Космо-Психо-Логос / Г. Д. Гачев. — М., 1995. — 479 с.
13. Когда цветет маральник: Стихи молодых поэтов Горного Алтая. — Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1985. — 160 с.
14. Кофман А. Ф. Латиноамериканский художественный образ мира. — М.: Наследие, 1997. — 320 с.
15. Кучукова Д. А. Зооморфные образы в мифологии северных алтайцев: к проблеме этнокультурных контактов народов Сибири // Вестник Тюменского гос. ун-та. — 2013. № 2. — С. 21–26
16. Майнагашева Н. С. Функциональность фольклорно-мифологических мотивов и образов в творчестве Л. Арбачаковой и Г. Косточакова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 3 (81). — Ч. 1. — С. 30–38.
17. Майнагашева Н. С., Тобуроков Н. Н. Национальный образ мира в хакасской литературе 1920–1930-х гг. // Вестник СВФУ. — № 6 (74). — 2019. — С. 103–114.
18. Мусат Р. П. Художественная картина мира в системе картины мира // Гуманитарные и социальные науки. — 2015. — № 4. — С. 19–28.

19. Обрядность в традиционной культуре алтайцев. — Горно-Алтайск: БНУРА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразкова», 2019. — 704 с.

20. Султанов К. К. Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы. — М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. — 196 с.

21. Тадышева Н. О. Образ сакрального Алтая в произведениях П. Самыка // Сын Солнца — Күн Уулы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной творчеству известного алтайского писателя и переводчика Паслея Самыка. — Горно-Алтайск, 2018. — 376 с.

22. Тюхтенов Т. С. Алтайские народные песни. — Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд. Алт. книж. изд-ва, 1972. — 100 с.

Т. А. Дидусенко

Филиал «Саратовская СОШ» МБОУ «Рубцовская районная СОШ № 1»,
с. Саратовка Рубцовского района

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ КУРСА «РУССКАЯ РОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА» В УСЛОВИЯХ СРЕДНЕЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ»

Аннотация: Курс «русская родная литература» в учебном плане средней общеобразовательной школы является новым предметом. В осуществлении учебно-воспитательного процесса учитель сталкивается с рядом проблем: организационных, методических, учебно-материального обеспечения и других. В статье рассматриваются актуальные проблемы преподавания курса «русская родная литература» в условиях средней общеобразовательной школы, представлены итоги анкетирования учащихся средней школы.

Ключевые слова: русская родная литература, специфика и содержание предмета, детское и юношеское чтение, государственный образовательный стандарт, ценностно-смысловые компетенции.

T. A. Didusenko

Affiliated branch of "The Saratovka Secondary School" of the Municipal Budgetary Educational Organization "The region school of Rubtsovsk № 1"

ACUTE PROBLEMS OF TEACHING THE COURSE "RUSSIAN NATIVE LITERATURE" IN A SECONDARY SCHOOL

Summary: The course "Russian native literature" in the curriculum of a secondary school is a new subject. In the implementation of the educational process, a teacher faces a number of problems, organizational, methodological, educational and material supply, and others. The article deals with the acute problems of teaching the course "Russian native literature" in the secondary school, it presents the results of the survey of secondary school students.

Key words: Russian native literature, the specifics and content of the subject, children's and youth reading, the state educational standard, axiological and semantic competencies.

Предмет «Родная литература» в учебном плане средней общеобразовательной школы появился сравнительно недавно, 2 года назад. Введение данного предмета в учебные планы школы произошло в соответствии с Федеральным законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в РФ», приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17.12.2010 № 1897 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» (в редакции приказа Минобрнауки России от 31.12.2015 № 1577), примерной основной образовательной программой основного общего образования, «Концепцией преподавания русского языка и литературы», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 09.04.2016 г. № 637; «Концепцией программы поддержки детского и юношеского чтения в Российской Федерации», утвержденной Правительством Российской Федерации от 03.06.2017 № 1155. Учебный предмет «Родная литература» изучается на уровне основного общего образования в 5–8 классах. Срок реализации составляет 4 года. Программа учебного предмета «Родная литература» рассчитана на общую учебную нагрузку в объеме 70 часов.

Предметы «Литература» и «Русская родная литература / литературное чтение на русском родном языке» являются обязательными,

но входят в разные предметные области, поэтому в учебном плане на их изучение отведены отдельные часы. Цели данных учебных дисциплин не могут не пересекаться, поскольку имеют общий объект/предмет изучения. В то же время курс «Русская родная литература / литературное чтение на русском родном языке» отличается своей направленностью прежде всего на формирование познавательного интереса к родной русской литературе, а через нее — к родной культуре в контексте единого исторического и культурного пространства России, диалога культур всех народов Российской Федерации. Эти новые учебные предметы направлены на воспитание ценностного отношения к родной литературе как хранителю историко-культурных, нравственных, эстетических ценностей; воспитание ответственности за сохранение русской и общероссийской культуры.

Отличия курса «Русская родная литература» от основного курса литературы нашли отражение в подготовленной ФУМО (Федеральное учебно-методическое объединение) примерной программе по русской родной литературе:

- примерная программа курса «Русская родная литература / литературное чтение на русском родном языке» включает произведения русских писателей, наиболее ярко воплотившие национальную специфику русской литературы и культуры, которые не входят в список обязательных произведений, представленных в примерных программах (ПООП ООО, ПООП НОО) по учебным предметам «Литературное чтение» и «Литература»;
- программы построены на основе диалога культур и диалога искусств (русской литературы и выдающихся произведений зарубежной литературы, литературы народов России);
- объединяющим принципом для содержания предметов «Русский родной язык» и «Русская родная литература/литературное чтение на русском родном языке» является культурно-исторический подход к представлению дидактического материала. На его основе в программе учебного предмета «Русская родная литература» выделяются проблемно-тематические блоки, каждый из которых включает сопряженные с ним ключевые слова, отражающие духовную и материальную культуру русского народа в их исторической взаимосвязи.

Как искусство словесного образа предмет «Родная (русская) литература» является особым способом познания жизни, художествен-

ной моделью мира, обладающей такими важными отличиями от собственно научной картины бытия, как высокая степень эмоционального воздействия, метафоричность, многозначность, ассоциативность, незавершённость, предполагающие активное сотворчество воспринимающего.

На основе примерной основной образовательной программы основного общего образования в 2019 г. разработана программа учебного курса «Родная литература» (рекомендации АИРО им. А. М. Топорова), которая ориентирована на сопровождение и поддержку основного курса литературы, обязательного для изучения во всех школах Российской Федерации, и направлена на достижение результатов освоения основной образовательной программы основного общего образования по литературе, заданных соответствующим федеральным государственным образовательным стандартом. В методических рекомендациях конкретизируется содержание стандарта, даётся распределение учебных часов по разделам курса, последовательность изучения литературных произведений с учетом межпредметных и внутрипредметных связей, логики учебного процесса, возрастных особенностей учащихся.

Цели курсов литературного чтения на русском родном языке и русской родной литературы в рамках предметной области «Родной язык и родная литература» имеют свою специфику, обусловленную *дополнительным* по своему содержанию *характером*, курса, а также особенностями функционирования русского языка и русской литературы в разных регионах Российской Федерации.

В основу курса «Русская родная литература / литературное чтение на русском родном языке» положена мысль о том, что русская литература включает в себя систему ценностных кодов, единых для национальной культурной традиции. Являясь средством не только их с хранения, но и передачи подрастающему поколению, русская литература устанавливает тем самым преемственную связь прошлого, настоящего и будущего русской национально-культурной традиции в сознании школьников.

Цель программы заключается в воспитании уважительного и бережного отношения к родной литературе как величайшей духовной, нравственной и культурной ценности русского народа.

Вытекающие из цели образовательные задачи включают в себя формирование потребности в систематическом чтении как средстве познания мира и себя в этом мире, гармонизации отношений чело-

века и общества, многоаспектного диалога с автором произведения, с разнообразными читательскими позициями; осознание значимости чтения и изучения литературы для своего дальнейшего развития. Предполагается формирование отношения к литературе как к одной из основных национально-культурных ценностей народа, как к особому способу познания жизни, а также обеспечение культурной самоидентификации, осознание коммуникативно-эстетических возможностей языка на основе изучения выдающихся произведений российской культуры, культуры своего народа, мировой культуры. На заключительном этапе изучения предмета «родная литература» в старшей школе должен быть воспитан квалифицированный читатель со сформированным эстетическим вкусом, с культурой понимания чужой позиции, ответственным отношением к разнообразным художественным смыслам, а также к ценностным позициям других людей, к культуре других эпох и народов, с развитой способностью понимать литературные художественные произведения, отражающие разные этнокультурные традиции. Воспитание у школьников культуры выражения собственной позиции, способности аргументировать своё мнение и оформлять его словесно в устных и письменных высказываниях разных жанров, создавать развёрнутые высказывания аналитического и интерпретирующего характера, участвовать в обсуждении прочитанного, сознательно планировать своё досуговое чтение, развитие коммуникативно-эстетических способностей через активизацию речи, творческого мышления и воображения, исследовательской и творческой рефлексии — так должен быть построен процесс обучения в общеобразовательной школе. Следует учитывать, что и само решение этих задач — специфично, достигаемый результат — не четкий и окончательный; скорее результатом будет создание условий для протекания постоянного процесса (именно поэтому многие задачи описываются через термины «формирование», «развитие», которые предполагают процессуальность). [Программа по родной литературе, 2019, стр. 2]

Реализуя цели и задачи курса «Родная литература», осуществляя учебно-воспитательный процесс, учитель сталкивается с рядом проблем: организационных, методических, учебно-материального обеспечения и других.

На первом месте находится **проблема формирования ценностно-смысловых компетенций подрастающего поколения**. Главной задачей современной государственной политики Российской Феде-

рации является обеспечение духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина. В Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России обозначена цель современного отечественного образования, которая заключается в социально-педагогической поддержке становления и развития высоконравственного, ответственного, творческого, инициативного, компетентного гражданина России, способного видеть и понимать окружающий мир, ориентироваться в нем, осознавать свою роль и предназначение, выбирать целевые и смысловые установки для своих действий и поступков, принимать решения. [Данилюк, 2009, с. 4]. Важно, чтобы наши слова, мысли, дела нашли отклик в духовном становлении личности обучающихся, поэтому обращение к текстам алтайских писателей, в которых школьники могут увидеть знакомые картины родной природы, узнать историю родной алтайской земли, почувствовать переживания своих сверстников-земляков, является ведущей формой как в урочной, так и во внеурочной деятельности. Результаты исследования читательской эрудиции в области знакомства с творчеством алтайских писателей показывают ограниченный круг знаний имён алтайских писателей: из 35 человек 22 учащихся назвали имя В. М. Шукшина, 6 чел. — Р. И. Рождественского, 6 чел. — М. И. Юдалевича, 4 чел. — Л. С. Мерзликина, 1 чел. — В. Б. Свинцова. Среди любимых произведений ребята отметили: «Калину красную» — 8 чел., 2 чел. — рассказ «Брат мой», 1 чел. — повесть-сказку «До третьих петухов», 1 чел. — повесть «Там, вдали», 1 чел. — рассказ «Мой друг Сенька». Но если некоторые имена писателей учащимся знакомы, то имена алтайских художников не назвал никто.

Здесь возникает следующая проблема — **отсутствие мотивации и интереса к чтению, берущее своё начало ещё в дошкольном возрасте**. Причины снижения уровня культуры чтения в России: это и возрастание числа абсолютно не читающих взрослых людей, и утрата традиции семейного чтения, и не востребованность фондов публичных библиотек, и, что главное, недостаточное осмысление проблем читательской культуры на уровне государственной политики. Однако требования современности таковы, что быть грамотным и культурным без способности к чтению нельзя, поэтому «мало научить ребенка,, читать» в значении,, декодировать текст», необходимо, чтобы он хотел читать, чтобы стал читать много, чтобы постепенно читал все более сложные литературные формы и информаци-

онные тексты, чтобы росла его читательская культура, чтобы он становился человеком читающим, читающей личностью». [Сметанникова, 2007, с. 67]

Но как пробудить увлечение книгой, вырастить вдумчивого читателя? Итоги анкетирования обучающихся неутешительны. На вопрос, любите ли Вы читать художественную литературу, утвердительно ответило 35% учащихся; 53% респондентов читают только то, что задают; читают только учебники 30% школьников, предпочитают нехудожественную литературу 71% опрошенных; 59% читают с небольшим интересом.

Такое положение дел, возможно, обусловлено **противоречием между объёмом художественного произведения и ограниченными рамками учебного времени**. Проблема снижения интереса к чтению, имеющая глубокие социокультурные корни, усугубляется противоречием между количеством часов, отведённых на изучение литературы, и суммарным объёмом предлагаемых для освоения произведений. Вместе с тем, многолетние дискуссии об оптимальной структуре учебных планов показывают: требования увеличить количество часов на изучение литературы на практике реализованы быть не могут, как из-за жестких ограничений по нагрузке учащихся, содержащихся в СанПиНах, так и по причине постоянно растущего общего списка школьных предметов. [Электронный ресурс <https://megaobuchalka.ru>] В качестве примера можно привести следующие цифры. На начальной ступени образования для учебного времени из расчёта на 17 часов — во 2 и 4 классах предложено изучение 30 произведений; 3 классе — 26 произведений. На средней ступени обучения на изучение алтайского героического эпоса «Алтай-буучай», «Маадай-кара» или «Когутэй» отводится 1 час; на знакомство с творчеством Г. В. Егорова и «Книгой о разведчиках» — 1 час, также с творчеством М. И. Юдалевича и повестью «Голубая дама» — 1 час. Как найти компромисс? Вопрос остаётся открытым.

Причиной снижения интереса к чтению является не только увлечение современными гаджетами, но и то, что часто дети и подростки сталкиваются с различными вариантами непонимания литературных текстов: им неизвестны значения многих слов (они были понятны их сверстникам еще недавно), не опознаются некоторые грамматические формы и категории, неясен смысл и подтекст бытовых ситуаций, обычаев, жизненных установок героев, живущих в иных социокультурных условиях. Так, например, в «Книге о разведчиках» Г. В. Его-

рова: «комсомольский билет», «комсомолец», «гауптвахта», «балка», «блиндаж», «сессия райсовета», «двускатная крыша». В повести В. С. Сидорова «Тайна белого камня»: «уполномоченный», «околицца», «Гаргантюа и Пантагрюэль», «смолокурка», «бакен», «бренвенчатый пятистенник».

Соответствие психолого-возрастных особенностей учащихся средней ступени обучения идейно-тематическому содержанию произведения — также одна из проблем, с которой сталкиваются и учитель, и обучающиеся. Так в разделе «Из литературы XIX века» изучается роман А. В. Иванова «Тобол. Много званых». Учащимся 7 класса сложно объяснить жанр романа, особенности (сложность) исторического периода и достоверность некоторых событий.

Отсутствие стабильного учебника по родной литературе и недостаточную обеспеченность учебными хрестоматиями, текстами художественных произведений для учащихся (слабая учебно-материальная база) можно назвать главной проблемой, с которой сталкивается учитель, что не позволяет в полной мере реализовать требования программы по родной литературе. Основным пособием в работе с учащимися является «Хрестоматия по литературе Алтай: Учебное пособие для общеобразовательных заведений, изданное в 1996 году. Обновление библиотечного фонда новыми изданиями для детского и юношеского чтения произошло только в 2020–2021 учебном году. Следует согласиться с мыслью Р. А. Дощинского, председателя Ассоциации учителей русского языка и литературы, о том, что «школы пока должны, выплывать» своими силами». [Российская газета, № 207 (7965) от 16.09.2019].

Недостаточная научно-методическая обеспеченность учителя литературы и проблема анализа художественного произведения — одна из серьёзных проблем, мешающая учителю создать и провести урок на высоком научно-методическом уровне. Отсутствуют методические пособия для учителя по преподаванию курса «Родная литература», добротные монографии, призванные помочь учителю в процессе анализа современного художественного текста. Существуют научные сборники статей, отдельные исследования и публикации, но они не систематизированы, не собраны в одном методическом издании для учителя-словесника, которое служило бы сопровождением основного учебника по родной литературе. Большую помощь в организации учебно-воспитательного процесса, а также внеуроч-

ной деятельности оказывают такие издания, как антология «Образ Алтая» и многотомник В. М. Шукшина.

Несомненно, предмет «Русская родная литература» необходим школе. Он позволит учителю углубить знания учащихся об истории, культуре, литературе, изобразительном искусстве Алтайского края и обогатит их духовно. Такая работа в средних общеобразовательных школах велась, но эпизодически, в направлении дополнительного образования в рамках творческого объединения или приурочивалась к юбилейным датам образования Алтайского края, к дню рождения того или иного писателя. Начало было положено рукописным журналом «Калейдоскоп» в 1999 году, творческие работы обучающихся литературного объединения «Родник» отмечены на краевом и всероссийском уровне, а его выпускники (Мясищева Анна, Лисова Анастасия и другие) становились студентами гуманитарных факультетов АлтГУ.

Литература

1. Данилюк А. Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования: проект/ А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков. Рос. акад. образования. — М.: Просвещение, 2009. — 29 с.

2. Программа по родной литературе (5–8 кл.). 70 ч. Краевое автономное учреждение дополнительного профессионального образования «Алтайский институт развития образования имени Адриана Митрофановича Топорова», 2019. — 12 с.

3. Сметанникова Н. Н. Воспитание читателя в культуросозидающей модели образования // Поддержка и развитие чтения в библиотечном пространстве России: Сб. науч. — практ. работ / сост. В. Я. Аскарова. — М.: МЦБС, 2007.

4. Хрестоматия по литературе Алтая: Учеб. пособие для общеобразоват. заведений: В 2 ч. / Сост. Т. Г. Черняева, О. Г. Левашова. — Барнаул: День, 1996. — Ч. 1. — 1996. — 319 с.

5. Рубрика: Общество. Не просто русский. В школе появились два новых предмета — русский родной язык и русская родная литература. Текст: Ксения Колесникова. Российская газета. — Столичный выпуск № 207 (7965) от 16.09.2019.

6. Проблемы чтения и понимания текста современными школьниками. — URL: <https://megaobuchalka.ru> (дата обращения: 29.05.2021).

И. В. Дурново

Отдел краеведения Восточно-Казахстанской областной детско-юношеской библиотеки, Усть-Каменогорск

«ДИАЛОГ ЧЕРЕЗ ОКЕАН»: ПИСЬМА И ПЕРЕПИСКА Е. Д. ПАНКРАТЬЕВОЙ С Т. Д. ГРЕБЕНЩИКОВОЙ. 1963–1964 ГГ.

Аннотация: данное сообщение посвящено диалогу в письмах между дочерью селекционера, краеведа Д. Г. Панкратьева Еленой Дмитриевной и женой писателя Г. Д. Гребенщикова Татьяной Денисовной в последнем периоде жизни Гребенщиковых в Соединенных штатах Америки в 1961–1964 годах.

Ключевые слова: Е. Д. Панкратьева, Т. Д. Гребенщикова, Г. Д. Гребенщиков, письма, краеведение.

I. V. Durnovo

The Department of Local Lore of the East Kazakhstan Regional Children's and Youth Library, Ust-Kamenogorsk

DIALOGUE ACROSS THE OCEAN: LETTERS AND CORRESPONDENCE OF E. D. PANKRATIEVA AND T. D. GREBENSTCHIKOFF. 1963–1964

Summary: This report deals with the dialogue between D. G. Pankratiev's daughter Elena Dmitrievna, and G. D. Grebenstchikoff's wife Tatiana Denisovna in their last period of life in the United States of America in 1961–1964 years.

Key words: E. D. Pankratieva, T. D. Grebenstchikoff, G. D. Grebenstchikoff, letters, local lore.

В моем архивном багаже документов о Г. Д. Гребенщикове осталась небольшая переписка Елены Дмитриевны Панкратьевой с Татьяной Денисовной Гребенщиконой, которая датирована 1963–1964 годами. Данные документы в извлечении уже были опубликованы в материалах 3 конференции «Алтайский текст» в 2006 году.

Елена Дмитриевна Панкратьева — научный сотрудник Восточно-Казахстанского плодовоовощного поля, садовод, краевед, младшая

дочь селекционера, краеведа Дмитрия Гордеевича Панкратьева, хранительница семейного архива.

Она родилась 1 июня 1920 года в г. Усть-Каменогорске. В детстве вся семья жила на заимке, в пяти верстах от города на, так называемых, «Первых палатах», ныне «Панкратьевский сад». Елена Дмитриевна была младшим — шестым ребенком в семье. Девочка росла очень любознательной, но болезненной, в 5 лет научилась читать. В 1928 году поступила в первый класс, всегда училась на «отлично», участвовала в общественной жизни школы. В 10 классе Елена написала историю развития пчеловодства на юго-западном Алтае и садоводства в Кировском районе Восточно-Казахстанской области с 1890 по 1911 год, составила графики и таблицы. За эту работу девочка была премирована поездкой в Москву на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку и внесена в Книгу Почета выставки.

После окончания средней школы в 1940 году Елена Дмитриевна поступила в Алма-Атинский сельскохозяйственный институт, который окончила в 1945 г.

После окончания института Е.Д. Панкратьева начала работать младшим научным сотрудником на Опытном поле. В это время она активно занималась научной работой, готовила кандидатскую диссертацию, строила планы расширения опытов на отцовском винограднике. Но тяжелая болезнь лишила ее возможности самостоятельно передвигаться. В 1957 году выходит в свет первая книга Елены Дмитриевны Панкратьевой «Виноградники Алтая». Совместно с Черных С.Е. пишет книгу «Алтай — родина сибирского пчеловодства», печатает статьи, очерки по садоводству и агротехнике в газетах и журналах, выступает на радио.

С 1963 по февраль 1964 года Елена Дмитриевна состояла в переписке с Татьяной Денисовной Гребенщиковой — женой известного писателя Георгия Дмитриевича Гребенщикова, уроженца Восточно-Казахстана.

Личный архив семьи Панкратьевых в 1964 году был передан Еленой Дмитриевной на хранение в государственный архив Восточно-Казахстанской области.

Умерла Е.Д. Панкратьева в августе 1968 года. [1. ф.251, оп.2, предисловие к описи, л. 1–3]

Татьяна Денисовна Гребенщикова — вторая жена известного писателя эмиграции, уроженца Восточного Казахстана Георгия Дмитриевича Гребенщикова.

19 апреля 1963 г. Усть-Каменогорск

Уважаемая Татьяна Денисовна! Вероятно, это письмо Вас очень удивит. Но, если Вы уже имеете сообщение от Ивана Дмитриевича, то тогда Вам будет ясно, кто Вам пишет.

Я самая младшая дочь Дмитрия Гордеевича Панкратьева — человека хорошо известного Георгию Дмитриевичу. Папа вот уже 7 лет как умер. Я осталась его духовной наследницей, все его архивы он оставил мне. Разбирая их, я обнаружила несколько писем Георгия Дмитриевича. Из рассказов отца, я кое-что слышала о нем. После того, как я нашла его письма, стала разыскивать материалы о нем, разговаривать и переписываться с людьми, знавших его.

И вот совершенно неожиданно установила связь с Иваном Дмитриевичем, от которого узнала о Г. Д., о Вас, Ваш адрес.

Иван Дм. пишет, что Вы просили прислать сохранившиеся письма Георгия Дмитриевича. Мне с подлинниками расставаться очень жаль, тем более, что наш государственный архив и музей тоже очень дорожат ими, и я давно еще завещала их им — музею и архиву. В этом письме я посылаю Вам копию с одной открытки, написанной рукой Г. Д. Если Вы ее благополучно получите, и Вам нужны будут другие, то я перешлю и остальные.

Я сама полный инвалид — 10 лет не хожу — страдаю инфекционным полиартритом (ревматизмом), и хотя кончила сельскохозяйственный институт, работать не могу. А так я собиралась и хотела продолжить дело своего отца. Занята тем, что обрабатываю его многолетние записи-материалы, пишу книгу о его жизни. В ней я хочу уделить большое место людям, окружавшим отца и оказавшим большое влияние на его взгляды, дела, в том числе и о Георгии Дмитриевиче.

Я очень рада, что Г. Д. жив, но и очень больно знать, что он так страдает. Я-то уж знаю, что значит быть больным и беспомощным. Передайте Георгию Дмитриевичу, что старожилы города его помнят и хорошо о нем говорят. Наши писатели и журналисты очень ценят его как писателя, гордятся тем, что он наш земляк. И все наши усть-каменогорские писатели и журналисты просили меня передать ему свои приветы и пожелания лучшего здоровья.

Меня Г. Д. не знает, я родилась уже в 1920 году. Папа до конца своей жизни занимался своим любимым делом — садоводством и очень много сделал: вывел свои сорта ягодников, которые были и есть все

еще ведущими в ягодных насаждениях нашего края. Очень много сделал в распространении и развитии плодоводства и садоводства на Алтае. Суровый климат наших мест долгие годы служил препятствием для выращивания здесь плодовых растений. Последней работой отца было — освоение природной культуры винограда в Усть-Каменогорске. Он вырастил здесь виноград, который в течение десятка лет, несмотря на морозы и другие неблагоприятные условия, прекрасно рос и давал высокие урожаи. Уже после его смерти я закончила книжку о винограде: «Виноградники Алтай».

Мама умерла раньше — в 1951 г. Брат — единственный, который был его продолжателем по пчеловодству — Николай тоже умер в 1944 г. Сестры все живы. Если Г.Д. помнит кого-нибудь и ему интересно... Знакомых, помнящих его, тоже много. Могу кое о ком в следующем письме написать.

Простите, уважаемая Татьяна Денисовна, за такое длинное и не совсем складное письмо. Но я так рада, что вы живы и тем более иметь возможность установить с вами связь! Если Вас не затруднит и доставит интерес, то, пожалуйста, ответьте мне. Мой адрес:

СССР г. Усть-Каменогорск, Аблакетка, ул. Островского, 28 кв. 8, Панкратьева Елена Дмитриевна.

Передайте Георгию Дмитриевичу мое глубочайшее уважение, мое искреннее желание доброго здоровья и сил. Передайте ему привет от родной алтайской земли, ее белоснежных гор, бурных горных рек, свежего весеннего ветерка, напоенного всеми непередаваемыми запахами родных мест.

Еще раз прошу прощения и желаю Вам доброго здоровья и бодрости.

Глубоко уважающая Вас Е. Панкратьева. [2, л. 1]

12 мая 1963 г. Чураевка, Коннектикут, США

Дорогая Елена Дмитриевна!

Письму Вашему я была очень рада, как весточке с родины Георгия Дмитриевича, которую он так любил и никогда не забывал, несмотря на то, что был оторван от нее в течение долгих лет. Я вам очень благодарна за присланную копию с письма Г.Д. Да, я все собираю о Г.Д. Если сможете прислать еще кое-что из писем Г. Д. буду вам чрезвычайно благодарна. Оригиналы писем, конечно, сохраняйте. Для меня вполне достаточно копии.

О вашем отце Г. Д. мне рассказывал не раз, как о замечательном человеке и садоводе. Всегда восхищался его прогрессом и опытом. Как хорошо, что Вы пишете о нем. Когда будет напечатано, с удовольствием прочту, если будет возможность. Вы делаете большое культурное дело.

Георгий Дмитриевич жив. Ему только что исполнилось 81 год. Вот уже около шести лет, как он вне мира сего. Судьба отняла у него то, чем он был богато одарен — его ум. Он совсем не говорит. Немного понимает. Больше спит. Тяжело мне было переключить себя к теперешней жизни с Г.Д. Он как малое дитя. Внешне он выглядит довольно хорошо, конечно, учитывая его состояние. Ведь я тоже инвалид. Три с половиной года тому назад, помогая спуститься с каменной лестницы Г. Д., я потеряла равновесие — упала и сломала свое бедро. С тех пор перенесла три серьезные операции. Удалили часть бедровой (так в первоисточнике, прим. составителя) кости и заменили алюминиевой. До сих пор передвигаюсь в кресле на колесах. Могу немного ходить при помощи специальных костылей. Но все же могу управлять автомобилем, что радует меня особенно. Немного трудно входить и выходить. Все же я могу поехать, куда мне надо. Как видите, мы с Вами друзья по несчастью. У американцев есть выражение, которое трудно перевести на русский: «Мы с Вами на одном и том же корабле». Такова жизнь. Вас я хорошо понимаю. Пожалуйста, не извиняйтесь за длину вашего письма. Я всегда рада получать письма с Родины. Каждая строчка приносит какую-либо новость и радость. В дальнейшем не стесняйтесь — пишите. Назвала Вас дорогой, ибо так почувствовалось. Не взыщите. В недалеком будущем я, вероятно, поеду на север и вернусь месяца через 2–3. Пишите по здешнему адресу — мне переишлют. Позднее предполагаю поехать на горячие источники лечить свою ногу, но это дело будущего. Между прочим, в одном лечебнике, изданном здесь, говорится о чудодейственном озере в Ваших краях, в котором излечивались всевозможные ревматизмы и артриты. «В Монголии, на юг от Хайлара, у подножья Хинганских гор, находится известный монгольский лечебный источник Халун Аршан. Это десятое чудо мира и природы. Самые жестокие формы ревматизма излечиваются навсегда. Если это в пределах Вашей достижимости, то может быть, Вы бы могли попробовать там полечиться. Я со своей ногой пробую все возможное. Хватаюсь за каждую соломинку.

Г. Д. передавал Ваш привет. Читала ему ваше письмо. Что-то он понял — прослезился.

Обнимаю и целую Вас, моя дорогая. [3, л. 2]

12 августа 1963 г. Усть-Каменогорск

Дорогая Татьяна Денисовна!

Боюсь быть назойливой, не дождавшись ответа на свое письмо, снова писать Вам, но дело в том, что недавно в Усть-Каменогорске был Иван Дмитриевич; он привез все ваши письма, фотографии и вообще — материалы, касающиеся Георгия Дмитриевича. Мы много и душевно говорили о нем, о Вас и Ваших делах и жизни, он привез мне «Письмо из-за морей», я его пересняла. В последнем Вашем письме, Вы спрашиваете Ивана Дмитриевича в отношении слова «Абалацкой» божьей матери. Я же, разбирая архив отца, нашла в нем фотографию этой иконы. Папа был не верующий, но каким-то образом эта фотография у него оказалась и сохранилась. Лежала у меня она без всякого применения. Когда же я прочла Ваше письмо, то по совету И. Д. решила послать ее Вам. На ней ясно и, конечно, правильно напечатано ее название и изображение. Возможно, Вы ее используете для иллюстрации книги. Одним словом, думаю, что она Вам будет полезной. А мне было бы очень приятно сделать для Вас хоть что-нибудь приятное.

Ну, очень не буду утруждать вас своей писаниной, пожелаю Вам хоть немного терпимого здоровья, сил и успехов в делах.

Георгию Дмитриевичу передайте от меня, а значит, и ото всей родной земли — низкий поклон и самые лучшие, душевные пожелания — здоровья и добра.

В следующем письме вышлю остальные копии писем Г. Д. отцу.

Горячо и искренно Вас обнимаю и целую — глубоко уважающая Вас Е. Панкратьева. [4, л. 3]

11 сентября 1963 г. Чураевка, Коннектикут, США

Дорогая Елена Дмитриевна!

Очень виновата перед Вам за свое долгое молчание. Приехав сюда, в Чураевку, оказалось так много непредвиденных хлопот, которые отняли у меня немало времени. Очень прошу Вас не считать себя назойливой. Вашим письмам я всего рада и с удовольствием всегда

буду более аккуратно отвечать Вам. Связь с Родиной для меня очень ценна.

Я очень рада вашей встрече с Иваном Дмитриевичем. Он мне об этом писал с таким восторгом. Он поражен Вашей трудоспособностью. Всей поездкой он остался очень доволен. Повидал своих родственников.

Здесь я задержалась и замоталась в своих делах. Собираюсь через две — три недели выехать обратно во Флориду, конечно, если успею сделать все намеченное. Ездил с Г. Д. несколько раз в Бостон для лечения, но результаты не совсем благоприятные. Нужно было бы еще продолжить, но поездки туда и обратно очень утомительные и для меня, и для Г. Д. Когда вернусь обратно во Флориду, буду продолжать лечение там, а может быть, если будет возможность, найти человека, который бы согласился поехать с нами, поеду на горячие целебные воды, месяца на два, но это дело будущего. Г. Д. немного окреп и даже прибавился в весе на один фунт. До этого он терял вес. Когда ездили в Бостон, то с друзьями были на пляже и даже купались в море. Для меня это было огромное удовольствие. Посылаю Вам даже снимок. На снимке около меня стоит специальный наблюдатель номер 577. Предо мной купаются мои друзья, отец и дочь, а мать снимала.

Спасибо за присланную иконку Абалацкой Божьей Матери.

Буду благодарна за всякие присланные копии, связанные с Г. Д.

Обнимаю и целую Вас, моя дорогая Елена Дмитриевна. Всем сердцем с Вами. [5, л. 4]

Без даты

Милая, дорогая, родная Татьяна Денисовна!

Очень рада и от всего сердца благодарна Вам за письмо и за фотографии, и за статью. Фотографии же для меня — величайшая ценность и память. Георгий Дмитриевич с Иваном Дмитриевичем удивительно похожи между собой, только Г. Д. выглядит старше. Посторонний человек по фотографии примет их за одно лицо. Газетную же статью Иван Дмитриевич мне прислал, и я с нее сняла копию. Подлинники же потом пересылаю в «Сибирские огни».

Я в этом письме посылаю Вам еще две копии с писем Г. Д. к папе, больше, к сожалению, не сохранилось. Осталось только две фотографии — очень слабенькие, мелкие и тоже копии — пересняты. На одной Г. Д. на фоне риддерских гор, во время похода на алтайские белки

в 1913 или 1914 году в компании нескольких человек, в числе которых была и Горшкова Валентина Андреевна, подлинники фото находятся у нее. Вторая фотография — Г. Д. и еще несколько человек на коляске и возле нее, снято с балкона Горшковского дома, в том же году. Вот и все, что имеется у меня. Если этих фотографий у Вас нет, и они представляют для Вас интерес, то я пришлю их Вам.

А теперь у меня к Вам такая просьба. Милая Татьяна Денисовна, ради бога, только не поймите меня не так, как я хочу все это представить перед Вами. Я прекрасно понимаю, что с такими просьбами и обращениями Вас одолевали и, вероятно, одолевают и известные и неизвестные Вам люди. Вы, конечно, понимаете, что я хочу вести речь о книгах Г. Д. И я бы не решилась на это, если бы не прочитала присланных газетных статей. Кажется, Кубанский пишет, что свои книги Вы издаете сами, и самим же приходится их реализовывать. Иметь книги Гребенищикова не только для меня, но и многих наших горожан и земляков — большое желание. Конечно, придет время, и его книги будут издаваться и у нас в миллионных тиражах (я уверена, что это время не за горами), но пока их нет, а иметь — уже необходимо. Поэтому я решила, а нельзя ли Вам сделать заказ на партию книг Георгия Дмитриевича. Я еще не знаю, как это можно и надо оформить юридически, что ли, но, вероятно, можно. У нас нашлось бы много желающих приобрести книги Г. Д. И если вы смогли бы, то мы по Вашей оценке-счету перевели нужную сумму денег, а Вы нам те книги, какие смогли бы. Какое это было бы благо! Если Вам самим приходится реализовывать книги Г. Д., то может быть, Вы смогли бы так сделать? Я не хочу обременять и надоедать Вам попрошайничеством, а только хочу воспользоваться этой возможностью, если действительно у Вас так обстоит дело. Я думаю, желающих приобрести книги Г. Д. нашлось бы порядочно, и Вы могли бы получить довольно крупный заказ. Если бы это было возможно, то всю организационную часть этого дела я взяла бы на себя. Только, пожалуйста, Татьяна Денисовна, если так сделать нельзя, то не обижайтесь и не посчитайте это выклянчиванием, попрошайничеством.

Мне, право неудобно, что Иван Дмитриевич так лестно отозвался обо мне. На самом деле, конечно, я не такой человек, а самый простой, и не очень сильный. Это просто, он по своей доброте душевной и доброму расположению ко мне так осветил. Живешь, потому что приходится жить, а уж — как, это решать не приходится: как выходит, как получается. Вот и вся жизненная философия.

Посылаю и я Вам свою фотографию. Это мы с сыном. И еще с родителями — самую последнюю в их жизни.

Кланяюсь Георгию Дмитриевичу низко, низко и шлю свои самые искренние, сердечные пожелания доброго здоровья и хотя бы некоторого благополучия, а Вам же сил, физических и душевных, чтобы нести этот крест. Я искренне восхищаюсь Вашим мужеством и благородством душевным.

Елена Панкратьева. [6, л. 5]

14 ноября 1963 г. Флорида

Дорогая Елена Дмитриевна.

Была рада получить Ваши фотографии. Этим вы стали еще ближе мне. Как хорошо, что у Вас есть сын. А я вот, тоскую от одиночества. Нападает тоска. Спасибо за письма Г.Д. Я все собираю, чтобы передать в архив. Кое-что переслала в Москву в библиотеку имени Ленина. С переправкой материала довольно сложно. Много передала в Нью-Йоркский большой университет. Когда была в Чураевке отправила 9 ящиков. Еще есть много материала. Жаль, что не могу переслать на Родину.

Путь во Флориду был для меня невероятно тяжелым. Ехали мы с Г. Д. одни. Не могла найти попутчика. Ехали мы три дня. Правила машиной я сама. Было много неприятных приключений. Хорошо, что это уже позади. Была настолько усталой, что пришлось довольно долго отлеживаться, чтобы прийти в себя. Понемногу здешняя жизнь налаживается. Г. Д. после дороги чувствует себя довольно хорошо. Говорят, что он выглядит немного лучше, чем раньше. Меня очень беспокоила нога. Каждый вечер принимаю горячую ванную с примесью борной, йода и отрубей. В ванную вставляю аппарат, который вибрирует воду и этим массирует все тело, особенно бедро и ногу. Теперь немного лучше.

Относительно Вашей просьбы о присылке книг Гребенищикова — выполняю с большой радостью. Никаких юридических оформлений не надо. Вышлю все, что только можно. Вы платить ничего не будете. Это будет для Вас совершенно бесплатно. Для меня же это будет только приятным. Кроме того, переводить деньги из СССР за границу не так просто. Если же найдутся желающие приобрести книги Г. Д., то они могут какую-то сумму по Вашему усмотрению переслать Ивану Дмитриевичу через Вас. Главное мне нужно

быть уверенной, что книги могут дойти. Еще в мае (я) с/г я послала на имя Н. Н. Яновского, через редакцию «Сибирские огни» пять книг Г. Д. До сих пор я не знаю, получил ли эти книги Яновский. Он мне с тех пор не писал. Иван Дмит. мне писал, что он уехал в Москву и скоро вернется. Напишите ему и узнайте: получил ли он книги. Я как-то посылала книги в другое место — не дошли. В Москву доходят. У меня в Москве есть друг литературовед. Он пишет, что лучше посылать ему, а он может переслать. Если Вас интересует — я могу прислать Вам некоторые рассказы Г. Д., напечатанные в газетах. Я несколько таких рассказов послала просто в письме Яновскому. Он их получил. Если Яновский книги не получил, я Вам pošлю через Москву.

Если пишу Вам с некоторым запозданием, то очень прошу извинить меня. Я как-то во всем стала отставать и запаздывать. Обнимаю и целую Вас, моя милая дорогая Елена Дмитриевна. Ваша Татьяна Гребениčkова.

Посвящение

*Сей плод любви к родной стране я посвящаю каждому,
Кто ценит мудрость жизни в простоте,
Кто, озарен или томим духовной жаждой,
И кто способен угадать богатство в нищете.
С ребяческой, как у Егорки, светлой верой,
Мечтаю я, чтоб книга эта, как-то и когда-то,
Дошла до Родины моей и не была изъята
Из той среды, покорной, бедной, серой,
В которой жизнь Егоркина была зачата.
Георгий Гребениčков. [7, л. 6]*

17 декабря 1963 гг. Усть-Каменогорск

Дорогая Татьяна Денисовна!

Как только получила Ваше письмо, сразу же написала Яновскому. Недавно пришел от него ответ, который очень меня расстроил: книг Ваших он не получал. От досады, огорчения я просто не нахожу себе места. Так обидно, так горько. Жаль самих этих книг потерянных, и очень тревожно от мысли, а как дальше быть. Я так обрадовалась Вашему письму, где Вы так просто, сердечно обещали выслать книги Георгия Дмитриевича. Для меня это был целый праздник. Я под вне-

чатлением Вашего письма целую неделю была в каком-то приподнятом, радостном состоянии. А теперь я даже не знаю, что и делать. Совсем отказаться от мысли иметь книги Г. Д. я не могу. И в то же время, рисковать ими, — больно. Конечно, придется воспользоваться любезностью Вашего знакомого литератора в Москве, но и этот путь также может оказаться ненадежным, да и затруднить еще одного человека — совестно.

Раз с переводом денег дело обстоит трудно, то я не буду собирать «заказчиков». Если Вы сможете выслать хотя бы мне по одному экземпляру того, что возможно, и это уже будет большим делом. Мы сами размножим на машинке. Тем более, наше республиканское Казахское издательство в Алма-Ате готовит к печати сборник рассказов Гребенищикова, а потом планирует — избранное. Но пока — суть да дело, а готовое иметь очень хочется. Поэтому, как уж не сложно и трудно, но раз Вы не отказываете, буду просить Вас прислать все, что сможете. Конечно, в первую очередь хотелось бы иметь «Чураевых» и «Егоркино детство». Если можно посылать в газетах, напечатанные рассказы, это очень хорошо. Письма, по-моему, доходят быстро и хорошо. И все в них вложенное. Поэтому все, что Вы пришлете, будет принято и с радостью и с глубокой благодарностью.

Письмо ваше доставило мне много радости и удовлетворения. Очень приятно было прочитать, что Вас порадовали мои фотографии. Снова и снова перечитываю письма Г. Д. к папе и поражаюсь силе и красоте духовной, именно духовной «мощи» людей того времени. Поэтому они столько и такого сделали за всю свою жизнь и оставили в ней неизгладимый след. Да, сильные и могучие были люди.

Посылаю в этом письме Вам газетную статью о папе. Написана она по моим материалам, но мне не хотелось ставить свою подпись, да и окончательную газетную отделку сделали журналисты. Лучше или хуже, но «руку приложили». Это, конечно, немножко против того, что я пишу о нем, но тоже когда-то и что-то будет.

Хотела послать Вам свою книжечку «Виноградники Алтая». Она, конечно, не художественная, но в ней просто упоминается о нашем крае, немножко истории, о природных данных и о папиных трудах. Может быть интересно. И один журнал — республиканского масштаба, в котором помещен мой очерк тоже о папе. О том, как он заложил и вырастил виноградник на Аблакетке. Но тоже в недоумении — дойдет ли? Может быть, тоже не дойдет.

Вполне понимаю и представляю, каких трудов Вам стоило путешествие из Чураевки во Флориду одним, без помощников. Просто прожить день в обычной благоустроенной обстановке и то — каких сил и напряжения стоит, а такое путешествие... И, пожалуйста, дорогая Татьяна Денисовна, не беспокойтесь и не считайте себя обязанной быстро и аккуратно отвечать на мои письма. Когда будет время, настроение, силы. Вам надо обладать особой и силой, и волей, чтобы при Ваших возможностях быть такой работоспособной, что и есть у Вас. Для меня Вы теперь стали постоянным примером, когда падаю духом, впадаю в уныние, я вспоминаю Вас и мне становится стыдно, что так малодушничая.

Как чувствует себя сейчас Георгий Дмитриевич? Как его здоровье? Милая, родная Татьяна Денисовна, так хотелось бы увидеть Вас и много, много сказать Вам, от души поговорить. Вы мне стали каким-то родным, близким человеком. Горячо целую Вас, Ваша искренне Е. Панкратьева. [8, л. 7]

25 января 1964 гг. Усть-Каменогорск

Дорогая Татьяна Денисовна!

Только тот поймет другого человека, который сам испытал подобное. Я сама вот уже 10 лет не встаю на ноги и, конечно, вполне представляю, как трудно приходится вам. И хотя врачи и официальные медицинские работники, бесспорно, знают больше меня, но иногда бывают и совсем неожиданные, непредвиденные случаи. Вот поэтому я и решила порекомендовать Вам одно средство.

В этом письме я посылаю Вам инструкцию, о лечебном препарате — «желчь» животных. Я сама стала недавно пользоваться ею и к великому своему изумлению почувствовала результаты. Препарат этот обладает необыкновенно сильным обезболивающим свойством и рассасывающим. Считают, что сейчас в медицине нет равного ему по силе рассасывания и вымывания из организма лишних солей. И заметно понижает кровяное давление.

Я на себе убедилась, что после 2–3 компрессов из желчи мои изуродованные, отечные суставы сразу становятся нормальнее — деформация, отложения солей, отеки — спадают. Появляется подвижность в суставах и, самое главное, — проходят те дикие боли, которые и ограничивают мои движения, сковывают меня.

В этой же инструкции говорится, что этот препарат эффективен и при некоторых явлениях Вашего характера. Там сказано, что — «при переломах костей и последующем лечении в гипсовых повязках». Я конечно, не в курсе всех подробностей Вашего заболевания, но если можно воспользоваться этим средством, то возможно и Вам поможет! Конечно, Вы и сами понимаете, что все необходимо осуществлять с ведома и контроля врача. Но за этим, я думаю, дело не станет. А в отношении того, имеется ли этот препарат в Ваших аптеках, мне кажется, что он имеется везде. Это старинное народное средство, применяемое всеми народами, всех стран и времен. А в случае, если и не имеется готовой в продаже, то желчь всегда можно приобрести на любом мясокомбинате или бойне. В крайнем случае, я попытаюсь выслать Вам отсюда. Дело только за тем, чтобы можно было воспользоваться этим средством и чтобы оно оказалось эффективным.

Я сама знаю, что люди всегда охотно предлагают великое множество разных средств, на испытание которых не хватило бы ни одной жизни. Все, конечно, не перепробуешь. Но кое-что все-таки бывает полезным и может очень помочь. Поэтому смотрите, если у Вас есть просто интуитивное чувство доверия к этому средству, то попробуйте, а нет — так нет. Но мне что-то верится, что поможет.

Ваше поздравление новогоднее получила и от всей души благодарю Вас. Частенько получаю письма от Ивана Дмитриевича. Сейчас заинтересовалось творчеством Гребенищикова Казахское республиканское издательство, собирают о нем материалы, конечно, и меня включили в это дело. Видимо скоро выйдет сборник его рассказов, а потом будет готовить «избранное». Все разбирающиеся люди в один голос восторгаются силой таланта Гребенищикова и все сожалеют, что так мало о нем у нас знают. Но теперь я слежу за литературой — журналами, книгами, — о нем все чаще упоминают, цитируют, приводят в качестве примера и т. д.

Дорогая Татьяна Денисовна, я вместе и с И. Д. с нетерпением жду «продолжения письма к брату», я его, то, что вы присылали, знаю почти наизусть.

Как сейчас здоровье Георгия Дмитриевича? Как Вы сами-то чувствуете себя? Есть ли кто-нибудь у Вас в качестве помощника по домашним делам? Или же все Вам самой приходится делать?

Сердечно обнимаю Вас и целую Ваша любящая Е. Панкратьева.
[9, л. 8,9]

Источники

1. ГАВКО, ф.251, оп. 2, предисловие, л. 1–3.
2. ГАВКО, ф.251, оп. 2, д. 76, л. 1; **ПОДЛИННИК.**
3. ГАВКО, ф.251, оп. 2, д. 76, л. 2; **ПОДЛИННИК.**
4. ГАВКО, ф.251, оп. 2, д. 76, л. 3; **ПОДЛИННИК.**
5. ГАВКО, ф.251, оп. 2, д. 76, л. 4; **ПОДЛИННИК.**
6. ГАВКО, ф.251, оп. 2, д. 76, л. 5; **ПОДЛИННИК.**
7. ГАВКО, ф.251, оп. 2, д. 76, л. 6; **ПОДЛИННИК.**
8. ГАВКО, ф.251, оп. 2, д. 76, л. 7, 7 обор.; **ПОДЛИННИК.**
9. ГАВКО, ф.251, оп. 2, д. 76, л. 8, 9; **ПОДЛИННИК.**

О. А. Иост

Торайгыров университет, Павлодар, Казахстан

**К ПРОБЛЕМЕ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО
СОДЕРЖАНИЯ РОМАНА В. М. ШУКШИНА
«Я ПРИШЕЛ ДАТЬ ВАМ ВОЛЮ»**

Аннотация: В докладе пунктирно рассматриваются метафизические аспекты исторического романа писателя с акцентированием на духовной сути образа главного персонажа как проявлении ключевого, в том числе и для классической русской словесности, процесса метафизической борьбы за душу человека

Ключевые слова: Шукшин, роман, Разин, метафизические силы зла

O. A. Iost

Toraighyrov University, Pawlodar, Kazakhstan

**TO THE PROBLEM OF METAPHYSICAL
CONTENT OF THE V. M. SHUKSHIN'S NOVEL
"I'VE COME TO GIVE YOU FREE WILL"**

Summary: In the report there are briefly considered the metaphysical aspects of the writer's historical novel with the focus on spiritual essence of the main character as an expression of the key process of metaphysical battle for

the person's soul, which is characteristic as well as for the classical Russian literature.

Key words: Shukshin, novel, Razin, metaphysical evil power.

Роман В. М. Шукшина «Я пришел дать вам волю», будучи ключевым в творчестве писателя, естественным образом выступает объектом постоянного серьезного научного исследования. Не вдаваясь в детали истории его литературоведческого изучения, отметим лишь, что к сегодняшнему моменту выявлены практически все значимые нюансы, прежде всего, творческой истории произведения, включающей эволюцию образа Степана Разина в наследии писателя, режиссера, актера; историю создания литературного текста и попытки снять фильм; разного рода источники (фольклорные, исторические, литературные, биографические) страсти Шукшина к данному историческому персонажу, которая с духовной позиции определяется как «наваждение» и «пленение разума» [Дмитриев, 2012], «почти маниакальное одержание образом Степана Разина» [Фисун, 2012].

Роман, который, действительно, «являясь итоговым произведением писателя, может рассматриваться как способ прочтения всего творчества В. М. Шукшина» [Тортунова, 2008, с. 5], многократно проанализирован с позиции самых разных подходов. Серьезный вклад в понимание специфики романа внесли многие исследователи разных лет: Л. Аннинский, М. Геллер, И. Золотусский, О. Овчинникова, Н. Додонова, В. Петелин, В. Апухтина, Л. Емельянов, В. Горн, Т. Дронова, И. Спиридонова, Е. Вертлиб, В. Ветловская, Л. Ягункова, С. Кормилов, Е. Черносвитов, В. Сигов, Л. Шаляпина, И. Бобровская, И. Тортунова, В. Коробов, Е. Стрыгина и др. Квинтэссенцией представлений о содержании романа Шукшина является следующее утверждение: «Три коренные проблемы решаются в романе: судьба России, судьба народного восстания, личность и трагедия Степана Разина» [Апухтина, 1986].

При этом большинство из названных авторов рассматривают указанные проблемы в ракурсе социально-исторического и нравственно-психологического содержания. И лишь небольшая доля исследователей касается метафизического содержания данного текста, закономерно говоря о религиозных аспектах романа и личности автора в период его создания, иногда — даже не всегда осознанно, тем не менее, вскрывая отдельные нюансы именно духовного смысла. Опреде-

ленную лепту в этом плане внесли Л. В. Шаляпина, И. И. Плеханова, С. А. Фисун, Т. А. Рыбальченко, А. Т. Бодрова, Д. В. Марьин, Е. Н. Чепорнюк, С. Саганчук.

Метафизическое же содержание романа «Я пришел дать вам волю» многогранно, глубинно значимо и рассмотрено явно недостаточно, в чем заключается определенная проблема современного постижения шукшинского текста. Рамки данного материала позволяют лишь обозначить один параметр духовного смысла произведения писателя, а именно: отражение процесса воздействия метафизической силы зла на человека, наличие которого вписывает роман в традицию русской классической словесности.

Ибо русские авторы, отражающие православную концепцию мира и стоящие на магистральном пути развития русской словесности, приходили к осознанию метафизической основы происходящих событий внешней и внутренней жизни человека. И сквозь исторически конкретное в их текстах неизменно просвечивает метафизическое. Причем метафизическое содержание их произведений многогранно. Но одной из основных составляющих духовного содержания русской литературы, начиная с древнего этапа ее развития, является четкое изображение авторами того, что ключевым в мировой физической и метафизической истории процессом является воздействие бесплотных духов зла на человека, в чем собственно проявляется суть происходящей извечной борьбы противника Бога против своего Творца и Его творения.

Одним из наиболее ярких, убедительных примеров в этом плане является А. Пушкин, выступающий одновременно в качестве продолжателя традиции древнерусской словесности и основателя традиции русской литературы нового времени [Иост, 2007, 2009], которую не менее убедительно продолжили Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, А. Н. Островский и мн. др.

Русские авторы своими произведениями демонстрируют знание святоотеческого учения о злых духах, которое, составляя неотъемлемую часть богословия, предостерегает человека от дьявольских ухищрений и учит его правильному поведению. Приведем квинтэссенцию игумена Марка, систематически изложившего учение Православной Церкви о духах зла в опубликованной в 1899 году книге: «Итак, целое полчище злых духов окружает нас, следит за каждым нашим шагом, вмешивается во все наши занятия, чтобы к чему-нибудь примешать зло, хотя чем-нибудь обольстить нас... Св. Григорий Бо-

гослов: «Дьявол отовсюду пытается и все высматривает, где низложить, где уязвить, и найдет, что незащищено и открыть для удара; чем более видит чистоты, тем более усиливается осквернить... Дьявол ненасытен, на все простирается, *обольщает даже добрым* и оканчивает лукавством»... Брань с нами злые духи ведут непрестанно, разнообразя ее всякими способами, с необыкновенною хитростью и лукавством... по свидетельству св. Отцов Церкви, средства искушения у дьявола разнообразны» [Игумен Марк, 1994, с. 106, 111, 121 <здесь и далее выделено нами — О. И.>].

Собственно, этот процесс — в различных его проявлениях и наполнениях — отражен во всей русской классической словесности, в том числе и в романе В. М. Шукшина. Пунктирно укажем лишь основные моменты процесса дьявольского воздействия на душу главного персонажа: причины, проявления, следствия.

Степан Разин для Шукшина был одним из наиболее привлекательных персонажей русской истории — в силу того, что пытался «дать волю» простому люду; улучшить жизнь русскому народу, пытаясь вызволить его из тисков устанавливающегося государства с его жестоким порабощением простого человека. Причина подобного разинского желания раскрывается автором сразу, в самом начале романа: «...жила в нем мягкая, *добрая* душа, которая могла жалеть и страдать» [Шукшин, 1976, с. 315]. Вот оно — «дьявольское обольщение добрым».

«Подсев» на доброте и обостренном чувстве справедливости Степана, дьявол берет человека в свой оборот, вызывая в нем уже совсем не добрые, но жестокие реакции: «Как только где натыкалась эта *добрая* душа на подлость и злость людскую, так Степана точно срывало с места. Прямо и просто решалось тогда: обидел — получи сам. Тогда-то он и свирепел, бывал жесток. Но эту-то *добрую*, справедливую душу чуяли в нем люди, и тянулись к нему, и надеялись... И хоть порой томило Степана это повальное к нему влечение, он не мог отпихивать людей... Он только мучился и злился, везде хотел успеть заступиться...» [Шукшин, 1976, с. 315].

Причина глубинной противоречивости Разина — воздействие метафизической силы, которая буквально заставляет человека творить ее злую волю — вопреки его собственной. «И сердце его постоянно сжималось жалостью и злостью. Жалость свою он прятал и от этого только больше сердился» [Шукшин, 1976, с. 315].

История Разина в романе — иллюстрация к изложенному выше богословскому учению. Считая себя вольным (первая часть назы-

вается «Вольные казаки») и пытаюсь дать волю (в социально-историческом смысле) другим, Разин сам оказывается в тисках неволи (в духовном плане). При этом злая и темная сила не дает человеку возможности осознать, что же он творит. «Порой он спохватывался подумать про свою жизнь — куда его тащит, зачем? — и бросал: не то что не по силам, а...» [Шукшин, 1976, с. 315]. Показательный текст, отражающий и факт прямого воздействия извне; и желание человека все-таки задуматься о своей жизни; и невозможность осознания сути происходящего с ним. Многоточие в конце этого предложения свидетельствует о том, что Разин все-таки пытался объяснить себе, почему же он не может «сидеть и думать», «без конца думать и думать». И далее сам автор предлагает психологическое обоснование этому, говоря о неумности натуры Степана — по сути своей не рефлектера, а делателя.

В данном случае возникает прямая ассоциация с двумя психологическими типами персонажей, о которых теоретизировал И. Тургенев, постоянно разрабатывая их в собственной художественной практике — рефлектирующего Гамлета и делателя Дон Кихота. Разин в этом смысле — вариант Дон Кихота. Он, очертя голову, бросается в дело, не понимая, что выполняет в данном случае волю дьявола, который рад, если человек вообще не верит в его бытие, ибо тогда не отдает отчета в том, кто направляет его устремления. В. М. Шукшин, кстати, судя по всему, тоже долгое время не признавал бытие врага рода человеческого. Потому он и пытается здесь (да и в других местах текста) дать психологическое, а не духовное обоснование поведения своего персонажа.

Но, тем не менее, через весь роман проходит все-таки и изображение метафизического по сути процесса, чем Шукшин, не всегда вполне осознанно, действительно продолжает традицию русских художников слова, представляющих православную концепцию мира и человека. Отдавая себе отчет в том, что апостольское обращение к пастве: «Блюдайте, како опасно ходите» [Послание к Ефесянам Св. Апостола Павла, гл. V, ст. 15], «супостат наш дьявол яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити» [Первое Соборное Послание Св. Апостола Петра, гл. V, ст. 8] — универсально по своей значимости и актуальности, русские авторы представляют в своих текстах иллюстрацию к учению святых отцов церкви о дьявольской силе, желающей гибели человечества — с целью напомнить о метафизической сути происходящего в мире, предостеречь от губительных следствий ду-

ховного расслабления, призвать своего читателя к духовной трезвости и собранности.

Думается, что Шукшин, если и не имел в начале работы над романом данной вполне осознанной цели своего творчества (конечно, сказалась общая атеистическая советская атмосфера XX века, сугубо — в период становления личности писателя), то, по крайней мере, интуитивно все-таки вписался в традицию предшествующей русской словесности. А в процессе работы над романом и над фильмом о Разине, Шукшин явно претерпевает мировоззренческую эволюцию. Совершенно прав Д. Марьин: «Однако в начале 1970-х гг. происходит явная трансформация религиозно-нравственной позиции писателя и кинорежиссера. Возможно, что ключевым событием для пересмотра его мировоззренческих установок стала поездка в 1970 г. по историческим городам России... — в рамках подготовительных работ по фильму о Степане Разине. Члены съемочной группы во главе с Шукшиным посетили многие православные храмы и монастыри, общались с представителями духовенства, имели доступ к церковным книжным памятникам. Всей своей работой в кино и литературе борясь за национальные основы современного отечественного искусства, Шукшин не мог не осознать, что именно православие — важнейший источник и вечная опора патриархальной русской культуры... Унаследовав от своих предков-крестьян православную традицию, Шукшин-интеллигент постепенно приближался к истинной вере в Бога» [Марьин, 2012].

Подтверждением чего является и рассматриваемый роман, в котором детально последовательно описывается прямое дьявольское воздействие на Степана, идущее по нарастающей и выливающееся в гнев, неоднократно описываемый в тексте. И если вначале только констатируется: «Гнев Разина вскипал разом. И нехорош он бывал в те минуты» [Шукшин, 1976, с. 325], то дальше — по мере усиления гневных проявлений — уже указывается на суть этих состояний персонажа: он — «черт бешеный», «взбесился», «дьявол», «дьявол, а не человек». Так, например, воевода, обращаясь к казакам, кричит, предсказывая судьбу и Степана, и его войска: «Он больше не атаман вам!.. Поганец он... Не слушайте больше Стеньки! Он — дьявол! Он сам сгинет и вас всех погубит!» [Шукшин, 1976, с. 395]. Вообще, подобные упоминания злой метафизической силы, здесь, как и в текстах Н. В. Голая, не просто пустые приговорки, но четкая духовная характеристика и тех, кто эти слова употребляет, и тех, к кому они относятся. Сам

Степан часто использует слова «змеи ползучие», «гады», «змей ласковый», «змей вертучий», ассоциативно связанные с искушителем.

Сатанинское воздействие на Разина усиливается, и случаются уже настоящие припадки («С ним бывало: жгучее чувство ненависти враз одолевало, на глазах накалились слезы, он выкрикивал бессвязные проклятия, рвал одежду. *Не владея собой* в такие минуты, сам боялся себя» [Шукшин, 1976, с. 399]), которые определяются окружающими как «болезнь». Это воистину духовная болезнь. Процесс усиления бесовского воздействия у Разина напрямую связан с потерей им веры в Бога. В разговоре с Фролом, который единственный знает о страшном грехе убийства Степаном двух душ в его молодости, Разин заявляет, что никогда не верил. Но Фрол опровергает его: «Врешь! Я видел, как ты в Соловках лбом колотился» [Шукшин, 1976, с. 515], на что Степан вынужден признать: «Ну, может, верил. Ну и что?» [Шукшин, 1976, с. 515],

А то, что теперь, когда он «мститесь» (вторая часть — «Мститесь, братья!»), когда уже потерял веру, когда приобрел «чары, как у ведьмы» [Шукшин, 1976, с. 515], т. е. когда оказался во власти злой метафизической силы, — перед ним опять два пути: либо окончательно «загибнуть» духовно и физически, либо через покаяние вернуться к вере, как и было с ним в Соловецком паломничестве. Показателен в этом плане эпизод, когда Степан просит прощения у коня: «Прости меня... Прости, ради Христа. — За что, Степан не знал, только хотелось у кого-нибудь просить прощения... Потом шли рядом — конь и человек. Голова к голове. Долго шли, медленно шли, точно *выходили* на берег из *мутной*, вязкой воды.

Солнце вставало над землей. Молодой *светлый* день шагал навстречу...» [Шукшин, 1976, с. 516]. Сам факт возможности попросить прощения — пусть не у человека, но с упованием на милость Божью, принципиально важен. Он отражает православную концепцию мира: человек как образ Божий, пока жив, несмотря ни на какие преступления, может вернуться к Отцу Небесному — при условии принесения покаяния. Как видим в представленном фрагменте текста, Степан еще способен к покаянию, несущему очищение души, и соответственно, спасение. Символичны потому выход Степана из мути и наступление нового светлого дня, дающее надежду на то, что человек сделает правильный выбор — и спасется.

Но, чем интенсивнее воздействие сатанинской силы на Разина, тем больше теряет он эту благодатную способность просить прощения

ние. И вот уже его реакция на обвинения Матвея: «Степан оглянулся на всех, пристально посмотрел на Матвея... Сглотнул слюну.

— Кто виноватый, Матвей? — спросил тихо.

— Ты, Степан. Ты виноватый, ты.

Степан побледнел еще больше, с трудом поднялся, пошел к Матвею.

— Кто виноватый?

— Ты!..

Степан ударил его. Матвей упал на дно стружка, поднялся, вытер кровь с лица. Сел на лавку. Степан сел рядом с ним» [Шукшин, 1976, с. 638], которая свидетельствует уже о невозможности Разина признать собственную вину, следовательно, о невозможности покаяния и, соответственно, спасения души.

Метафизическая борьба («Тут дьявол с Богом борется, и поле битвы — сердца людей» [Достоевский, 1972–1990, т. XIX, с. 100]) за душу Разина усиливается до предела. Определенными вехами в этом процессе являются три истории с иконами. Первая — умиленное восхищение Степаном Соловецкой иконой Божьей матери в молодости. Вторая — нечаянное следствие выстрела («... пуля угодила в иконостас, в икону Божьей Матери. В лицо ей» [Шукшин, 1976, с. 535]), что всеми воспринимается как «недоброе знамение»: после чего Степан явно мечется между верой и безверием, то и дело вспоминая свою прежнюю веру в Бога, но и все больше зверея, теряя человеческий образ. Наконец, третья история — прямое богохульство, когда в ответ на обвинения митрополита («Антихрист!») Степан «с томлением великим оглянулся кругом... Вдруг подбежал к иконостасу, вышиб икону Божьей Матери... несколько раз рубанул сплеча витые золоченые столбики, но сам, видно, ужаснулся» [Шукшин, 1976, с. 588], являя полное пленение злом, и как следствие — пьяное безумие: «Вот наступил предел. Вот горе породило безумство. В глазах атамана, ничего не видящих, криком кричала одна только боль» [Шукшин, 1976, с. 594].

В последней, третьей, части романа («Казнь»), когда старуха-кликуша напоминает о некогда «сердечушке добром» Разина, сам он после очередного припадка бешенства констатирует собственную духовную гибель: «Господи, Господи, Господи! — стонал Степан. И скреб землю, и озирался. — Одолеп меня дьявол... Одолеп, гад: рукой моей водит» [Шукшин, 1976, с. 616]. После чего — остается только физическая смерть, и сам Степан уже просит: «Братцы,

срубите и в воду, к *чертовой* матери... Не могу больше: грех замучает. Змеи сосать будут — не помру. Срубите! Срубите!! Богом молю, срубите!.. Милые мои... помогите. Не могу больше. Тяжело» [Шукшин, 1976, с. 616].

Подобное состояние несчастного человека не может не вызывать жалость. Для него самого такая жизнь — уже казнь. Внутренний душевный и духовный тупик, в котором оказался Степан, передается автором посредством различных художественных средств. Это и плеоназм: «Душа болела. Очень болела душа» [Шукшин, 1976, с. 616]; и «отчетливый красный сон» об убийстве Фролом княжны, в котором земля «вспотела кровью» [Шукшин, 1976, с. 618]. Эта, в том числе, и кровь, проливаемая им самим бесконечно, свидетельствует не только о гибели Степана, но и его дела: «Он видел, он догадывался: дело, которое он взгромоздил на крови — рушится. Рассыпается прахом. Ничего прочного за спиной» [Шукшин, 1976, с. 617].

Одоление темной метафизической силой четко явлено и в практически беспробудном пьянстве Степана в конце романа, которое не могут уже выносить даже его соратники: «Уймись, Степан, — заговорил Матвей почти требовательно, но с неподдельной горечью в голосе. — Уймись, ради Христа, с пьянкой! Что ты делаешь? Ты вот собрал их — тридцать-то тыщ — да всех их в один пригожий день и решишь. Грех-то какой!.. И чего ты опять сорвался-то? Неужель тебе не жалко их, Степушка? У Матвея на глазах показались слезы. — Надежа ты наша, заступник наш, батюшка, — пропадем ведь мы» [Шукшин, 1976, с. 619–620]. Матвей задает ключевые вопросы: «Почто ты такой стал?.. Ты что же, верить, что ль, перестал? Что с тобой такое?» [Шукшин, 1976, с. 620], имеющие отношение не только к Разину, но и к Руси-матушке. Именно потому в ответ на разинское требование замолчать, Матвей отвечает: «Не буду я молчать! Руби ты меня тут, казни — не буду. Не твое только одного это дело. Русь-матушка, она всем дорога» [Шукшин, 1976, с. 620]. Безусловно, в числе «всех», кому дорога Россия, и сам В. М. Шукшин, который пытается понять ее историю, постичь суть русского народа, его роль в общемировом процессе.

Ощущение неизбежного конца усиливается тем более, что разочаровались в Разине «братцы», о чем и говорит Степану опять Матвей: «Кинулись мы на тебя, как мотыли на огонь... И обожглись. Да и сам ты сорвался теперь, а стореть — это скоро... Кто сам перестал ве-

рить, тому тоже не верю!» [Шукшин, 1976, с. 639]. Степан действительно не реализовал надежду на него людей, которые «В нем любил ту захороненную надежду свою на счастье, на *светлое воскресенье*» [Шукшин, 1976, с. 374]. Закономерно потому именно Матвей говорит ему «про Иисуса», о котором Степан, теперь находясь в полной власти зла, думать никак не может. Матвей являет глас совести самого Разина, глас русского народа, так и не дождавшегося обещанной «воли». И этот глас, который периодически звучит, пытаюсь напомнить Степану его доброе начало, потому как: «Только добро и помнят-то на земле, больше ничего. Не качайся, Степан, не слабни... Милый, дорогой человек.. как ишо просить тебя? Хошь, на колени перед тобой стану!» [Шукшин, 1976, с. 620], отвергается Разиным.

При второй попытке обратить его мысль ко Христу: «Степан, ты послушай-ка про Иисуса-то...» [Шукшин, 1976, с. 647], которую предпринимает Любим, видимо, пораженный размышлениями идущего с ним Матвея, Разин и вовсе «не дал ему» этой возможности. Отвергая глас народа, Степан отвергает истину, не оставляя более перспективы спасения — ни собственного, ни сподвижников. Смерть Матвея прообразует близкий конец и самого Разина, и его дела.

Выхода их тупика Степан не находит. Покаяния в его душе нет. А вот что он говорит о вере практически в конце жизни: «Поганая ваша вера, раз она такая» [Шукшин, 1976, с. 657].

Кольцо замкнулось: зло побеждает в его душе первичную доброту, не дав выполнить заветное желание принести людям счастье. Светлого воскресенья не получилось, одна «тоска смертная» [Шукшин, 1976, с. 653]. И как следствие: «Он действительно прямоком пошел к гибели» [Шукшин, 1976, с. 662], теперь — уже физической. «Его глубоко и больно заботило — как он примет смерть» [Шукшин, 1976, с. 681]. Принял смерть Разин достойно. И потому, от него, как и предсказывал Матвей: «Один след и останется... Яркий» [Шукшин, 1976, с. 639].

Но это не отменяет главного: объективно итог жизни Степана свидетельствует о том, что его благое намерение помочь русскому человеку не осуществлено, хотя сам Разин убежден, что «дал волю». С позиций метафизического уровня содержания текста корректируется ракурс и названия романа «Я пришел дать вам волю», и сути главного персонажа. Под дьявольским воздействием находясь, чью волю дал Разин? Вопрос риторический.

Действительно, от Степана остался яркий след, который стал «наваждением» для Шукшина, но наваждением, в итоге преодоленным.

Постигнув истинную суть духовного движения Разина, не смогшего противостать метафизическим силам зла и, как следствие, реализовать благие намерения собственной души, автор изобразил трагедию человека, вызывающего в читателе искреннюю жалость и желание избежать подобной судьбы, что возможно лишь в случае победы человека в процессе метафизической борьбы со злом — при условии крепкой веры в Спасителя.

Итак, пунктирно рассмотренное в данном материале изображение процесса воздействия злой метафизической силы на человека, с акцентом на духовном движении Степана Разина, свидетельствует об отражении В. М. Шукшиным ключевого для человечества процесса духовной брани, ведущейся против Творца за душу человека — венца Его творения, чем автор и вписывается в традицию русской классической словесности, православной по своей сути.

Литература

1. Апухтина В. А. Проза В. Шукшина. — М.: Высшая школа, 1986. — 94 с. // URL: <http://www.host2k.ru/library/proza-shukshina8.html>.

2. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30-ти т. — Л.: Наука, 1972–1990.

3. Игумен Марк. Злые духи и их влияние на людей. — М.: Паломникъ, 1994. — 191 с.

4. Иост О. А. Мировоззренческие аспекты творчества А. С. Пушкина: Автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.01.01. — Алматы, 2007. — 44 с.; «Евгений Онегин» А. С. Пушкина (опыт мировоззренческого комментария: учебное пособие. — Павлодар: ПГПИ, 2009–124 с.

5. Максим (Дмитриев В. М.), епископ Барнаульский и Алтайский // Шукшин и православие. Сборник статей о творчестве В. М. Шукшина / Сост. В. А. Алексеев. — М.: ИД «К единству!», 2012. — С. 13–19.

6. Марьин Д. Шукшин и православие: вердикт или вопрос? // Сибирские огни. — 2012. — № 7 // URL: <http://www.host2k.ru/library/shukshin-i-pravoslavie-verdikt-ili-vopros.html>.

7. Протоиерей Сергей Фисун (С. А. Фисун). О духовных исканиях В. М. Шукшина // Электронный научный журнал «Евразийство: Философия. Культура. Экология». Вып. № 5. — 2012. URL: <http://evrazistvo.ru>.

8. Тортунова И. А. Степан Разин как национальный архетип в творчестве В. М. Шукшина: традиции и специфика освоения образа: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2008. — 26 с.

9. Шукшин В. М. Я пришел дать вам волю // Шукшин В. М. Избранные произведения: в 2-х т. — М.: Молодая гвардия, 1976. — Т. 2. — С. 305–696.

И. Н. Каланчина

Алтайский государственный аграрный университет, Барнаул

ЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ШУКШИНА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация: Поиск смысла жизни в русской литературе так востребован и настоятелен, как ни в какой другой. И хотя у разных авторов он раскрывается в различных формах, основное его содержание всегда остается неизменным. В размышлениях героя рассказа «Забуксовал» отражаются и поиски смысла жизни, и этический императив Шукшина — непримиримое отношение к культу материальной выгоды, обывательской психологии. В своем творчестве писатель предупреждал и своих современников, и будущие поколения о нарастающей угрозе культурной деградации и одичания, произрастающих из мещанства и индивидуализма.

Ключевые слова: этический дискурс, поэтика душевного света, интерпретация метафоры Руси-тройки, формирование национального самосознания, культурный код.

I. N. Kalanchina

Altai State Agrarian University, Barnaul

SHUKSHIN'S ETHICAL DISCOURSE IN THE CONTEXT OF MODERN LIFE

Summary: The search for the meaning of life in Russian literature is in demand and persistent, which we do not find in any literatures of other countries. The main character's reflections of Shukshin's story represent the author's ethical imperative, an irreconcilable attitude towards the cult of material gain, philistine psychology. The writer, with all his work, warned both his contemporaries and

the future generations about the growing threat of cultural degradation, a derivative of philistinism and individualism.

Key words: ethical discourse, poetics of spiritual light, interpretation of the Russia-Troika metaphor, formation of national identity, cultural code.

Проблема влияния русской литературы на формирование общественного сознания, в том числе и на систему ценностей, приобретает в последние годы особую актуальность. Современные исследователи полагают, что для решения проблем возрождения науки, культуры, образования и экономики необходимо осознание на новом уровне и усвоение ключевых идей и ценностей российского культурного кода. В отечественной истории процесс формирования мировоззрения и общественного сознания всегда был тесно связан с литературой. В России литература всегда служила централизованным выражением национальных переживаний; вбирая в себя все нравственные и жизненные устремления, действительно, владела умами общества. И вполне закономерно, что русское самосознание сложилось в немалой степени под влиянием классической литературы.

Наиболее ярко эта особенность проявилась к 20–30 годам XIX века, когда литература и общественное сознание оказались настолько близки, что стали в определенном смысле взаимозаменяемыми или взаимообусловленными.

Но, как справедливо отмечают многие исследователи, в постсоветский период заметно снизился интерес к классической литературе, как и планка требований к преподаванию ее в школе. Отдельные произведения изъяты из образовательных программ под предлогом недоступности учащимся их «слишком глубокого философского содержания». Но хочется надеяться, что вопреки этой сильной тенденции наследие выдающихся отечественных писателей-мыслителей продолжает оказывать свое благотворное влияние на формирование национального самосознания и культурного кода наших современников. При внимательном взгляде заметно, что ключевые идеи творчества классиков продолжают транслироваться благодаря усилиям подвижников на ниве просвещения и образования, причем часто на метафизическом уровне — с помощью экзистенциальных смыслов, своеобразной поэтики художественных образов, неповторимого стилистического орнамента, напитавших культурную и ментальную жизнь общества на многие годы вперед.

В этом плане представляют интерес идейно-художественное и этическое содержание произведений В. М. Шукшина, в которых отразились достижения и лучшие черты классической русской словесности:

— Просветительская роль. В плане социального влияния и просветительской роли русская литература всегда была наполнена ярким идейным содержанием и потому явилась наиболее доходчивым способом выражения передовых идей. В российской литературной традиции просто не счесть авторов, которые являлись одновременно и писателями, и философами, и мыслителями, чьи произведения приобрели огромное и общественное, и культурное, и философское значение.

— Поиск смысла жизни, который в русской литературе так востребован и настоятелен, как ни в какой другой. И хотя у разных авторов он раскрывается в различных формах, основное его содержание всегда остается неизменным. Если попытаться обобщить суть этих поисков, то, по мнению русских классиков, смысл бытия человека заключается в том, чтобы человек, постигая высшие идеалы и законы бытия, неуклонно применял их в своей жизненной практике и тем самым совершенствовал свою человеческую природу и мир вокруг себя.

— Реалистичность. В России самой высокой похвалой книге было сравнение ее с «энциклопедией русской жизни» (Белинский), а одним из наиболее авторитетных определений красоты применялась фраза «прекрасное есть сама жизнь» (Чернышевский). Иными словами, с точки зрения русского человека, литература никогда не была просто изящной игрой слов, а призвана отражать важнейшие вопросы и принципы бытия человека и мира.

— В кругу основных идей русской литературы особое место занимает этическая проблематика, связанная с «поисками нового человека», морально и интеллектуально зрелого. Отечественные писатели ставили вопрос о необходимости нравственного совершенствования, поднимая идею подлинного гуманизма, утверждающего ценность личности, право каждого человека на реализацию своего творческого потенциала и самых светлых сторон души. В связи с этим неслучайно существенной особенностью русской литературы является воспевание так называемого «маленького человека» (героя невысокого звания и происхождения, не наделенного талантами и сильным

характером, безвредного и всеми гонимого) и более чуткое и уважительное отношение к женщине, чем в любой другой литературе мира.

— Особенность русской культуры, которую Ф. М. Достоевский определял как стремление к братскому единению с другими людьми (это более широкая и этически безупречная интерпретация таких качеств, как соборность, коллективизм, общинность) и вербализовал через идиому «*всемирная отзывчивость*» [Каланчина, 2018, с. 110–115].

Такая экзистенциальная установка на *всемирную отзывчивость*: не «я», а «мы» в качестве социального эталона присуща и шукшинским героям. Так, в произведениях Василия Макаровича Шукшина эта черта всегда взаимосвязана с этическими установками на приоритет духовных ценностей над материальными; на социальную открытость и активность; равнодушное отношение к миру и людям; личную ответственность за происходящее в социальном пространстве, за лучшее мироустройство; утверждение потенциальной ценности каждого человека (даже самого «маленького»), его права на уважение и раскрытие самых светлых сторон души.

Тип маленького человека русской классики XIX века в творчестве Василия Макаровича трансформируется в образ чудака — героя, совершающего, с точки зрения обывателя, нерациональные поступки, которого постоянно «заносит не туда». При этом очевидно, что автор намеренно противопоставляет чудаков сонным обывателям, эгоцентричным, сосредоточенным на своем «я» — узком мире, не имеющим четкого морального сознания и стремления к общему благу. Важно отметить что этика шукшинской малой прозы, как, и у большинства русских классиков, — это не заповеди и не развернутое морализаторство, а художественные приемы, и с их помощью автор раскрывает характер персонажа так, что читатель за не всегда внешне позитивными сторонами характера может разглядеть светлое зерно в душе человека.

Поэтика душевного света, излучаемого героем, — это еще одна особенность русской литературы, унаследованная Шукшиным. Для сравнения вспомним, как правило, в произведениях западных авторов, в характерах их героев и поступках нет этой ясности, нет акцентов, позволяющих разглядеть, что есть добро, а что — зло. В характерах персонажей все перемешано, поиски смысла жизни и стремление к однозначному нравственному выбору отсутствуют.

Шукшин же, следуя русской традиции, повествует о своих героях так, что в каждом из них четко проявляется нравственная цельность, его моральный стержень. И *всемирная отзывчивость* (не «я», а «мы») как ценностный камертон, подается Шукшиным в свете извечного конфликта добра и зла, правды и лжи, жизни и смерти, жертвенности и своеволия. Писатель как бы удостоверяет библейскую истину о том, что без праведника не стоит ни село, ни город, ни страна, воплощая в своих рассказах драматическую борьбу в душе человека, в которой отнюдь не всегда побеждает добро.

Василий Макарович предвидел и пророчески предупреждал об опасности усиливающихся тенденций приоритета материального над духовным, потребительского отношения к жизни и миру над гражданской и человеческой ответственностью. К сожалению, мы можем констатировать, что современное состояние мира — это в определенном смысле отчасти прогностическое свершение шукшинского нравственно-этического предупреждения: «Нам бы про душу не забыть!»

Обратимся к рассказу В. М. Шукшина «Забуксовал» в качестве примера воплощения в литературе ценности *всемирной отзывчивости*. Необходимо отметить, это произведение является одним из самых «литературоцентричных» в творчестве писателя. В нем использован прием текста в тексте через включение реминисценции известного лирического отступления из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя: «...Эх, тройка! Птица-тройка, кто тебя выдумал? Знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнемагладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты, пока не зарябит тебе в очи ...».

В рассказе «Забуксовал» Василий Макарович заостряет внимание на амбивалентности образа гоголевской тройки, представляя на суд читателя оригинальный историко-культурологический взгляд на финал «Мертвых душ», который, видимо, некогда он сам так же, как и его герой, с удивлением открыл для себя не без помощи Ф. М. Достоевского и Д. Мережковского. Вспомним, что реминисценция гоголевской тройки присутствует в диалоге между прокурором и адвокатом в «Братьях Карамазовых». В их разговоре образ тройки, впервые в русской литературе был сопоставлен с бричкой Чичикова. И, конечно, Шукшин, будучи большим знатоком творчества Достоевского, не мог не обратить своего внимания на эту выразительную литературную аллюзию.

Герой шукшинского рассказа Роман Звягин — рабочий совхоза, со школы приобщившийся к чтению художественной литературы. Он слушает сына, который готовит к уроку лирическое описание птицы-тройки Гоголя, и предвкушает радость от погружения в узнаваемую стихию слова, образов и ритма. Но неожиданно Роман испытывает недоумение, заметив в знакомом тексте совершенно новый смысл. Он вдруг обнаруживает, что гоголевская тройка несется не сама по себе, а в ней едет Чичиков, который является по своей сути мошенником и негодяем. «Вдруг — с досады, что ли, со злости ли — Роман подумал: “А кого везут-то? Кони-то? Этого... Чичикова?” Роман даже привстал в изумлении... Прошелся по горнице. Точно, Чичикова везут... Вот так троечка!» [Шукшин, 2005, с. 205].

Звягин поражен этим открытием и осознает, что фигура Чичикова, который явно присутствует здесь в качестве ездока, приходит в диссонанс с традицией восприятия Руси-тройки, как образа удали, стремительного движения, напряженной внутренней динамики.

Обескураженный Роман обращается к школьному учителю своего сына с вопросом: «Летит тройка, все удивляются, любят, можно сказать, дорогу дают — Русь-тройка! ... А кто в тройке-то? Кто едет? Кому дорогу-то? Так это Русь-то — Чичикова мчит? Это перед Чичиковым все шапки снимают?». — Но в тройке-то мошенник, прохиндей, шулер, который мертвые души скупал, действительно, — в чем тут гордость? [Шукшин, 2005, с. 205].

Важно, что и сам автор «Мертвых душ» время от времени подводит в своем повествовании читателя к мысли о том, что Чичиков — это не просто заплутавший в этических вопросах охотник за материальными благами и социальным статусом, а типичный представитель infernalного мира, хотя и изображенный довольно в комичной стилистике.

Учитель литературы настойчиво пытается разъяснить герою рассказа, что символ несущейся тройки лошадей необходимо воспринимать только с позиций культурной традиции XIX века, когда этот образ в общественном сознании воспринимался сам по себе — вне зависимости от личности находящегося в повозке путника. Но несмотря на доводы учителя, Роман испытывает смешанные чувства разочарования и удивления. В итоге, после спора с учителем герой остаётся при своем мнении — главное это то, что в тройке находится Чичиков. Роман Звягин — типичный персонаж из шукшинских «чудиков». Он так же стремится во всем «дойти до самой

сути», ему так же безразлично положение дел в стране, проявление мещанского, потребительского отношения к жизни, общей несправедливости. И поэтому он не может не задуматься о несоответствии идеала, возвышенного образа птицы-тройки, и сидящего в бричке Чичикова.

Герой рассказа одновременно и по-доброму комичен, и серьезен: комичен в своей попытке, не имея глубоких познаний, разрешить сложные вопросы русской истории и литературы и одновременно достоин уважения в самой постановке вопроса, имеющего решающее значение для будущего страны.

В размышлениях Звягина отражается этический императив Шукшина — непримиримое отношение к культу материальной выгоды, обывательской психологии, той социальной болезни, развитие которой он при жизни все больше замечал вокруг. Всем своим творчеством писатель как бы предупреждал и своих современников, и будущие поколения о нарастающей угрозе культурной деградации и одичания, произрастающих из мещанства и индивидуализма.

Что же касается истолкования Шукшиным лирического отступления в финале «Мертвых душ», то, по мнению ряда исследователей, писатель слишком однозначно примеряет этот образ к окружающей его реальности. Являясь выразителем самого духа эпохи, Шукшин, конечно, более чутко воспринимал тенденции в социальной жизни, которые многие современники не замечали или не видели в них серьезной нравственной проблемы. И хотя, возможно, интерпретация метафоры Руси-тройки Шукшиным несколько схематична, но задача автора в целом ясна: ему важно предельно заострить вопрос, заставить задуматься своих читателей, чтобы они попытались самостоятельно найти ответ на остро поставленный вопрос.

И действительно, с одной стороны, стремительность русской тройки символизирует новые возможности развития, энергичное движение в прекрасное будущее, однако, с другой стороны, в тройке появляются и пытаются ею править современные чичиковы, — безнравственные личности, по недомыслию направляющие лошадей в сторону глубокой пропасти.

К сожалению, вопрос, на котором «забуксовал» герой рассказа, остается и поныне открытым и остро звучащим в современном этическом и интеллектуальном дискурсе. «Маленький человек», чудик, Роман Звягин, выйдя за пределы своего узкого «эго», вырастет в зрелую личность, подлинную индивидуальность, и его, в пер-

вую очередь, волнуют вопросы о судьбе всей страны, необходимости для каждого человека четкого нравственного выбора — дабы чичиковы больше не правили русской птицей-тройкой, чтобы сбылись надежды народа на светлое будущее всей России.

Литература

1. Глушаков П. С. Тема «Шукшин и Гоголь» в исследованиях последних лет (к интерпретации рассказа «Забуксовал») // *Przegled Rusycystyczny*. — 2011. — № 1 (133). — С. 24–31.

2. Зубова О. В. Особенности истолкования рассказа В. М. Шукшина «Забуксовал» в литературоведении и кинематографе // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология»*. — 2014. — № 2. — С. 128–134.

3. Каланчина И. Н. Влияние русской литературы на формирование евразийской идентичности // *Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Барнаул, 21–22 июня 2018 г.)*. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. — С. 110–115.

4. Спиридонов В. Н. В «защиту» Русской Тройки // *Дружба-3. Слово и образ в художественной литературе: третий совмест. сб. науч. ст. фак. рус. филологии Моск. гос. обл. ун-та и каф. русистики и лингводидактики пед. фак. Карлова унта в Праге / ред.-сост.: Л. Ф. Алексеева, Радка Гржибкова*. — М.: Изд-во МГОУ, 2003. — С. 28–37.

5. Шукшин В. М. *Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 3: Повести; Рассказы*. — М.: Литература; Престиж книга; РИПОЛ классик, 2005. — 560 с.

И. Б. Каланчина

КГУ «ЦБС имени Оралхана Бокея» акимата г. Усть-Каменогорска

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В РОМАНЕ Г. Д. ГРЕБЕНЩИКОВА «ЧУРАЕВЫ»

Аннотация: Автор статьи рассматривает разнообразные женские образы в семейной хронике Г. Д. Гребенщикова «Чураевы». В романе «женский вопрос» становится отражением процесса разрушения семейных отношений.

Ключевые слова: Георгий Дмитриевич Гребенщиков, «Чураевы», семейный роман, женские образы, старообрядчество, семейные отношения, Сибирь.

I. B. Kalanchina

MPI "CLS named after Oralkhan Bokey" of the akimat of Ust-Kamenogorsk

FEMALE CHARACTERS IN THE NOVEL OF GEORGE GREBENSTCHIKOFF "THE CHURAEVS"

Summary: The author of the article examines various female characters in the family chronicle of George. Grebenstchikoff's novel "The Churaevs". In the novel, the "female question" becomes a reflection of the destruction process of family relations.

Key words: George. Grebenstchikoff, "The Churaevs", family novel, female characters, Old Believers, family relations, Siberia.

Роман-эпопею о старообрядцах «Чураевы» Г. Д. Гребенщиков создавал на протяжении десятилетий. Первоначальное намерение писателя назвать роман «Василий Чураев», однозначно определяло главного героя. «Однако уже в предисловии ко второму тому — «Спуск в долину» — он пишет о том, что название всего романа не «Василий Чураев», а «Чураевы», т. е. замысел становится шире: он видится не как история героя, а как судьба семьи, рода». [Царегородцева, 2005, с. 4]

Г. Д. Гребенщиков в своих публицистических статьях неоднократно употреблял по отношению к старообрядческому семейному быту термин «патриархальный», а главу семьи именовал «патриархом». Семейственность старообрядцев всегда была опорой их жизнеустройства. Особенности их уклада являются «традиция совмест-

ного проживания большими родственными коллективами под руководством старшего мужчины, «простота нравов», почитание родителей, безропотное подчинение жён мужьям, младших членов семьи старшим, неукоснительное исполнение каждым из них своих обязанностей, дисциплина, строгая регламентация домашнего быта, отсутствие или быстрое урегулирование конфликтов». [Куприянова, 2011, с. 327] Только большой семьей, как правило, состоящей из нескольких малых семей, старообрядцы могли противостоять внешней недоброжелательной среде.

На примере мужских представителей семьи Чураевых Г.Д. Гребенщиков показал характерные черты основных общественных групп населения Сибири. Так, глава семьи Фирс Платоныч «является приверженцем старых патриархальных устоев крестьян-старообрядцев, старший сын Ананий стремится стать предпринимателем, средний Викул представляет купеческое сословие, младший Василий — зарождающуюся сибирскую интеллигенцию». [Закаблуква, 2008, с. 11]

В семейной хронике «Чураевы» «женский вопрос» становится отражением процесса разрушения семейных отношений и имеет своё развитие, соотносимое с историей жизни поколений. У Гребенщикова характеристика жены главы семейства занимает своё место в развитии действия. Любящая мать, вечная труженица, заботливая хозяйка — такова Прасковья Филатьевна. В то же время автор несколькими эпитетами характеризует жену Фирса Платоныча, наводя на размышления о её месте в семье: «низенькая и сухонькая, в тёмно-коричневом сарафане» «мать Викула, Филатьевна, прячет в фартук слёзы, а на губах улыбочка играет, такая жалостливая и стыдливая». [Гребенщиков, 1982, с. 8] Далее автор несколько раз повторяет «маленькая», «придавленная горем сухонькая Прасковья Филатьевна». Г.Д. Гребенщиков даёт понять, что в условиях патриархальной семьи судьба жены в большей степени зависит от главы семьи, супруга. Поэтому в конце первой книги романа, после гибели Фирса Платоныча, в поведении и настроении женщины проявляется не только покорность, но и обречённость: «И, заливаясь, плакала Прасковья Филатьевна перед старыми образами, собрав в свою душу все горести разом», «покорная, тоскующая, потерявшая родительскую силу над дочерьми и сыновьями», она «готовилась к своей старушечьей недолгой участи». [Гребенщиков, 1982, с. 94]

Семейная хроника «Чураевых» складывается из отдельных сюжетных линий, связанных с членами семьи, среди которых две сестры.

Жена Филиппа, Анна, на вопрос Наденьки «А ты кто же будешь?» представила себя так: «Фирсова дочка! Большуха!.. Сестра Васютке-то!» [Гребенщиков, 1982, с. 130]

«Вон какая ягода-девица бедняку досталась», — характеризует её Прохор Карпыч, сожалеющий о том, что Анкудиныч не женил сына Самойлу на Анне.

Да и отец Фирс Платоныч сокрушается, что «взял и выдал Анну за Филиппа!»

Автор не дает её подробного внешнего описания. Но по мимолётным характеристикам представляется молодая полноватая женщина, что следует из того как Анна Фирсовна «тяжело отпыхиваясь» поднялась наверх, и смеётся она «белым полным лицом своим со складкою под подбородком». И глаза у неё «маслянистые речистой молодухи» да ещё у неё грузная и мягкая грудь.

Анна Фирсовна любопытна и бесхитростна. Взяв под опеку свою будущую родственницу, тут же засыпает её вопросами:

«— Ах ты, ягодка ты моя писанная, гостыюшка ты наша дорогая! — затараторила она, — да Расскажи ты мне для ради Бога, кто ты и по чё сюда тебя Господь принёс?.. В этакие-то наши гиблые-то буграки?.. Уж не невеста ли ты Васенькина будешь?..» [Гребенщиков, 1982, с. 129]

И далее:

«...Ух, ты какая худенькая-то!.. Ты почё же экая-то.. И платице-то эдакое любезненькое!.. А ты бы сарафан носила — всё бы поплоней казалась... Вот ты-то мне-ка Расскажи по чё сюда забралась-то?.. Это твой самокат-то, што ли?.. Лодка-то.....» [Гребенщиков, 1982, с. 130]

Анна Фирсовна оказалась тем человеком, кто помог невесте Викулы на первых порах влиться в круг старообрядческой семьи. И «Наденьке сделалось уютно и тепло около этой тёплой и такой пахучей доброй бабы». [Гребенщиков, 1982, с. 130]

Счастлива ли Анна? По-своему — да. Она — замужняя жена, не чурается работы, привыкла к определённой укладу. Её жизнь наперёд предопределена.

Другое дело младшая дочь Чураева.

Ласково, с любовью представляет её Наденьке Викул: «А это Грунечка!.. Груня, сестра наша... Ишь, балует, язык кому-то показывает... Ок-казия!»

А вот Фирс Платоныч, неся бремя ответственности за всю семью и ставя на первое место покорность и послушание, по-своему любит дочь.

«Экая, козлуха!» — неодобрительно ворчал отец, а сам усмехался бегущей ему навстречу краснощёкой, с растрепавшейся косой Груне».

Работящая, умелая, Груня незаметно вошла в пору любви. Это чувствует Фирс Платоныч, и оттого его беспокойство о младшей дочери: «И эта в Анну уродилась. Так и норовит скорее мужиком обзавестись...». [Гребенщиков, 1982, с. 42]

Вызывая у дочери страх, через молитвенное покаяние и клятвенное заверение отец пытается удержать Груню в рамках повиновения. После свидания с Антоном «меньшуха», ещё не готовая противостоять воле отца, шла ему навстречу «беззвучно воровской походкой», «смотрела себе под ноги большими, не умеющими спрятать стыд и страх глазами».

«Груня медленно пришла к нему и в босом, в одной рубаше и полосатых штанах в Чураеве не узнала своего отца. Огромная кривая тень его от слабого огня заслонила её и колебалась на тёмных стенах, как неуловимые крылья жуткой неизвестности...

Она стояла на коленях и не смела, не могла сдвинуться с места, будто заживо опущенная в тёмную и тесную могилу». [Гребенщиков, 1982, с. 44]

Вполне естественно желание молодой девушки вырваться из этого плена. Но пока жив отец, никто даже и не помышляет о выходе из семьи — единение опирается на волю и авторитет родителя.

Лишь Василий сумел понять состояние младшей сестры и ощутить, что Груня выросла, созрела для любви и самостоятельной жизни.

«Василий чувствовал, что девушка готова броситься с утёса и ещё крепче обнял сильное, трепещущее тело Груни...

— Ты слышишь, я не допущу, чтобы тебя, молоденькую и пригожую, задушили в этой чёрной затхлоу яме... Да никогда! Да ни за что!..» [Гребенщиков, 1982, с. 142]

Поэтому Василий устраивает Груне и Антону свидание, которое повлекло за собой побег влюблённых. «Груня убежала за табачника».

Это был решительный шаг, послуживший свидетельством перехода от старого уклада к новой жизни и приблизивший конец Фирса Платоньча.

Прямую противоположность женщинам-старообрядкам представляет Наденька — Сергевнушка. Абсолютная непохожесть на сибирских женщин и притянула к ней Василия Чураева.

Детство Наденька провела на сутолочном и пыльном Арбате. В отрочестве «узнала самое прекрасное, как говорила искренно: поездки в подмосковные деревни и книжки Пушкина и Диккенса». О гимназических шалостях, няне, которая с девяти лет заменяла Наденьке умершую мать, рассеянности Сергея Дмитриевича, её отца, о первой, робкой и «такой смешной-смешной», как говорила сама Наденька, любви Василий услышал из рассказов девушки, «всегда интимных и немного грустных». «Слушал всегда с восхищением и до сих пор не знал, что ему больше нравилось: содержание ли рассказа или то, как она при этом улыбалась, как сверкали ее большие чуть-чуть зеленоватые глаза, шевелились губы и взлетали для нетерпеливых жестов нежные руки». «Василий видел, что в восемнадцать лет Наденька знала уже много сладкого и горького, многое прочла, многое видела, путешествуя по России, побывала даже за границей и на естественное отделение высших курсов поступила с определенной целью — сделаться доктором ботаники и всю жизнь не расставаться с природой. Но в то же время Василий чувствовал, что Наденька теперь, по окончании курсов, прежде всего женщина и прежде всего хочет жить, любить и быть любимой...» [Гребенщиков, 1982, с. 93]

В общении с образованной москвичкой молодой старообрядец-сибиряк чувствует себя робким и неловким, но живо интересуется столичной жизнью, тянется к наукам.

«Василия пугала в Наденьке её порывистая страстность, кипучая жажда жизни. Его пугала женщина, ещё неведомая ему, влекущая к себе.

И всё-таки они сошлись на самом главном. Оба они были самозабвенно влюблены в жизнь и переполнены к ней жадным любопытством». [Гребенщиков, 1982, с. 93]

Немаловажное значение в истории отношений Василия и Наденьки имеет любовный треугольник, который возникает с появлением в Москве старшего брата Чураева — Викула. За него героиня выходит замуж, невзирая на явную бесперспективность такого бра-

ка. Наденька делает роковую ошибку, руководствуясь лишь чувствами, а не разумом.

В создании брачного мезальянса москвички и сибиряка-старообрядца прослеживается столкновение двух миров: старого крестьянского и современного городского.

Викул и Наденька

*Иллюстрация А. Аносова к роману
Г.Д. Гребенщикова «Чураевы»,
1982*

Василий и Наденька

*Иллюстрация А. Аносова к роману
Г.Д. Гребенщикова «Чураевы»,
1982*

Сначала Викул, а потом и Василий Чураев заключают брачный союз с представительницей столичной интеллигенции. «Главной определяющей здесь становится преследуемая героями цель: Чураевы стремятся вырваться из замкнутого круга и познать цивилизованную жизнь... Вторжение москвички не только разрушает духовный мир нетронутого цивилизацией Видула и вкусившего плоды столич-

ного образования Василия, но и разбивает жизнь сибирской семьи». [Закаблукова, 2008, с. 16–17]

Отсутствие взаимопонимания героев, их отстранённость при стремлении к индивидуальному самоопределению постепенно приводят к разрыву семейных отношений.

Образ женщины в романе Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» разнообразен. Впитав веяния новой эпохи, молодые героини Гребенщикова пытаются обрести независимость от главы семьи и психологически готовы к равенству в браке. Но при всех своих достоинствах эмансипированная героиня более несчастна, чем её предшественницы, и духовно одинока.

Писатель, высвечивая главные проблемы в переломный культурно-исторический период, затронул, в том числе и «женский вопрос», обозначив ключевые моменты в восприятии женского начала и женских образов. Поднятая писателем проблема «семья и эпоха» обнажила противостояние, приводящее к вымиранию и крушению семейных кланов.

Литература

1. Гребенщиков Г.Д. Чураевы. — Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1982. — 432 с.
2. Закаблукова Т.Н. Семейная хроника как сюжетно-типологическая основа романов «Чураевы» Г.Д. Гребенщикова и «Угрюм-река» В.Я. Шишкова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Красноярск, 2008. — 24 с.
3. Куприянова И. В. Старообрядческая семья: религиозно-культурная доминанта // Мир науки, культуры, образования. Научный журнал. — 2013. — № 4 [41]. — С. 326–330.
4. Царегородцева С. С. Роман Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» в социокультурном контексте эпохи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 2005. — 11 с.

В. Н. Карпухина

Алтайский государственный университет, Барнаул

ОБРАЗ «ВНУТРЕННЕГО ФРОНТИРА» В ПУБЛИЦИСТИКЕ АЛТАЯ НАЧАЛА XX В. (ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Г. Д. ГРЕБЕНЩИКОВА)

Аннотация: Статья посвящена проблеме формирования образа «внутреннего фронта» в художественно-публицистических текстах Г. Д. Гребенщикова, опубликованных в газете «Жизнь Алтая» в 1912 г. Существование в локусе фронта предполагает поликультурную идентичность и необходимость выбора аксиологических приоритетов в языковом и социокультурном плане. Данная поликультурная ориентированность Гребенщикова как автора публицистических и художественных текстов в ежедневной газете «Жизнь Алтая» за 1912 г. отражается в разных интерпретациях локуса «сибирского фронта» и его обитателей.

Ключевые слова: фронт, художественная публицистика, газета «Жизнь Алтая», Г. Д. Гребенщиков.

V. N. Karpukhina

Altai State University, Barnaul

THE IMAGE OF THE “INTERIOR FRONTIER” IN ALTAI PUBLICISTICS OF THE EARLY 20TH CENTURY (LITERARY PUBLICISTICS OF GEORGE GREBENSTCHIKOFF)

Summary: The paper considers forming of the “interior frontier” image in literary publicistics by George Grebenstchikoff published in the newspaper “Altai Life” in 1912. The existence in the locus of a frontier supposes the multicultural identity and the necessity of axiological priorities choice in language and cultural aspects. This multicultural identity of Grebenstchikoff as an author of publicistic and literary texts in a weekly newspaper “Altai Life” in 1912 is represented in different interpretations of the “Siberian frontier” locus and its inhabitants.

Key words: frontier, literary publicistics, the newspaper “Altai Life”, George Grebenstchikoff.

Статья посвящена проблеме формирования образа «внутреннего фронта» в художественно-публицистических текстах Г.Д. Гребенщикова, опубликованных в газете «Жизнь Алтая», в которую он пришел работать в 1912 г. сначала в качестве редактора литературно-художественного отдела, а затем и в качестве главного редактора. Существование в локусе фронта предполагает поликультурную идентичность и необходимость выбора аксиологических приоритетов в языковом и социокультурном плане. Данная поликультурная ориентированность Гребенщикова как автора публицистических и художественных текстов в ежедневной газете «Жизнь Алтая» за 1912 г. отражается в разных интерпретациях локуса «сибирского фронта» и его обитателей.

Термин «фронт» в последние годы достаточно часто используется в актуальных работах исторического, литературоведческого и культуроведческого характера [Резун, 2001; Панарина, 2013; Щербинин, Щербинина, 2016]. Термин был перенесен на русскоязычную почву из работ исследователей, изучавших историю освоения Дикого Запада США в XIX–XX столетиях [Тернер, 2009] и отражение этого процесса в текстах литературы, живописи и кинематографа (см., например: [Резун, 2001; Ващенко, 1999]).

Изучение специфики «сибирского фронта» представляет, с точки зрения исследователей, не меньший интерес: «Однако не менее интересен и другой случай возникновения фронта в процессе колонизации, пусть и не такой «классический», как американский, — это сибирский фронт, уже ставший актуальной и интересной темой для изучения в российской историографии и исторической, культурологической, социальной, географической и других науках. Здесь сложился менее «агрессивный», нежели на Западе, фронт; сформировался вольный, но не демократический образ жизни у сибиряков» [Панарина, 2013, с. 39].

Образ «сибирского приграничья», или, как принято его называть сегодня в исследованиях по лингвокультурологии, «сибирского фронта» связан в локальном медиатексте начала XX столетия с трансформацией смыслов «колониального дискурса» в ситуации освоения Сибири и Алтая [Карпухина, 2020, с. 9]. Политически корректным и идеологически правильным ценностным ориентиром локального медиатекста оказывается выстраивание «внешнего» и «внутреннего» фронтов, границ между *иностранцами* и носителями русской культуры, с одной стороны, и между сибиряками-старо-

жилами и *российскими*, то есть переселенцами из европейской части России, с другой стороны. В этом смысле вхождение Г.Д. Гребенщикова в локальный медиадискурс с повестью «Пришельцы» (*Повесть из истории великого переселения*) [Жизнь Алтая, 1912, № 57, с. 3–5] представляется знаковым.

«Внешний» и «внутренний» фронтиры формируют определенные типы национально-культурной идентичности. Национально-культурная идентичность личности, безусловно, складывается в ситуациях осмысления универсалий «свое» — «чужое» (ср. [Лотман, 2000, с. 257]). В подобной ситуации достаточный интерес представляет автомифологема Г. Гребенщикова о собственном происхождении, воспроизведенная М. Горьким («сын алтайского калмыка и донской казачки») и часто упоминаемая при попытках вписать биографию Гребенщикова как «забытого сибирского классика» в новый литературный канон [Примочкина, 2001] (ср. критическое осмысление данных попыток в работе: [Горбенко, 2020]).

Поликультурная идентичность обитателей локуса «сибирского фронта» осознается авторами публицистических текстов газеты «Жизнь Алтая» начала XX в. как необходимость постоянного обращения к «инородческому вопросу», анализа современного состояния жизни и быта нерусскоязычного населения Сибири и Алтая. Например, в статье на неизменно актуальную тему «Грехи наших депутатов» автор, скрывающийся за инициалами А. Б., отмечает *слишком уж осторожное сглаживание острых углов инородческого вопроса* и необходимость *нарисовать широкую картину положения в Сибири инородцев, идущих по наклонной плоскости вымирания* [Жизнь Алтая, 1912, № 63, с. 5]. А в одном из мартовских номеров газеты приводится перепечатка статьи «Возвращение к кочевому образу жизни», где анализируются причины того, почему *крестьяне, по примеру остяков, начали кочевать и отправились на север в тайгу... Вогулы опять превратились в кочевников* [Жизнь Алтая, 1912, № 58, с. 3]. Аксиологическим ориентиром в данном случае служит оседлый образ жизни и цивилизация, от которой добровольно отказываются русские крестьяне, перенимающие образ жизни нерусскоязычного населения. Лексемы *кочевать*, *кочевники* используются в контексте определения поликультурной идентичности жителей локуса «сибирского фронта» как негативно окрашенные.

Однако в процессе осмысления национально-культурной идентичности Г.Д. Гребенщикова алтайский писатель А. Родионов видит

положительные коннотации его природы «вечного кочевника»: *Он и в Америке оставался верен своему замыслу — строить! Об этом очень ясно сказано у него в эссе «Основание скита». В чужой стране писатель выкупил лоскут земли и построил свою давно задуманную деревеньку Чураевку. Чураевка — это Алтай в Америке. Созидая ее, Георгий Дмитриевич соизмеряет два мира, воочию вводя их в соприкосновение. И родина в этом соседстве милее всех америк. Незадолго до кончины Гребенщиков запишет в дневнике: «Все равно **укочую на Алтай**». Он всю жизнь **Великий Кочевник**. В нем природа азиатская* [Родионов, 2009].

Художественный нарратив повести «Пришельцы», литературного дебюта Г.Д. Гребенщикова на страницах газеты «Жизнь Алтая» (текст впервые публикуется не под псевдонимом, а с подписью *Георгий Гребенщиков*) [Гребенщиков, 1912, с. 3–5], отражает локус «внутреннего сибирского фронта», где противостоят друг другу старожилы-сибиряки и переселенцы из европейской части России. Коллективная национально-культурная идентичность этих двух страт определяется с помощью противопоставления двух типов образа жизни и хозяйственного уклада — «сибиряков» и «расейских». Представляет интерес тот факт, что повесть «Пришельцы» прагматически точно вписывается в публицистический дискурс «Жизни Алтая» за 1911–12 гг. за счет использования речевых формул и клише, обозначающих противостоящих друг другу обитателей локуса фронта. В газете «Жизнь Алтая» переселенцы из европейской части России именуются *пришельцами* и удостоиваются нелестных метафорических описаний своего передвижения в сторону колонизируемого локуса: *вливается народная масса, словно через рог изобилия, из Европейской России в Сибирь; старожилы теснятся **пришельцами*** [Жизнь Алтая, 1911, № 2, с. 2]. Название повести Гребенщикова и ее подзаголовок *Повесть из истории великого переселения* говорят сами за себя; в самой повести переселенцы именуются *новые пришельцы из тяжелого далека*, а исконные обитатели заселяемых ими областей — *старожилы-сибиряки*, которые как-то потонули среди новых и чужих им людей; *сибиряки же безучастно поглядывают и по-прежнему не замечают, что меняется все с невероятной быстротой* [Гребенщиков, 1912, с. 5]. Публицистическая метафора (переселенцы движутся мощным потоком, *вливается народная масса*) оказывается развернутой в художественном нарративе повести Гребенщикова: ... *А новые волны далеких пришельцев, одна другую*

нагоняя, все еще двигаются по обширному простору Сибири, и их немолчный гомон уже перешел в оглушительный гул из стонов, отчаяния, ропота, нищеты, болезни и смерти. **Уж море выходит из берегов и многие волны перекатываются через край, не находя себе места** [Гребенщиков, 1912, с. 5].

Подобная метафора формирует образ границы, которую пересекают *пришельцы*: за этим фронтиром находится чужое пространство: **крайне оскорбительное и холодное, откуда-то случайно услышанное слово: Сибирь; ... Прикрывши ребятишек и старые сундуки холщовым рядном, иззябший Иван уныло стоял на берегу и смотрел на проходящую мимо грязную дорогу. Жутко** ему было в этой **чужой, пустынной стороне** [Гребенщиков, 1912, с. 3–4]. Аксиологическим ориентиром для нарратора повести является устойчивый жизненный уклад, трудолюбие и опрятность сибиряков: симпатии повествователя — отнюдь не на стороне переселенцев. В соответствии с канонем «колониального дискурса», *пришельцы* — иные: *Иван и его товарищи работали не спеша... и все как-то не так, как сибиряки* [Гребенщиков, 1912, с. 4]. Они изначально, тоже в соответствии с канонем, не вызывают симпатии: у Ивана — *густая ленивая речь*, его жена — *здоровая, неопрятная и неповоротливая Марья*, ленивы их дети, *печать этой лености и неопрятности лежала на всей Ивановой семье* [Гребенщиков, 1912, с. 3]. Получив даром избу от одного из местных жителей, Зотей, переселенцы ленятся в ней убирать, отправляют детей не в поле, а собирать милостыню по деревне. — *Подь они к черту, срамцы, — отвечают сосед, — посмотри, как они живут, ровно сви- ны... Вонь в избах, не приведи Господь! — Вонь не вонь! — говорит кто-либо, — а новых-то принимать не надо, а то гляди, они всю «расею» выпишут к нам...* [Гребенщиков, 1912, с. 4]. Симпатия повествователя — явно на стороне старожилов, таких же *бойких и простодушных*, как главный герой, сибиряк Зотей. Выстраиваемая граница между двумя разными локусами показана, однако, глазами Ивана: *Иван не верил, что все это правда и что в Сибири могут быть такие добрые люди* [Гребенщиков, 1912, с. 3].

Но, несмотря на доброту, отзывчивость, трудолюбие и умение вести хозяйство, *сибиряки-старожилы* заведомо проигрывают битву за землю *пришельцам*: постепенно экстенсивное земледелие «расейских», распахивающих целинные земли, заставляет сибиряков беднеть и обращаться за помощью к новоприбывшим. Те же с каждым годом богатеют и любым способом (вплоть до поджогов) захваты-

вают главное, ради чего приехали в Сибирь, — землю: *А новоселы, ухмыляясь в бороду, ехали в поле облюбовывать самолучшие места* [Гребенщиков, 1912, с. 5]. Аккультурация новоселов интерпретируется в художественно-публицистическом нарративе Гребенщикова как колонизация Сибири, вытеснение коренного населения из привычного локуса достаточно жесткими способами. Согласно канонам «колониального дискурса», устойчивые аксиологические ориентиры старожилов, по мысли Гребенщикова, не могут им помочь в ситуации колонизации их земель. Развернутая метафора приходящих в сибирское пространство «волн пришельцев» *из тяжелого далека* [Гребенщиков, 1912, с. 5] показывает существенную метаморфозу локуса «внутреннего фронта» Сибири.

Литература

1. Ващенко А. В. Фронтир // История литературы США. Т. 2. Литература эпохи романтизма. М., 1999. URL: <http://american-lit.niv.ru/american-lit/istoriya-literatury-ssha-2/vaschenko-frontir.htm> (дата обращения 05.05.2021).
2. Горбенко А. Ю. «Самый неизвестный классик»: механизмы несостоявшейся литературной канонизации Георгия Гребенщикова в 1990–2010-е годы // Новое литературное обозрение. — 2020. — № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2020/4/samyj-neizvestnyj-klassik-mehanizmy-nesostoyavshejsya-literaturnoj-kanonizaczii-georgiya-grebenshhikova-v-1990-2010-e-gody.html> (дата обращения 05.05.2021).
3. Гребенщиков Г. Пришельцы (Повесть из истории великого переселения) // Жизнь Алтая: ежедневная газета. — Барнаул, 1912. — № 57. — С. 3–5. URL: <http://elib.altlib.ru/arkhiv-gazet/19-zhizn-altaya/60-gazeta-zhizn-altaya-1912> (дата обращения 05.05.2021).
4. Жизнь Алтая: ежедневная газета. — Барнаул, 1911. URL: <http://akunb.altlib.ru/kollekczii-elektronnoj-bibilotekt/zhizn-altaya/gazeta-zhizn-altaya-1911-g/> (дата обращения 05.05.2021).
5. Жизнь Алтая: ежедневная газета. — Барнаул, 1912. URL: <http://elib.altlib.ru/arkhiv-gazet/19-zhizn-altaya/60-gazeta-zhizn-altaya-1912> (дата обращения 05.05.2021).
6. Карпухина В. Н. Образ «сибирского фронта» в публицистике Алтая начала XX века // Сибирский филологический журнал. — 2020. — № 2. — С. 9–17.
7. Лотман Ю. М. Семиосфера. — СПб.: Искусство-СПБ, 2000.

8. Панарина Д. С. Мифы и образы сибирского фронта // Культурная и гуманитарная география. — 2013. — Т. 2. — № 1. — С. 39–52.
9. Примочкина Н. «Первым своим учителем считаю М. Горького». М. Горький и Георгий Гребенщиков: к истории литературных отношений // Новое литературное обозрение. — 2001. — № 48. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/48/prim-pr.html>
10. Резун Д. Я. Сибирский и американский город на фронтире // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Т. 4. — Новосибирск, 2001. — С. 24–28.
11. Родионов А. Георгий Гребенщиков: «Все равно укучую на Алтай» // Сибирские огни. — 2009. — № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/sib/2009/3/r013.html> (дата обращения: 05.05.2021).
12. Тернер Ф. Дж. Фронтир в американской истории / пер. с англ. А. И. Петренко. — М., 2009.
13. Щербинин А. И., Щербинина Н. Г. Воля и доля: сибирский фронтир как поиски рая // Вестник Томского государственного университета. — 2016. — № 408. — С. 178–187.

С. М. Козлова

Алтайский государственный университет, Барнаул

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ РОМАН: К ПРОБЛЕМЕ ЖАНРА. НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ С. К. ДАНИЛОВА И В. Н. ТОКМАКОВА

Аннотация: В статье представлен опыт определения жанровой специфики художественных произведений, созданных на основе краеведческих знаний об истории, географии, культуре данного региона. Рассматриваются романы областных писателей С. Данилова «Барнаул 517» и В. Токмакова «Сбор трюфелей накануне конца света».

Ключевые слова: краеведение, Барнаул, гибридный жанр, вымысел, реальность, символы, бренды.

S. M. Kozlova

Altai State University, Barnaul

LOCAL HISTORY NOVEL: TO THE PROBLEM OF THE GENRE. BY THE MATERIAL OF THE PROSE OF S. K. DANILOV AND V. N. TOKMAKOV

Summary: The article presents the experience of determining the genre specificity of works of art created on the basis of local lore knowledge about the history, geography, and culture of this region. There are considered the novels of regional writers, S. Danilov's "Barnaul 517" and V. Tokmakov's "Collecting truffles on the eve of the end of the world".

Key words: local history, Barnaul, hybrid genre, fiction, reality, symbols, brands.

Под краеведением понимают комплексное изучение определённой территории и накопление знаний о ней. Междисциплинарный характер краеведческого знания тесно связан с соединением в нём научного и ненаучного подходов. Как отмечал Д. С. Лихачев, «чрезвычайно важная и исключительно редкая особенность краеведения, в том, что у него нет «двух уровней»: для специалистов и для широкой публики. Оно само по себе популярно и существует постольку, поскольку в его создании и потреблении участвуют массы» [Лихачев, 1990, с.8].

По мнению автора проекта «Гуманитарная география» Дм. Замятина, «на границах между научными дисциплинами и художественными практиками формируются гибридные художественно-исследовательские направления, такие, как, например, метагеография или метакраеведение» [Замятин, 2011, с. 5].

В рамках первого направления успешно развивается такой филологический подход как геопэтика. В плане второго направления можно предложить жанровое определение **краеведческая проза**, включающая разновидности краеведческого очерка, рассказа, повести, романа.

Задача нашей работы представить структуру нарратива, мотивов, образов, эстетических модусов, определяющих жанровую специфику большого пласта региональной художественной литературы.

В качестве материала на данном этапе мы рассматриваем роман С. К. Данилова «Барнаул — 517» (2021) и роман В. Н. Токмакова: «Сбор трюфелей накануне Конца света» (2014).

Главным событием романа Данилова стал пожар 2 мая 1917 года, уничтоживший центральную и лучшую часть Барнаула. При этом автор не просто создал художественную реконструкцию реальной ситуации, а, в соответствии с краеведческой методологией, то есть на основании изучения архивных материалов и опроса свидетелей предложил новую версию исторического события не как стихийного бедствия, а как планомерно организованной диверсии революционных сил. В качестве альтернативы официальной истории этого события роман открывает перспективу дальнейших краеведческих изысканий.

Топография исторической части города представлена досконально в названиях улиц и переулков от левобережья Оби до Соборной площади (пл. Свободы) и Нагорного кладбища. В начале романа это улицы в районе Нового рынка, на которых мы знакомимся с героями. В средней части романа, в сцене обсуждения заговорщиками плана сожжения города топонимика развернута особенно полно на карте, составленной когда-то инженером-устроителем и бывшим головой Барнаула Адольфом Лесневским. Наконец в финале автор предлагает читателю вместе с героями наблюдать с высоты Нагорного кладбища страшную картину пожара, называя одну за другой улицы, пожираемые огнем.

В той же восходящей градации полно и точно описана вся городская инфраструктура, какой она была накануне катастрофы и что от неё осталось.

Много места в романе Данилова отведено отдельным, наиболее замечательным зданиям, а также начавшемуся в городе благоустройству улиц. Подробно описываются домоустройство и домашний быт разных городских сословий. При этом речь повествователя интонирует от восторженно-патриотического — один только двор дома-усадыбы купца Федулова «напоминает размерами и мощением центральную площадь среднего европейского городка, — Не двор — римская площадь. Размах наш, сибирский!» [Данилов, 2021] — до трогательно-сочувственного в отношении к мещанскому домострою.

Таким образом, художественная реконструкция исторического Барнаула несет прежде всего познавательную, то есть собственно

краеведческую функцию. В то же время столь подробная (есть что показать!) и эмоционально модулированная презентация в сущности небольшого провинциального города призвана представить пожар как цивилизационную катастрофу общероссийского масштаба: «общения о ней попали не только в заголовки центральных российских газет, но и на страницы европейской прессы» [там же].

В романной географии Барнаула три знаковых места. Главные события происходят в районе Московского тракта (пр. Ленина). В начале его от Оби дом-усадебка купца Полякова выступает как символ процветающей экономики города, а также новых принципов производственных отношений на основе социальной гармонии между хозяевами и рабочими. В конце тогдашнего Московского тракта — дом-усадебка купца Петра Федулова — символ будущего передового градостроительства. Знаковым местом развития побочной линии сюжета служат знаменитые Прудские переулки (в районе ул. Ядринцева), густо заселенные крестьянско-мещанской беднотой, олицетворяющей стойкость, трудолюбие, сплоченность русского народа в смутное время 1917-го года. Центральным же местом развернутой в романе «пожарной» интриги является Дунькина роща (на месте нынешнего Политехнического университета) и располагавшийся в ней «дом терпимости — «настоящий венский бордель во глубине сибирской Азии!» Именно он становится штабом большевистского «пожарного» заговора. Аморальные принципы этого места символизируют материальное содержание, методы и дух революции.

Гибридную художественно-краеведческую специфику произведения определяет преобладание реальных исторических лиц над персонажами вымышленными, занятыми на второстепенных ролях. Главные же, в основном, разговорные роли, играют реальные лица наиболее известные в истории Барнаула представители различных городских сословий и политических партий. Далее мы будем называть реальных персон истории Барнаула.

Геополитическая доминанта романа определяет иерархию и расстановку персонажей. В отношении к событиям 1917-го года автор выступает патриотом Барнаула русского, купеческого, крестьянско-мещанского, развивающегося в ходе естественной эволюции, цивилизованно, в направлении к западному прогрессу, оставаясь при этом верным традиционной русской духовной культуре. В соответствии с этой позицией верхнюю ступень занимают известные богатейшие на то время купцы города, составляя партию, противо-

стоящую большевикам. Самой значительной, почти легендарной фигурой в этой персонажной группе является Вершинин, образ которого вписывает провинциальный топос в общероссийское пространство, прямо связывая Барнаул с Петербургом. По принципу «кто владеет информацией, тот владеет властью» — Вершинин издавал газеты, владел типографией, «какой и в Питере не сыщешь», стал комиссаром Временного Комитета Госдумы и Временного правительства. А легендарный мотив этой фигуры состоит в том, что он — «внук простого русского крестьянина царскую семью конвоировал, с комиссарскими полномочиями при побеге расстрелять.<...> Сограждане! Наш город наконец-то дал России истинного государственного мужа высшего ранга!» [там же, с. 69, 229]

Чиновничье сословие города возглавляет в романе Порфирий Казанский — поэт, публицист, приглашенный в редколлегия газеты «Жизнь Алтая» Г. Гребенщиковым, упомянутым добрым словом в романе. В своей миссии главы Комитета общественного порядка он и должен был, осведомленный о грозящей опасности городу, принять срочные и жесткие противопожарные меры. Но представленный совершенно заурядным, нерешительным человеком в положении компромисса между либералами и большевиками, он стал, по версии автора, виновником катастрофы.

В изображении представителей противоположного лагеря, Данилов деликатно обходит реальных вождей революционного движения на Алтае, память о которых запечатлена в многочисленных топонимах края. Упомянуты Присягин как давний сотрудник Ленина, Мамонтов, Окорочков, Милюков, Сулим. Упомянут и «старый большевик» Осип Юдалевич. А центральной фигурой барнаульской РСДРП в романе является Дунька с Волчьей Гривы. В развертывающейся по ходу романа серии превращений барнаульская проститутка оказывается связанной с событиями и лицами не только местного, но и всероссийского, государственного масштаба. «Революционерка-большевичка Дунька числилась в агентурных донесениях преступницей широчайшего профиля как Инесса Клаузевиц, она же Капризуля, она же дочь малороссийского купца Роза Кауфман, агент ленинской «Искры», она же ныне комиссар германско-австрийского диверсионного подполья в Барнауле и одновременно начальник отдела культурно-просветительской работы в городском Совете солдатских и рабочих депутатов» [там же, с. 265], наконец, она же венчанная жена купца Федулова, «пристроенная» к его миллионам со-

ратником Ленина Красиным в бытность купца петербургским студентом. Все пороки, сосредоточенные в характере и судьбе героини и пущенные в ход во имя благородного дела, спроецированы автором на вождей революционного движения в России. Таким способом создается собирательный образ большевиков вообще и барнаульских, в частности.

Нижнюю ступень иерархии персонажей в романе занимают немцы. Независимо от ранга все они обрисованы в модусе фарса, балагана, анекдота, как, например, офицер российского Морского генерального штаба Базиль Альтфатер, служивший царю, Керенскому, вражеской Германии, а после революции большевикам адмиралом морского флота России, представлен в образе балаганного шута и в портрете, и в действии. Сторож Нагорного кладбища простреливает ему мошонку во время его полета над горой. Много места в действии романа занимают военнопленные немцы, размещенные близ Дунькиной рощи: ведут себя в городе нагло, дуют пиво и грозят реваншем. Завербованные в партию большевиков, именно они поджигают город. Не пощадил Данилов и уважаемого барнаульца, попечителя народного образования немца Штильке, представленного в романе хитрым плутом Штилькой и тайным масоном.

В целом же, главные герои, данные в развернутой характеристиках, воскрешают, одушевляют историю Барнаула, что собственно и должно быть смыслом художественного краеведения.

В плане беллетризации исторического материала существенны следующие мотивы. *Детективный* придает сюжету динамику и остроту в связи с авторской версией тайного заговора в истории пожара. Центральный *пожарный* мотив традиционно разворачивается в метафорическом значении революционного акта: пожар революции. А поскольку, по идее автора, пожар задуман и осуществлен как провокация большевиков для захвата и утверждения власти Советов, то Барнаул за полгода до штурма Зимнего дворца стал первым советским городом в России.

Не случайно С. Данилов прибегает *масонский* мотив к финалу, где наряду с разоблачением Вершинина как члена тайной ложи Великого Востока народов России он приводит длинный список государственных и партийных мужей, состоящих в этой масонской ложе, таких как Керенский, Чхеидзе, Богданов, Гальперин. В таком освещении речь идет уже о мировом заговоре и о раздуваемом в Барнауле мировом пожаре. Естественным развитием этой символики является

ся *апокалиптический* мотив, в семантике которого описывается картина городского пожара. Наконец, *карнавальная* стихия бесконечных превращений, переодеваний, переименований, как нельзя точно передаёт дух времени, что в художественной истории важнее исторической правды.

Постмодерный роман В. Токмакова сосредоточен на геомифологии Барнаула. Краеведческий код романа четко обозначен в авторском его определении как «романа-хроники», в топографии сюжета, сосредоточенного в историческом центре Барнаула, хотя время действия 21 век, — в системе персонажей и в организации повествования, которое, как и в романе Данилова, строится по кумулятивному принципу серии устных рассказов, а в качестве рассказчиков выступают местные краеведы: ученый историк, собственно краевед, сотрудник музея, антиквар, хозяин лавки «Пыль веков», журналист, «занятый белыми пятнами Барнаула», а также представители местной культуры, составившие «кухонный политкружок» и, как в «Декамероне», пирующие во время чумы серийных убийств в городе. Среди персонажей названы исторические лица, связанные с достопримечательностями Барнаула: Сталин и Ленин, поэт Шершеневич, Достоевский, Николай Ядринцев. Действующие же герои, наверняка имея реальных прототипов среди современников, даны под вымышленными именами.

Как и в романе Данилова, детективно-масонская интрига связывает в романное целое собрание местных былей, легенд, мифов, воссоздающих мистический образ Барнаула в той же модальности карнавала и фарса, но в более детальной и экстравагантной разработке.

Лейтмотивами авторской неомифологии Барнаула являются адский и апокалиптический.

Как отмечает Д. Замятин, локальный текст являет собой «фрагментарное единство отношений между фундаментальными, базовыми, <...> мифами, образами и архетипами «примордиального» сознания <...> и локальными, очень местными и сиюминутными метафорами и метонимиями повседневного, шумного и обычного бытия и быта» [Замятин, 2013, с. 156].

Так, архетипический базовый *адский* лейтмотив сюжетной динамики романа Токмакова возникает из расхожих метафор по поводу сухого жаркого лета степного Алтая — «адская жара», «пекло» — и, прошивая рефреном текст, разрастается в символические перифразы Барнаула: место, «куда ссылают провинившиеся души», «спуск в пре-

исподнюю», «дырка в заднице дьявола» и пр., из которых оформляется краеведческий миф: «Там, где упал Люцифер, образовалась котловина. Барнаул расположен в котловине. Миллионы лет назад земная кора здесь действительно подверглась страшному удару. Экстрасенсы называют такие скрытые расселины «колодцами времени» [Токмаков, 2014, с. 55].

В подтверждение этой версии автор ссылается на древний глобус немецкого картографа Мартина Бехайма, на котором Сибирь начинается со страны Тартарии (от слова Тартар), где «вечная тьма и адские вихри». Универсальный архетип подкрепляется локальными легендами о древних катакомбах под городом, о существовании «параллельного Барнаула», вход в который находится в подвале Горной аптеки — знакового места геопоэтики романа, где совершается последний акт фантазмагорического трагифарса — Апокалипсиса.

Апокалипсический мотив также развивается на основе как примордиальных мифов, так и реальных местных фактов и событий. Термин «примордиальный» из эсхатологического учения **Генона**, упоминаемого в романе В. Токмакова. Это учение о сверхчувственном знании, данном свыше народам примордиальной зоны, северная дуга которой пролегает частично по Алтаю, с чем якобы связаны аномалии этой территории: один из героев-краеведов романа утверждает, что «Барнаул сплошная аномальная зона» [там же, с. 99].

Но еще ранее, следуя Генону, В. Сорокин выбрал Горный Алтай для своего романа «Теллурия» (2013) как одно из четырех мест на планете, где есть месторождение редкоземельного металла теллура. В геомифопоэтике Сорокина теллуровый гвоздь, квалифицированно вбитый в мозг человека дает ему абсолютное сверхчувственное знание мира и ощущение вечного счастья. Открытие же и внедрение дьявольского средства — прямой путь к концу света. Движение человечества по этому пути составляет содержание романа «Теллурия».

В романе «Сбор трюфелей...» конец света наступает пока только в городе Барнауле, но есть намек, что и «Москва уже не этот, а тот свет». Развитие апокалипсического мотива начинается с утверждения, что «город находится в страшном силовом поле, в лучах смерти» — это «единственный город на семи кладбищах» [там же, с. 165]. Наряду с универсальными символами, вроде «архангела с огненным мечом», в романе называются реальные пугающие метео- и эко-явления, выступая знаменами конца: гроза с крупным градом, нашествие слизней, змей, нападение на город ворон, зловоние из канали-

зационных колодцев и пр. Венчает этот ряд, как и в романе Данилова, действительное стихийное бедствие — Чуйское землетрясение 2003 года, основательно потрясшее Барнаул. Причем, у Токмакова оно тоже обыграно в геополитическом аспекте авторского мифа: в подвале Горной аптеки обнаружен ящик с мумией Ленина, якобы эвакуированной в годы Великой Отечественной войны. Вследствие сейсмического толчка «труп вождя <...> медленно поднялся и сел в своём ящике. Владимир Ильич громко чихнул и резко открыл глаза <...> Это был взгляд дьявола» [там же, с. 270]. Взгляд Ленина находит искомую по ходу детективного сюжета тетрадь с масонским заклинанием воскрешения мертвых. А наверху в городе обезумевшая толпа уже рвется по головам к «обещанному им царству свободы и вечного счастья». Главный герой — барнаульско-московский журналист и следователь по делам тайных убийств, не желая принимать счастье по Ленину на новом витке истории, предпочитает броситься в бездну «колодца времени».

Так, в финале все три лейтмотива романа-мифа — масонский, адский, апокалипсический — соединяются, дешифруя политический код карнавальная фантазмагории, апеллирующей к современной путинской ситуации.

Конечный смысл краеведения — приумножение имиджевого и символического статуса региона — вполне реализован в том и другом романах. С. К. Данилов, ностальгирующий по несбывшемуся прошлому города, и В. Н. Токмаков, не сказавший о нем ни одного доброго слова, тем не менее, представили Барнаул как некий энергетический локус, политический и сакральный центр мира.

Возвращаясь к проблеме жанра, мы наблюдаем очевидное типологическое сходство краеведческой стратегии авторов разных произведений, осуществляемой на всех структурных уровнях текста, что позволяет классифицировать их как краеведческую прозу.

Литература

Данилов С. К. Барнаул — 517 / С. К. Данилов. Издательские решения. По лицензии Ridero. 2021. — 382 с.

Замятин Д. Н. Гений и место: ускользающая со-в-местность // Общественные науки и современность. — 2013. — № 5. — С. 154–165.

Замятин Дмитрий. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук / Электронный ресурс: sociologica.hse.ru/data/2011/03/05/1211605803/9_3....

Лихачёв Д. С. Любить родной край // Отечество: Краеведческий альманах. — М., 1990. — Вып. 1. — С. 8.

Сорокин В. Теллурия / Владимир Сорокин АСТ. CORPUS; Москва; 2013. Электронный ресурс: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6191559. Теллурия: ISBN 978-5-17-080466-5

Токмаков В. Н. Сбор трюфелей накануне Конца света. Роман-хроника / В. Н. Токмаков. — Барнаул, 2014. — 328 с., илл.

Н. Ю. Колокольцева

Алтайский государственный университет, Барнаул

АЛТАЙ В ИСТОЧНИКАХ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВВ.

Аннотация: История Алтая, при всей специфике, отображает этапы становления и развития российского общества. На примере эволюции образа Алтая второй половины XIX — начала XX вв. можно проследить влияние общественно-политических, экономических изменений на социальное развитие и формирование нового образа региона.

Ключевые слова: Алтай, история, источники личного происхождения, купечество, исторический образ.

N.Yu. Kolokoltseva

Altai State University, Barnaul

ALTAI IN THE SOURCES OF PERSONAL ORIGIN OF THE 2nd HALF OF THE 19-EARLY 20 CENTURIES

Summary: The history of Altai, despite all the specifics, reflects the stages of formation and development of Russian society. By the example of the evolution of the image of Altai in the 2nd half of the 19 — early 20 centuries, it is possible to trace the influence of socio-political and economic changes on the social development and formation of a new image of the region.

Key words: Altai, history, sources of personal origin, merchants, historical image.

Алтай стал частью истории России еще в XVIII в. Это уникальная территория со своим самобытным прошлым. Алтай вызывал неподдельный интерес у исследователей, творческих людей, рядового населения. Территория богата природными ресурсами, плодородными почвами, лесами, реками... Это дало основание для появления легенды о Беловодье, «райском месте» на земле. Именно здесь искали его старообрядцы, спасаясь от государственной власти, но, не покидая пределы России.

Территория Алтая в составе России, изначально именовалась Кольвано-Воскресенским округом, по названию первого завода, решившего судьбу округа. В 1834 г. он был переименован в Алтайский горный округ. Название говорит об отрасли, определившей образ округа на долгие десятилетия. Алтай изначально вызвал интерес как ресурсно-богатая территория. Акинфий Демидов, которому изначально принадлежали эти земли, сформировал образ округа, горного округа. Территорий с таким статусом в России было всего две: Алтайский и Нерченский округа. «Избранность» Алтая подчёркивалась его владельческой принадлежностью: коронные земли, т. е. принадлежали императорской фамилии и управлялись Кабинетом Его Императорского Величества.

В середине XIX в. произошли события общероссийского масштаба — отмена крепостного права, но для Алтая они повлекли за собой изменение профиля деятельности и владельческой принадлежности. С 1896 г. Алтайский округ перестали именовать горным округом. Реформа 1861 г., появление вольнонаемного труда, оставило в прошлом образ Алтая с горными офицерами, каторжными работниками, казенными крестьянами и т. д.

Алтай вынужден был принимать и осваивать новые функции. Реформы 1860–1870-х гг. делали ставку на развитие капиталистических отношений, принятие либеральных принципов в организации жизни...

Алтай во второй половине XIX — начале XX вв. территориально включал в себя следующие современные территории: Алтайский край, Республика Алтай, большая часть Новосибирской, Кемеровской областей, часть Томской области, Семипалатинская, Восточно-Казахстанская области Республики Казахстан. Как видим, широкий территориальный охват, связующее положение между Европой и Азией, севером и югом на ведущие позиции выводит развитие торговых отношений, одним из главных образов, вытесняя чиновника и горного офицера, становится купец.

Один из самых ярких образов Алтая данного периода был сформирован областниками. Так И. Завалишин [Завалишин, 1865, с. 241] говорил о неспособности бийских купцов вести самостоятельную торговлю, быть на равных с купцами других территорий (Ирбит, Нижний Новгород). «Расхватывают прокислую и вонючую дрянь в Ирбите... ни один голос не хочет возвыситься в пользу Сибири, этой драгоценнейшей колонии в мире».

С такой глубоко критичной позицией разнится образ созданный иностранными свидетелями. Так Кл. Оланьон [Оланьон, 1903, с. 248] высоко оценивал способности сибирского купца, способного практически самостоятельно, без должной поддержки государства вести международную торговлю, речь идет, в том числе и о бийских купцах, которые контролировали Чуйскую торговлю с Монголией, Китаем. Оланьон отмечал самостоятельность, смыслённость, энергичность, предприимчивость купцов, что в итоге давало средние доходы каждого из них выше, чем в Европейской России.

В фондах Алтайского государственного краеведческого музея хранятся воспоминания о семье купцов Федуловых.

Одним из основных элементов анализа источника является определение хронологического разрыва между временем написания воспоминаний и периода, о котором идёт речь. В материалах фонда представлена история жизни купеческой семьи конца XIX — начала XX вв. Столь значительный временной разрыв и тот факт, что на начало XX в. приходились детские годы авторов, вынуждает более критично рассматривать источник.

Мы сравнивали несколько редакций воспоминаний, которые представлены в рукописном и печатном вариантах. Между ними есть фактические расхождения, особенно в вопросах родословной семьи. Искажение фактов, представление родословной с более выгодных позиций для авторов может расцениваться как простое незнание истинного происхождения семейного капитала.

В рукописном варианте говорится, что род идёт от «золотозаводчика» Щёголева. Прадед нашёл крупную золотую жилу на Урале, затем женился на единственной дочери предводителя племени остяков, которые там жили, оформил на себя землю в качестве приданого. Племянница (в первоначальном варианте «единственная дочь») Щёголева вышла замуж за приказчика Иннокентия Федулова. Их сын, Иван Иннокентьевич Федулов, уже был купцом 1-й гильдии.

В печатном варианте, процесс объединения рода Федуловых и Щёголевых представлен иначе. Щёголев завещал всё имущество Иннокентию Федулову, который женился на вдове Щёголева. Семейная легенда представляла один из наиболее распространённых способов создания капитала: брак по расчету.

Однако по официальным документам выявляется совершенно другая картина. Прежде всего, переход имущества Щёголевых, в которое входило крупчатная мельница, золотые прииски, ренсковый погреб, лавка в Барнауле, дома связан с именем не Иннокентия, а Ивана Иннокентьевича Федулова, который был управляющим на мельнице. Вдова Щёголева, Пелагея Ивановна, умерла в 1871 г. в возрасте 65 лет, в то время как Ивану Иннокентьевичу было тогда только 36. Сведений о заключении этого неравного брака, который мог быть осуждён обществом, нет. Но имеется иск наследников Щёголевых, которые пытались опротестовать завещание, гласившее, что основным наследником имущества становился И. И. Федулов. Подделка завещания не была доказана.

Г.А. Лойчикова писала уже в преклонном возрасте, что могло повлечь за собой неточности. Кроме того, она указывала, что пишет «на основе воспоминаний бабушки Федуловой Фелицаты Павловны, матери Галины Ивановны Вольпе и тёти Екатерины Ивановны Иссерсон». [АГКМ. Л. 1.]

Воспоминания — это ностальгия о детстве, о благополучной жизни семьи, что нашло своё отражение в стиле. Они непоследовательны, автор описывает наиболее значимые сюжеты из жизни семьи, руководствуясь собственными оценками. Вниманию исследователей представлена купеческая семья далёкая от типажей созданных А.Н. Островским и областниками. Это дом где ценилось образование, много читали, постоянными гостями были представители барнаульской интеллигенции.

Авторы описали жизнь семьи не только в благополучный период, но и в сложное для страны время. Переломным стал 1917 г. Избежать судьбы большинства представителей «класса эксплуататоров и угнетателей» не удалось, но семья относительно спокойно пережила этот период. Имущество было конфисковано, семья выслана, но не арестована.

Фрагментарность воспоминаний не снижает их ценности для исследователя, тем более что они позволяют проследить судьбу семьи.

Интересные свидетельства содержат воспоминания потомков купцов. Это коллекция писем Кудрявцевой А. Вс., внучки купца А. И. Винокурова. Огромную роль в экономике, общественной жизни Алтайского округа играла семья купца 1-й гильдии Адриана Ильича Винокурова, история которой была реконструирована благодаря воспоминаниям в письмах внучки купца Агнессы Всеволодовны Кудрявцевой (Петкевич). Письма не имеют определённой тематической или хронологической последовательности, посвящены как семье А. И. Винокурова, так и его наследникам, близким родственникам и друзьям, присутствуют описания жизни Камня и региона в целом на рубеже XIX–XX вв. Переписка представлена в рукописном виде, письма датированы и имеют автографы, их общее число — 25. По стилю и манере написания эти письма отличаются от материалов фонда Федуловых полнотой информации, а также тем, что Агнесса Всеволодовна опиралась на собственные детские воспоминания, в то время как Г. А. Лойчикова на воспоминания других.

Письма отличаются эмоциональностью, стремлением как можно полнее и подробнее передать информацию о семье. Сведения совершенно разносторонние: от планировки дома А. И. Винокурова, взаимоотношений в семье, торговых дел до описания жизни потомков, в том числе, после 1917 г., судьба которых была различна. Это источник по изучению семейных отношений, деловых, быта ушцов.

Фонды Федуловых и Винокуровых объединяют условия их возникновения, а также тот факт, что представители данных семей являлись ведущими купцами Алтайского округа. Их дети получали университетское образование, политические взгляды изменялись от монархических до социал — демократических. [ККМ ОФ. 8901/1–24.]

Интересные свидетельства оставил купеческий приказчик П. Ф. Кочнев. Он писал об алтайских купцах: «Михаил Егорович Функ и брат его Дмитрий Егорович — это олицетворение честности, а Иван Николаевич Корнилов и его доверенный Страхов — люди хорошие, но как в жизни, так и в деле, не брезгующие средствами «коммерческих оборотов» [Кочнев, 2006. с. 274].

Более критический взгляд на купечество находим в записках и воспоминаниях Евгения Поликарповича Клевакина [ГААК Ф. 77. Оп 1]. Он происходил из семьи уральского мастерского, окончил Гороблагодатское окружное училище в Пермской губернии. В Сибири проживал в Томске, где был начальником тюремного замка, с 1884 г.

в Бийске занимал должность окружного исправника, в 1890 г. переведён в Барнаул в качестве директора тюремного отдела.

Материалы фонда Е. П. Клевакина хронологически охватывают 1842–1918 гг., делятся на воспоминания, записки, описания, дневники, письма, служебные воспоминания. На оценочные суждения автора повлияли его политические взгляды и жизненные позиции. Клевакин был монархистом и с 1907 г. возглавлял барнаульский отдел «Союза русского народа». Большую часть жизни он провёл в среде чиновников, которые стали для него образцом поведения в жизни и на службе. В Сибири существовало противостояние чиновничества и купечества. Идеализируя первых, Е. П. Клевакин с недоверием и подозрительностью отзывался о купечестве, несмотря на то, что сам некоторое время состоял на службе у купца, жил в городах, где оно играло ведущую роль.

Е. П. Клевакин описывал последствия ссоры двух крупных бийских купцов: «Поссорились купцы 1-й гильдии Василий и Мефодий Гилёвы. Первый отобрал от всех амбаров и кладовых ключи, не давал Мефодию даже овса для прокорма лошадей. Капитал общий, не разделённый. Василий заведовал торговлей в Бийске, Мефодий торговлей в Монголии. Мефодий женат, несколько дочерей, Василий холост, живут в отцовских домах на одном дворе. Мефодий берёт деньги по надобности из магазина от приказчика. В случае отсутствия, обращается к брату, тот приказывает мальчику, прислуживающему в компании... достать денег из ящика и отдать их брату. Ссора в воскресенье перешла в драку. Василий с приказчиком напал на своего меньшего брата, а этот чрезвычайно сильный мужчина и комплекцией при том великан и богатырь, разбросал всех людей и поколотил брата... Тот час пошла потеха». [Будни и праздники горного округа, 1996, с. 37–38.]

Е. П. Клевакин писал, что на Пасху все коммерсанты, торговые люди г. Бийска делали учёт товаров. Купец вставал рано, пытаясь одновременно везде успеть, его участие во всех делах являлось чертой унаследованной из крестьянского мира. День заканчивался поздно: «С закатом солнца кончилась и всенощная, и стихло село, чтобы проснуться до зари в светлый праздник. Но далеко за полночь виднелся свет в одном из окон дома Прохора Игнатьевича, сводившего счёты дневной прибыли. По весёлому лицу его и по руке, бойко бегавшей по косточкам счёт, можно было догадаться, что день не обманул его ожиданий». Купца отличало недоверительное отношение к окру-

жающим, он по крестьянской привычке всё проверял, во всём участвовал сам. Купцы первого поколения с недоверием относились к интеллектуальному труду, к образованию. С приходом нового поколения ситуация изменялась, но ценность труда и упорство в нём были залогом успешной деятельности. Никто из современников не отрицал факта трудолюбия купца, но это вполне сочеталось с выборочным употреблением понятий «честность» и «обман».

Е. П. Клевакин описывал типичную картину времяпрепровождения купцов: «В большинстве случаев общественная жизнь сосредотачивалась в общественном собрании, где по воскресеньям бывали танцевальные вечера, а по вторникам и четвергам — семейные, или правильно сказать карточные. Затем празднуются очень быстро именины, на которых всегда бывает много публики, но и тут главным развлечением служат карточные игры, которые процветают во всех видах» [Старцев, 1994, с. 118].

Пьянство, дебоши, карты непременно ассоциировались у современников с купцами. Никто не пытался их ни оправдать, ни понять природу подобного поведения. Мы находим указание на то, что это было проявлением исторических традиций, повторение опыта предков: «Держась до сих пор обветшалых традиций своих предков в быту домашнем и общественном, в религии и политике, оно (купечество — Н. К.) пропитано староверием до мозга костей; рядом с ханжеством и наружным благочестием наша буржуазия обладает особой испорченностью нравов... Жизнь наших купеческих породов полна самых безобразных деяний и представляет во всей прелестной наготе наших кожемяк; здесь муж запирает свою жену на замок и отправляется кутить целую ночь с приятелями; здесь седой старик ведёт жизнь самого отчаянного развратника, тут забавляются откусыванием носов за плату у своих приказчиков или покупанием права дать зуботычину и заставить человека ползти за милостынею на четвереньках или везти себя на санях; словом, изволят тратить деньги на глумление над человеческой слабостью, на унижение человеческого достоинства и на приравнение к степени животного» [Ядринцев, 1919, с. 8.]

Интересно содержание письма из Барнаула Анне Михайловне Сибиряковой, дочери иркутского купца первой гильдии, потомственного почётного гражданина, крупного золотопромышленника Михаила Александровича, являлась известным на всю Сибирь меценатом, активно поддерживала развитие начального образования.

Просьба о помощи образовательным обществам поступала не от властей, чаще всего это были лица равнодушные к вопросам развития образования в Сибири. Подобного содержания было письмо из г. Барнаула:

«23. 05. 1897 г.
г. Барнаул

Многоуважаемая Анна Михайловна... Вы выделились из среды своим идейным отношением к явлениям общественной жизни, заявив себя человеком всегда готовым откликнуться на хорошие начинания, на всё то, что немного скрашивает нашу [серенькую] жизнь.

Наше трусливое провинциальное общество, от времени до времени выделяет из своей среды людей, в которых говорит громко другое чувство, людей, как В. К. Штильке, который отдаёт себя всецело служению идеи...

Местное общество замечательно инертно ко всему относится, иногда просто невыносимо становится жить...

Год тому назад, я приносил показать Вам проект здания для нужд Школьного общества. В этом здании будут помещаться Общественная и Народная школьная библиотека, читальни, предполагается музей, зал для спектаклей, концертный, народных чтений, общих собраний общества, одним словом, это будет почти необыкновенно для Барнаула...

На плечах общества лежит содержание двух больших, переполненных учащимися школ, средства нужны, а публика даром их не даёт.

Зная Ваше сочувствие к целям общества, решено на Совете обратиться к Вам с просьбой в этом полезном деле, тем более Общество наше, встав на ноги... сможет свою деятельность распространить и на другие места округа... Наше общество переживает тяжёлые минуты, поэтому я со своей стороны позволяю себе обратиться с горячей просьбой к Вам» [РГИА. Ф. 1102. Оп. 3. Д. 553. Л. 48–52 об.].

Письмо наглядно демонстрирует степень общественной активности барнаульского купечества, которое не смогло оказать достойной помощи.

В целом следует отметить, что каждая эпоха выделяет своих «героев», оценить объективно деятельность которых крайне сложно. Люди формируют образ региона, эпохи, стереотипы их восприятия потомками. Алтай второй половины XIX — начала XX вв. оказался на пути формирования нового образа. Это был уже не далекий, загадочный край, дающий короне серебро и медь. Это динамично раз-

вивающийся регион, который пытался оперативно определить свое место в новых условиях, используя метод проб и ошибок. Так купцы не оценили возможности железной дороги и позволили её провести не через Барнаул, а севернее, что в будущем дало импульс развития Новониколаевска (ныне Новосибирска). Алтайское купечество было достаточно прогрессивно, состоятельно, но ход исторического развития не позволил в целом реализовать потенциал.

Литература

1. Алтайский государственный краеведческий музей ОФ. 17816. НВФ. 6617/1 Фонд Федуловых.
2. Будни и праздники горного округа. Из фонда Е. П. Клевакина // Судьбы: Воспоминания, дневники, письма, стихи, путевые заметки, протоколы допросов. — Барнаул, 1996. — С. 30–50.
3. Государственный архив Алтайского края. Ф. 77. Клевакин Евгений Поликарпович, смотритель Томской тюрьмы (1842–1918). Член общества любителей исследований Алтая.
4. Завалишин И. Описание Западной Сибири. — М., 1865.
5. Каменский краеведческий музей ОФ. 8901/1–24. Коллекция писем Кудрявцевой А. Вс.
6. Кочнев П. Ф. Жизнь на Большой Реке: записки сибирского приказчика. — Новосибирск: ИД «Сова», 2006.
7. Оланьон Кл. Сибирь и её экономическая будущность. — СПб., 1903.
8. Российский государственный исторический архив. Ф. 1102. Коллекция документов разных лиц, изъятых из сейфов частных банков и кредитных учреждений, находившихся в Петрограде. Оп. 3. Д. 553.
9. Старцев А. В. Е. П. Клевакин. Очерки из бийской жизни // Культурное наследие Сибири. — Барнаул, 1994. — С. 114–127.
10. Ядринцев Н. М. Сборник избранных статей. — Красноярск, 1919.

О. Н. Краснова

Алтайский государственный университет, Барнаул

ПОДТЕКСТОВАЯ ИНФОРМАЦИЯ В РАССКАЗЕ ОЛЬГИ ИСУПОВОЙ «ЛАБИРИНТ»

Аннотация: в статье на стыке литературоведения и психологии исследуются маркеры художественно-психологической подтекстовой информации рассказа «Лабиринт» на текстовых уровнях: архитектоники, структурно-композиционном, семантическом, мотивном.

Ключевые слова: подтекст, архитектоника, маркеры подтекстовой информации, художественно-психологическое содержание, семантика, мотив.

O. N. Krasnova

Altai State University, Barnaul

SUBTEXT INFORMATION IN THE STORY “LABYRINTH” BY OLGA ISUPOVA

Summary: The article examines the markers of the artistic and psychological subtext information of the story “Labyrinth” at the textual levels: architectonics, structural and compositional, semantic, and motivic.

Key words: subtext, architectonics, markers of subtext information, artistic and psychological content, semantics, motif.

Рассказ Ольги Исуповой «Лабиринт» — пример психологической прозы с явственной символической составляющей. Так, образ Лабиринта представляет собой метафору человеческой души; герои (Он и Она) — ипостаси Анимуса и Анимы, мужской и женской сторон личности человека, следуя К. Г. Юнгу [Юнг, 2003]; поиски героями выхода из Лабиринта, составляющие главное фактуальное содержание рассказа, равнозначны поискам разгадки внутренних, сокровенных сторон личности, её глубин.

Художественно-психологическое содержание рассказа, его образов раскрывается за счёт имплицитных смыслов, проявляемых в подтекстовой информации. В рамках статьи будут освещены некоторые текстовые факторы формирования и проявления подтекстовой информации художественно-психологического круга (художественно-

психологические маркеры) в аспектах архитектоники; структурно-композиционном; семантическом; мотивном.

Рассмотрим некоторые особенности архитектоники рассказа, способствующие извлечению подтекста в плане динамики повествования. Во-первых, это «цепочкообразное» построение, где каждый найденный выход ведёт к новому входу. Так, герои ищут выход из парка, в котором они заблудились; найденный выход приводит ко входу в Лабиринт, откуда герои ищут разнообразные выходы. С началом пребывания героев внутри Лабиринта структура рассказа меняется, приобретая построение двойной цепочки: Он и Она ищут выход не только материально-организационный, но и психологический.

Таковы, например, поиски выхода в попытках логического анализа ситуации; в попытках психологического анализа; в отказе от поисков; отказе от возможного открывшегося выхода для героя после исчезновения героини и т.д. Такое усложнение способствует раскрытию подтекстовой информации, касающейся формирующихся ценностей героев и мотивов их поведения, выступая как «сложно построенный смысл» [Лотман, 1994, с. 88] — от следования обстоятельствам до их формирования. От конфронтации и психологической изоляции по отношению к Лабиринту до попыток понять его желания, что оборачивается реальным выходом-освобождением.

Вторым принципом архитектурного построения, раскрывающимся по мере текстового развёртывания и отражающим восприятие героями Лабиринта, является принцип оксюморона. Так, например, первоначальные впечатления героев. «Посреди белой песчаной равнины — зеркальная громада, сливающаяся при ярком свете солнца с блеском моря». С одной стороны, Лабиринт ощущается как «невидимый», «исчезающий», «неуловимый» для внешнего наблюдения («пришелец из иных миров»). С другой стороны — как «недействующий», «спящий» («уснувший зверь»), то есть «неуловимый» для внутреннего наблюдения.

«Спящее» состояние подчёркивается изображением безлюдья в пространстве, где находится Лабиринт: на берегу моря и около самого аттракциона. «Ни билетёра, ни сопровождающего, ни посетителей. А ведь середина августовского дня — хорошее время для прогулок и бизнеса».

Названный эффект усиливается обозначением готовности к приёму посетителей, подчёркнутой атрибутами «вещественности».

«Что это действительно лабиринт, кратко сообщала табличка, повешенная у входа — новенькая, латунная».

Итак, Он и Она наблюдают ненаблюдаемое, а затем проникают внутрь недоступного для внутреннего наблюдения.

В такой насыщенной контрастными сочетаниями текстовой позиции впервые появляется ключевое слово «вход», имеющее сюжетообразующее значение: появление героев «пробуждает» Лабиринт.¹

Нужно также отметить, что слово «вход» употребляется в тексте только в значении «место для прохода куда-нибудь» [Словарь русского языка, 1985, с. 242], слово «выход» на протяжении всего рассказа осциллирует от прямого значения «место, через которое выходят» до переносного, психологического «способ разрешить какую-либо трудность, выйти из сложных обстоятельств и т.д.» [Словарь русского языка, 1985, с. 289], проявляя подтекстовую информацию о мотивах героев, завязывающих текстовые ситуации как проблемные в случаях, когда события происходят без направленного на них внимания и воли и разрешающих ситуации при напряжении внимания и воли.

Например, художественно-психологические побудительные мотивы входа героев в Лабиринт являются внешними (защита от дождя), находящимися в противоречии с мотивами внутренними (защитное нежелание, связанное с интуицией, предчувствиями).

«Нам не особенно хотелось посещать это изобретение Дедала,² и мы, наверное, прошли бы мимо, но внезапно засеявший мелкий дождь навёл на мысль провести полчаса³ в тепле».

Восприятие — осмысление Лабиринта героями, с одной стороны, как зверя («спящий зверь») и как сооружения — с другой («изобретение Дедала») высвобождает подтекстовую информацию о двой-

¹ Сопоставление частотности употребления слов «вход» и «выход», связанных отношениями взаимной дополнительности, показывает, что первое из них употребляется четыре раза, второе — пятнадцать раз. Такое соотношение обусловлено не только сюжетно-фабульными особенностями текста (совершенный почти случайно вход ведёт к длительным поискам выхода), но и с подтекстовой информацией, связанной со множеством попыток и художественно-психологических вариантов выхода.

² Упомянутое защитное нежелание входить в Лабиринт актуализирует подтекстовую информацию, связанную с многочисленными, чреватými печальми и проблемами приключениями названного мифологического строителя.

³ В лабиринте Дедала Минотавр жил долгие годы; по другому мифу, заточённый в лабиринте собственного изготовления Дедал провёл там также длительное время. [Лосев, 1957].

ственной природе Лабиринта, что раскрывается в ходе дальнейшего текстового развёртывания. При этом «сторона» Дедала — то, что связано с изобретательностью, предупредительностью, предостережением удобств; «сторона» зверя (проснувшегося Минотавра) — с издевательствами, мстостью.

На мотивном уровне подтекстовая информация проявляется через обозначение стадии нецеленаправленных действий героев («Мы долго ходили по нарядным аллеям парадного парка, а потом как-то незаметно оказались в его старой, полуразрушенной части») к целенаправленным, обнаруживая мотивы самопроверки, самоиспытания и игры.

Названные мотивы получают дальнейшее развитие в тексте. «Тебя все же останавливало отсутствие людей, а я весело вспомнил, что у лабиринта обязательно бывает выход, и человек всегда его находит, рано или поздно. Рано — удачливые и расчётливые, поздно — все остальные. Так что заодно можно проверить свои возможности». Высокая художественно-психологическая уверенность героя в себе составляет фон, на котором проявляются мотивы героини: ориентации на людей и единения с героем.

Мотив провокации героев Лабиринтом проявляется при их целенаправленных действиях. «Едва я тронул начищенную ручку, двери легко, будто приглашая, распахнулись». Внешние знаки гостеприимства («начищенная ручка», «будто приглашая») выполняют художественно-психологическую функцию расположения гостей к себе, привлечения их внимания; обильная атрибутика — пульсации внимания от его концентрации, «впитывания» до неизбежного утомления, рассеянности. В результате такой выстроенной двойственности Он и Она уже у входа оказываются временно разделёнными.

При этом внимание у героини оказывается поглощённым в большей степени («Пройдя вперед, ты задержалась у зеркала с хрустальными полочками и затейливыми бра по бокам»), у героя — в меньшей, и поэтому взглянуть в окошко у входа ему удаётся, но машинально, без осознания. «Ещё секунду назад был день, часа два, теперь же на потемневшем небе мерцала бледная звезда. Тогда я не осознал этой абсурдности, и, кажется, списал всё на погоду. А ведь рядом были и дверь, и окно! Но нас уже манила прозрачная глубь. И всё-таки, прежде чем вступить в первую комнату, я ещё раз, сам не зная для чего, взглянул в окно. Звезды уже не было. Абсолютно тёмное небо. Но и тогда я ничего не понял. Наверное, это звал Лабиринт».

Проявленная таким образом подтекстовая информация о склонности героини к идентификации с содержанием Лабиринта через самонаблюдение, что обнаруживает вглядывание в зеркало; у героя — склонности к рефлексии и анализу получает развитие в тексте, когда дальнейшее разделение героев будет происходить по намеченным в данной сцене художественно-психологическим моделям.

Итак, сделаем выводы. На уровне архитектоники рассказа маркерами художественно-психологической подтекстовой информации являются цепочечные и оксюморонные конструкции, организующие контекст и оформляющие художественно-психологические «разломы» и переходы состояний;

на структурно-композиционном уровне — культурологические ассоциации героев, связанные с их эмоциями и интуицией;

на семантическом уровне — осцилляция значений слова «выход», связанная с процессом постепенного раскрытия у героев художественно-психологических волевых свойств круга целеполагания;

на мотивном уровне — борьба мотивов героев.

Литература

Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. — М., 1957, с. 206–234.

Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. — М., 1994.

Словарь русского языка. В 4 т. — М.: АН СССР, 1985–1988.

Юнг К. Г. Отношения между «Я» и бессознательным. Очерки по аналитической психологии. — Минск, 2003. http://www.typeologic.ru/jung/i_and_unconscious/part_2_B.html

Д. В. Марьин

Алтайский государственный университет, Барнаул

ДАР ИСТИННЫЙ И ДАР ЛОЖНЫЙ В ТВОРЧЕСТВЕ В. М. ШУКШИНА

Аннотация: Статья посвящена исследованию мотивов и символов дарения и дара (подарка) в художественной прозе В. М. Шукшина и в его нехудожественных текстах — дарственных надписях. Дарение и дар (подарок) в творчестве Шукшина приобретают оригинальную символику, устойчиво повторяемую в целом ряде произведений. В результате анализа автор приходит к выводу, что в художественном мире В. М. Шукшина дар — это ложный, мнимый дар, заменитель настоящего подарка, который к тому же является атрибутом бесовской, нечистой силы.

Ключевые слова: русская литература XX в., жизнь и творчество В. М. Шукшина, художественная проза, нехудожественная проза, дарственные надписи.

D.V. Maryin

Altai State University, Barnaul

A TRUE GIFT AND A FALSE GIFT IN THE WORKS OF V. M. SHUKSHIN

Summary: The article considers the motifs and symbols of a gift by the material of short stories and non-fiction texts, inscriptions of the famous Russian writer V.M. Shukshin. The process of giving and the gift in the works of Shukshin are unique as the symbols, constantly repeated in a number of works. As a result of the analysis, the author of the article comes to the conclusion that in the art world of V.M. Shukshin a gift is a false, fictional gift, a substitute for a real gift, and it is also an attribute of demonic, evil spirits.

Key words: Russian literature of the 20th century, life and works of V.M. Shukshin, fiction, non-fiction, inscriptions.

Мотив дарения и символика дара, подарка в отечественной художественной литературе и фольклоре имеют богатую и давнюю историю. Формально-содержательные компоненты, связанные с дарением и подарком неоднократно встречаются как в текстах художественной прозы, так и нехудожественного насле-

дия (автографах — дарственных надписях) В. М. Шукшина. Однако среди 48 мотивов и символов, отмеченных в соответствующем разделе трехтомного энциклопедического словаря-справочника «Творчество В. М. Шукшина» не нашлось место мотивам и символам, имеющим отношение к дарению и дару [Творчество В. М. Шукшина, 2006, с. 61–141]. Между тем, дарение и дар, подарок в творчестве Шукшина приобретают оригинальную символику, устойчиво повторяемую в целом ряде произведений.

Современник В. М. Шукшина французский философ Ж. Деррида указывал, что подлинный дар должен быть воистину «даровым» и не ставить никаких условий, не налагать долговых обязательств. Подарки в обычном понимании, по словам Деррида, — «дурные», нездоровые [Цит по: Маккарти, 2013, с. 111–112]. Для Деррида такой дар — яд [Жак Деррида в Москве, 1993, с. 172]. Этот принцип, как ни странно, характерен и для литературы соцреализма. И. П. Смирнов отмечает: «Тоталитаризм — дарение без ответа, без взаимности адресата и адресанта. Тоталитарная литература прославляет тех, кто отдает, ничего не требуя взамен» [Смирнов, 1999, с. 66]. А. И. Куляпин и О. А. Скубач вполне убедительно доказали последовательность реализации этого принципа в советской литературе и культуре сталинской эпохи [Куляпин, Скубач, 2013, с. 208–216]. У Шукшина этика и эстетика дара находятся в русле традиции соцреализма. Согласно учению французского философа, «всегда существует возможность контаминации дара <...> двойником, фантомом или симулякром» [Жак Деррида в Москве, 1993, с. 173] — т. е. ложным даром.

Для уточнения особенностей реализации мотива дарения и символики дара в творчестве Шукшина, обратимся прежде всего к нехудожественным текстам писателя — автографам. Под автографом в данной статье понимается особый жанр словесного творчества: разного рода надписи «по случаю», дарственные и памятные надписи на книгах, фотографии и т. д. — т. е. тексты, непосредственно сопровождающие акт дарения и становящиеся частью самого дара, подарка.

Несколько дарственных надписей В. М. Шукшина, которые он оставил на книгах (своих и других авторов) и фотографиях, содержат мотив ложного дара. Если следовать концепции Деррида, то автограф как дарственная надпись — это заведомо ложный дар, т. к. он всегда обнаруживает себя как дар. Этот мотив часто усиливается

в тексте шукшинского автографа указанием на цель надписи или использованием императива: «Братке — Ване на память. И на пользу. Янв<арь> 1970 г. Москва. В. Шукшин»; «Брату Саше Буркину и жене его Наде — от автора. Брат, хочется, чтоб судьба твоя была немного полегче. Март, 1971 г. Москва. В. Шукшин. Прочитай рас-<ска>з «В профиль и анфас»», «Саше — на память (1954–1971 гг.). Москва. В. Шукшин» и т. п. [Шукшин, 2014, т. 9, с. 84–85].

В некоторых текстах автографов Шукшиным сознательно или незнательно допущены искажения истины. Такие дарственные надписи ложны в прямом смысле. Например: «Константину Александровичу Чижикову на добрую память. Пока своих книг не написал, а Вернадский умный русский мужик — читайте» [Шукшин, 2014, т. 9, с. 83]. Этот автограф, сделанный Шукшиным на книге В. И. Вернадского 23 апреля 1967 г. после встречи с читателями в городской библиотеке Бийска, содержит очевидную неправду. Ведь к 1967 г. были опубликованы уже три книги В. М. Шукшина⁴. В чем причина подобного ложного утверждения? Возможно, это ирония по отношению к своему писательскому труду. Ведь в 1974 г., за два месяца до смерти, писатель все еще оставался недоволен результатами своей профессиональной деятельности: «Ну, какой результат! За 15 лет работы несколько книжечек куцых, по 8–9 листов — это не работа профессионала-писателя. 15 лет — это почти вся жизнь писательская. Надо только вдуматься в это! Я серьезно говорю, что мало сделано. Слишком мало!» [Шукшин, 2014, т. 8, с. 211].

В еще одном автографе ошибка допущена, скорее всего, незнательно, тем не менее, она очень символична: «Татьяне Гуммер старой знакомой (заочно, через папу), — на добрую память и с добрыми пожеланиями. 5 июня <19>74 г. Хутор Мелоклетский (на Дону). Фильм «Они сражались за Родину»» [Шукшин, 2014, т. 9, с. 86]. Хутор, где происходили съемки кинокартины, напомним, назывался «Мелологовский». Такая незнательная ошибка может быть свидетельством отношения к получателю автографа, указанием на отсутствие искреннего желания автора поделиться дарственной надписью.

В художественной прозе В. М. Шукшина подарок очень часто — это мнимый, ложный, пустой дар. Заметим, что и здесь характерная семиотика автографа сохраняется. В одном из ранних рассказов «Эк-

⁴ 1) Шукшин В. М. Сельские жители: Рассказы. — М.: Молодая гвардия, 1963; 2) Шукшин В. М. Живет такой парень. — М.: Искусство, 1964; 3) Шукшин В. М. Любавины: Роман. — М.: Сов. писатель, 1965.

замен» (1962) приводится дарственная надпись на книге — издании «Слова о полку Игореве»: «Учись, солдат. Это тоже нелегкое дело. Проф. Григорьев» [Шукшин, 2014, т. 1, с. 95]. Сам акт дарения книги и дарственная надпись на ней венчают рассказ и являются одной из ключевых его сцен [Пешкова, 2007, с. 316]. Но роль автографа выходит за рамки только сюжетного хода. «В рассказе двойниками являются все: и автор «Слова о полку Игореве», и Лермонтов, и профессор, и студент», — пишет А. И. Куляпин [Куляпин, 2012, с. 130]. Действительно, на параллелизм биографий студента-заочника и легендарного князя Игоря недвусмысленно указывает сам Шукшин, одновременно соотнося студента и с автором «Слова»: «— Как чувствовал себя в плену князь Игорь?! — почти закричал профессор, опять испытывая прилив злости. — Как чувствует себя человек в плену? Неужели даже этого не понимаете?!

Студент стоя некоторое время непонятно смотрел на старика ясными серыми глазами.

— Понимаю, — сказал он.

— Так. Что понимаете?

— Я сам в плену был.

— Так... То есть как в плену были? Где?

— У немцев.

— Вы воевали?

— Да.

Профессор внимательно посмотрел на студента, и опять ему почему-то подумалось, что автор «Слова» был юноша с голубыми глазами. Злой и твердый» [Шукшин, 2014, т. 1, с. 91].

В таком смысловом контексте, на первый взгляд, подарок профессора Григорьева — книга с автографом — является бессмысленным, пустым, ложным: он дарит экземпляр «Слова о полку Игореве» двойнику автора произведения, лично пережившего многие коллизии древнего памятника в реальной жизни. Кажется, что дарственная надпись в рассказе выступает пустой, голой фразой, штампом, чей несколько возвышенный стиль дисгармонирует с реальной ценностью дара. Да и ожидания студента относительно подарка обмануты: «Студент вышел из аудитории. Вытер вспотевший лоб. Некоторое время стоял, глядя в пустой коридор. Зачетку держал в руке — боялся посмотреть в нее, боялся, что там стоит «хорошо» или, что еще тяжелее, — «отлично». Ему было стыдно.

«Хоть бы «удовлетворительно», и то хватит», — думал он.

Оглянулся на дверь аудитории, быстро раскрыл зачетку... некоторое время тупо смотрел в нее. Потом еще раз оглянулся на дверь аудитории, тихо засмеялся и пошел. В зачетке стояло: «плохо»» [Шукшин, 2014, т. 1, с. 94–95].

Однако в ранней прозе писателя ложность дара пока не является однозначной. Для сравнения: в позднем рассказе «Ночью в бойлерной» (1974) уже другой профессор — Аркадий Михалыч — готов продать рукопись «Слова» ради покупки норковой шубы для молодой жены: «Любую! — вскричал пьяненький профессор в величайшем горе. — Самую древнюю рукопись!.. «Слово о полку Игореве», если бы имел, — отдал бы, только бы не эта истерика, не этот визг. Все бы отдал!» [Шукшин, 2014, т. 7, с. 98]. Вновь автор поднимает тему подарка (норковая шуба для молодой жены профессора), и вновь в контексте этой темы встает «Слово», которое становится мерилom цены, которую готов заплатить герой за подарок. Продажа «Слова» в этом рассказе сопоставляется с продажей души черту. «Слово о полку Игореве», таким образом, для Шукшина является одной из величайших духовных ценностей.

Обращение к рассказу 1974 года позволяет нам интерпретировать финал рассказа «Экзамен» следующим образом. Профессор Григорьев дарит студенту-заочнику не просто книгу, а вещь чрезвычайно дорогую для него и в то же время ценнейший памятник русской духовности. Последнее обстоятельство оставляет надежду, что студент все же прочтет «Слово», осознает его величие и роль в русской культуре.

Еще один интересный и символически емкий пример дарственной надписи встречается в рассказе «Капроновая елочка» (1966), где мотив дарения подвергается еще большей инфернализации. Сюжет этого шукшинского рассказа, напомним, достаточно незамысловат: три спутника, два деревенских и один городской ухажер, напрасно прождав на дороге попутную машину, в ночь под Новый год идут пешком в деревню Буланово. Вдруг начинается метель. Они сбиваются с пути, попадая в зверосовхоз «Маяк». Утро герои встречают в избе незнакомого хозяина. Городской ухажер, которому автор придает инфернальные черты, напуганный угрозами деревенских парней, исчезает. Герои возвращаются в деревню, идут к вдове Нюрке, чтобы разобраться с ухажером. Но Нюрка одна, ухажер не явился для встречи Нового года. Так все персонажи рассказа остаются без праздника. «Капроновая елочка» — демифологизирующий ва-

риант текста жанра рождественского рассказа (неслучайно произведение имело первоначальное название «В ночь под Новый год»).

Внимание на себя обращает один из эпизодов рассказа. Ночью в избе, в одном из карманов снабженца вместо двух бутылок водки Павел находит «какой-то странный колючий предмет». «Павел вытащил его, зажег спичку — то была маленькая капроновая елочка, увешанная крошечными игрушечками. Елочка была мокрая и изрядно помятая у основания. У крестовинки прикреплена бумажка, и на ней написано печатными буквами: «Нюсе, моей голубушке. От Мити»» [Шукшин, 2014, т. 3, с. 50].

Капроновая елочка — подарок городского ухажера Нюре Чаловой. В рассказе, таким образом, актуализируется мотив рождественского подарка — один из старейших в мировой литературе и культуре. «Капроновая елочка, оказавшаяся в кармане городского ухажера вместо двух утеранных по дороге бутылок водки, становится символом эрзац-чуда, которое тоже не происходит» [Левашова, 2007, с. 130]. Но мотив дарения осложняется символами эрзаца, заменителя. Искусственная елочка — это эрзац рождественской ели. Отношения городского ухажера и Нюрки — эрзац семьи. Прикрепленная к елочке бумажка с дарственной надписью, без сомнения, — эрзац полноценного общения. Эффективность подобной коммуникации тут же нивелируется автором. Характерно, что записка утром исчезает вместе со снабженцем. Однако содержание дарственной надписи все же доходит до адресата — Нюрки, но с чужих слов и в искаженном виде. «От голубчика Мити» — так Павел перевирает текст надписи в разговоре с Нюрой. В рассказе автограф (как дарственная надпись) — текст, который выполняет функцию эрзац-общения, и более того, подвергается искажению.

В жизни самого Шукшина также не раз случались моменты, когда косвенное общение посредством автографа заменяло общение непосредственное, живое. В 1950-е гг. — это общение с матерью и сестрой, а затем и с первой женой, М. И. Шумской, в 1970-е гг. — со старшей дочерью Екатериной.

Семейный союз В. М. Шукшина и М. И. Шумской, как известно, не был удачным. По сути, еще до официального создания (16 августа 1956 г.) судьба его была предрешена. Известные на сегодня дарственные надписи Шукшина на фотографиях, адресованных невесте, а потом и жене периода 1954–1960 гг. малоинформативны и, более того, часто представляют собой цитаты, чужой текст: ««Я помню чудное

мгновенье». В. Шукшин»; «Что делать? Жениться или не жениться? Москва, Сокольнический переулок, 1954 г.»; «Скучища <зеленая>⁵, а жить надо! В. Шукшин 1960» [Шукшин, 2014, т. 9, с. 82].

В начале 1970-х гг. коммуникация посредством писем и автографов характерно для отношений В. М. Шукшина со старшей дочерью — Е. В. Шукшиной. Исследователям известны 3 дарственные надписи алтайского писателя периода 1972–1973 гг., адресованные Екатерине Шукшиной: «Дочери Кате — от папы. Там, вдали — это моя родина, Катя, и твоих сибирских предков. Будь здорова, родная! Папа В. Шукшин. Москва 1972 г.»; «Доченьке Кате — на светлую любовь и дружбу! В год, когда ты — первоклассница. Когда ты будешь первокурсница, я, бог даст, подарю тебе толстую-толстую книжицу. Будь здорова, моя милая! Папа В. Шукшин. Март 1972 г.»; «Дочери Кате — на долгую, добрую память от отца. Май 1973 гг. Белозерск. В. Шукшин» [Шукшин, 2014, т. 9, с. 84].

Содержание текстов автографов свидетельствует о стремлении Шукшина подчеркнуть и утвердить родственную связь, причем не только с собой, отцом, но и со всей патриархальной семьей («Там, вдали — это моя родина, Катя, и твоих сибирских предков»), в том числе и с сибирской ее частью (мать — М. С. Куксина и семья сестры). Но и в этом случае полноценное вхождение Е. В. Шукшиной в патриархальную семью писателя не произошло, остановившись лишь на уровне эрзац-семьи, так часто сопровождавшей жизнь Василия Макаровича. Автограф в мире Шукшина вовсе не устанавливает прочные связи между людьми.

У нас есть основания считать, что сам Шукшин осознавал ложный характер и своих даров. В одном из ранних рассказов — «Игнаха приехал» (1963) — реализован еще один вариант мотива дарения — подарки, которые привозят родным уехавшие некогда в город родственники. С. М. Козлова указывает на искусственность, поддельную суть таких подарков: «Облик и поведение Игнахи подчеркнуто театральны. Он суетливо разыгрывает сценарий: богатые столичные гости, в дорогих ярких нарядах с богатыми подарками, изумляют деревенскую родню» [Козлова, 2007, с. 112]. Подарки Игнаха родным — не искренний, бескорыстный дар, а лишь демонстрация своего социального статуса, благосостояния. Искусственность подарков — следствие искусственного поведения героя. Игнатий хочет ка-

⁵ Цитата из повести М. Горького «Городок Окуров» (1910).

заться в деревне своим, но вынужден подделываться под деревенского жителя, так как давно оторвался от деревенского уклада и вместе с этим от своих корней.

Развитие данного мотива наблюдается в одном из самых известных рассказов писателя — «Срезал» (1970). В тексте рассказа Шукшин скрупулезно описывает подарки, которые привез матери «богатый, ученый» кандидат Константин Иванович: «электрический самовар, цветастый халат и деревянные ложки» [Шукшин, 2014, т. 5, с. 72]. «Столичный гость подлаживается под деревню и привез искусные подделки деревенских предметов» [Козлова, 1992, с. 124]. Приезд Константина Ивановича в деревню, также как и Игнатия Байкалова, полон показных деталей и демонстрации благосостояния: «Деревня Новая — небольшая деревня, а Константин Иванович еще на такси подкатил, и они еще всем семейством долго вытаскивали чемоданы из багажника...» [Шукшин, 2014, т. 5, с. 72]. Дар кандидата — дар ложный, фантом, симулякр.

Однако, как это не покажется странным, подобные элементы поведения были не чужды и самому алтайскому писателю. Его племянник С. А. Зиновьев вспоминал, как дядя любил удивить родню подарками: «<...> мы знали, что на московских подарках он (т. е. В. М. Шукшин — Д. М.) не остановится, и в первый же день шли по сростинским магазинам, но в начале, конечно же, заходили в книжный. <...> А однажды он купил набор пластинок Федора Ивановича Шаляпина. Проигрывателя у нас не было, и когда в универмаге он увидел «Кавареллу» и купил ее, мы все трое были рады этой покупке, потому что у нас дома были пластинки <...> Днем мы гордо ходили по улицам села, да еще с подарками, которые лёля Вася любил покупать в присутствии нас» [Шукшин, 1999, с. 459]. А вот о каком случае рассказал А. С. Макаров, вспоминая поездку в Сростки в марте 1963 г. во время акции «Молодые кинематографисты — народу»: «С утра к гостинице <...> подкатили две машины — газик представила кинофикация, а «Волгу» — райком комсомола. <...> В «Волге» катила Ренита Григорьева и, туго схваченный за горло ангиной, Наум Клейман. <...> У поворота с Чуйского тракта на Сростки «Волга» остановилась, поджидая нас, и Шукшин вылез, походил, крякнув, улыбнулся решительно:

— Я, ребята, сяду в машину пошикарней, а? Для мамашиного удовольствия и соседям поглядеть. По-нашему, по-деревенски — надо» [Макаров, 2005, с. 172]. Авторская ирония в адрес кандидата Кон-

стантина Ивановича, как видим, имеет автобиографические корни. Фальшивость своего поведения, а возможно, и дорогих подарков, которыми он старался удивить деревенскую родню, зрелый Шукшин четко осознавал.

Вернемся к рассказу «Капроновая елочка». Подарок Нюрке от городского ухажера — искусственная елочка, эрзац рождественской ели — дар дешевый, мещанский, уровня глиняной кошки с бантиком или нарисованных на черном драпе лебедей, так часто и прямо порицаемый Шукшиным в публицистике («Вопрос самому себе»). Учитывая, что снабженцу в рассказе придаются атрибуты черта, капроновая елочка — это дар черта. Мотив подарка как дара нечистой силы реализован Шукшиным и в рассказе «Свояк Сергей Сергеевич» (1969): «Когда Андрей переступил порожек сарая, свояк Сергей Сергеич вдруг запрыгнул ему на спину и закричал весело:

— Ну-ка — вмах!.. До крыльца.

— Брось!.. — Андрей передернул плечами. — Ну?

Свояк сидел крепко.

— Ну, до крыльца! Ну? — Сергей Сергеич от нетерпения прищиприл в бока Андрею. — Ну!.. Шутейно же. Гоп! Гоп!.. Аллюром! Что, трудно, что ли?

Проклятый мотор! Черт его подsunул, не иначе. Стерва металлическая... Андрей у крыльца чуть не сбросил свояка через голову, чуть не зашиб его об ступеньки, потому что тот, когда скакали, еще и орал:

— Еге-ей! Скакал казак через долину!.. Гоп! Гоп!..» [Шукшин, 2014, т. 5, с. 12]. Инфернальность, разгул бесовских сил в этом рассказе А.И. Куляпин связывает с «говорящей» фамилией свояка: Неверов. Свояк Сергей Сергеевич, оседлавший Андрея, напоминает исследователю гоголевского «черта, оседлавшего человека» [Куляпин, Левашова, 1998, с. 34].

В прозе середины 1960-х гг. и более поздней отношение писателя к дару становится еще определеннее. Мотив ложного дара прямо реализован в романе «Я пришел дать вам волю» (1970). Богатые подарки казаков астраханской знати есть ничто иное как обман и в итоге дорого обойдутся тем, кто их принял: «Степан стоял прямо, в упор смотрел на сидящих за столом.

— А вот дары наши малые, — продолжал он, не оглядываясь.

<...> За столом случилось некое блудливое замешательство. Знаи: будет Стенька, будет челом бить, будут дары... Не думали только, что перед столом будет стоять крепкий, напористый человек

и что дары (черт бы побрал их, эти дары!) будут так обильны, тяжёлы... Так захотелось разобрать эти тюки, отнести домой, размотать...» [Шукшин, 2014, т. 4, с. 68].

В художественном мире В. М. Шукшина дар — это чаще всего ложный, мнимый дар, заменитель настоящего подарка, который к тому же является атрибутом бесовской, нечистой силы. Дарить без каких-либо условий, «без наложения долговых обязательств» (по Ж. Деррида), героям Шукшина в художественном мире часто было так же сложно, как и самому писателю в реальной жизни.

Литература

1. Жак Деррида в Москве / сост. М. К. Рыклин. — М.: РИК «Культура», 1993. — 208 с.
2. Козлова С. М. Игнаха приехал // Творчество В. М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник. Т. 3. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. — С. 112–113.
3. Козлова С. М. Поэтика рассказов В. М. Шукшина. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1992. — 184 с.
4. Куляпин А. И., Левашова О. Г. В. М. Шукшин и русская классика. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. — 102 с.
5. Куляпин А. И. Творческая эволюция В. М. Шукшина: монография. — Ишим: Изд-во ИГПИ им. П. П. Ершова, 2012. — 204 с.
6. Куляпин А. И., Скубач О. А. Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи. — М.: Языки славянской культуры, 2013. — 240 с.
7. Левашова О. Г. Капроновая елочка // Творчество В. М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник. Т. 3. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. — С. 129–130.
8. Макаров А. С. Побывка в Сростках // Шукшинский вестник. Вып. 1. — Сростки, 2005. — С. 171–179.
9. Маккарти Т. Тинтин и тайна литературы. — М.: ООО «Ад маргинем пресс», 2013. — 176 с.
10. Пешкова С. Н. Экзамен // Творчество В. М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник. Т. 3. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. — С. 315–316.
11. Смирнов И. П. Человек человеку — философ. — СПб.: Алетейя, 1999. — 372 с.
12. Творчество В. М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник. Т. 2: Эстетика и поэтика прозы В. М. Шукшина. Мо-

тивы и символы творчества В. М. Шукшина. Диалог культур / Науч. ред. А. А. Чувакин; Ред.-сост. О. Г. Левашова. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. — 290 с.

13. Шукшин В. М. Надеюсь и верую: Рассказы. Киноповесть «Калина красная». Письма. Воспоминания. — М.: Воскресенье, 1999. — 512 с.

14. Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 9 т. / под общ. ред. Д. В. Марьина. — Барнаул: ООО «Издательский Дом «Барнаул»», 2014.

Е. В. Масяйкина

Томский государственный университет, Томск

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СИБИРСКОГО ОБЛАСТНИЧЕСТВА: НА МАТЕРИАЛЕ АРХИВА Г. Д. ГРЕБЕНЩИКОВА

Аннотация: В данной статье рассматривается специфика представления Сибири и коренного сибирского населения в литературном наследии Г. Д. Гребенщикова на материале как русско-, так и англоязычных произведений. Всего в архиве Г. Д. Гребенщикова было собрано 30 текстов автопереводов и произведений на английском языке, признанные наиболее репрезентативными в плане выражения основных идей областничества. Среди них: сборник «Моя Сибирь», фрагменты повестей «Егоркина жизнь», «Ханство Батырбека», лирическая сказка «Хан Алтай», поэтическая сказка «The Charming Mead», поэма «Златоглав» и др.

Ключевые слова: сибирское областничество, Алтай, авторский перевод, Г. Д. Гребенщиков, личный архив писателя

E.V. Masiaikina

Tomsk State University, Tomsk

LITERARY HERITAGE OF SIBERIAN REGIONALISM: ON THE MATERIAL OF GEORGE GREBENSTCHIKOFF'S ARCHIVE

Abstract: This article examines the specifics of the representation of Siberia and the indigenous Siberian population in the literary heritage of George Grebenstchikoff (both Russian and English works). In total, his archive contains 30 texts of self-translations and works in English, based on the key ideas of regionalism. All materials presented in the study are of high research value, since they were not previously in the focus of complex philological research.

Key words: Siberian regionalism, Altai, author's translation, George Grebenstchikoff, writer's personal archive

Сибирские областники в ходе социально-культурной деятельности обозначали своей целью формирование специфической культурной идентичности посредством развития словесной культуры региона. В фокусе настоящего исследования находится изучение литературного наследия сибирского областничества на материалах архивов Г.Д. Гребенщикова, впервые вводимых в научный оборот.

В настоящее время сложилась богатая традиция по изучению словесной культуры Сибири в контексте истории и культуры рубежа XIX–XX веков, в том числе, в свете областнической парадигмы. Данная тема получает освещение в трудах Н.В. Серебrenникова [Серебrenников, 2004], А.П. Казаркина [Казаркин, 2008], В.А. Доманского [Доманский, 2003], И.А. Айзиковой [Айзикова, 2019]. Мифопоэтика образа Сибири в русской литературе рассматривается в трудах таких исследователей, как А.С. Янушкевич [Янушкевич, 2007], В.И. Тюпа [Тюпа, 2002], К.В. Анисимов [Анисимов, 2014], В.С. Киселев [Киселев, 2017] и др.

Творческое наследие Г.Д. Гребенщикова только недавно стало предметом научных изысканий, однако уже сложилось достаточно обширное поле филологических исследований. Указанная тема освещается в трудах Т.Г. Черняевой [Черняева, 2008], В.А. Росова [Росов, 2004], Десятова В.В. [Десятов, 2018], В.Н. Карпухиной [Карпухи-

на, 2020], Горбенко А. Ю. [Горбенко, 2016], Манскова С. А. [Мансков, 2018] и других ученых.

Таким образом, сложилась достаточно богатая история вопроса по изучению места и роли фольклорного и литературного наследия сибирского областничества в региональном движении. Тем не менее, требуются дополнительные источниковые разыскания, которые смогут восполнить значимые лакуны в знании о литературной деятельности сибирских областников, в частности, Г. Д. Гребенщикова.

* * *

Областники провозгласили перевод литературных текстов продуктивным инструментом для формирования и реализации культурной программы по конструированию имагологического целого Сибири. Н. М. Ядринцев писал: «Идеалы общечеловеческого развития воспримутся, они носятся в современном воздухе, они пройдут и в зарождающуюся национальность, но им надо дать почву» (из письма Н. М. Ядринцева 1873 года). Г. Н. Потанин развил данную сентенцию, подчеркивая необходимость «переводить с иностранного не на язык, этого недостаточно, а на формы русской жизни, на формы русского чувства» (из письма Г. Н. Потанина 1893 г.). И если Потанин был сориентирован на инструментарий перевода при освоении культуры инородцев, то Гребенщиков обратил свою деятельность в перспективе на активное освоение англоязычной культуры. Используя ее для трансляции и творческой трансформации идей областничества в литературном наследии, он главным образом выражал это посредством создания автопереводов.

Англоязычные сочинения и автопереводы Г. Д. Гребенщикова практически не изучены в отечественном литературоведении. Результаты специального рассмотрения корпуса таких текстов позволят установить специфику художественного метода Гребенщикова-переводчика. Помимо этого, научная рефлексия над переводческими стратегиями Гребенщикова требует привлечения ряда неопубликованных материалов на русском и английском языках, что обуславливает источниковедческую ценность исследования.

Материалом исследования выступил личный архив Г. Д. Гребенщикова. Рассмотрены англоязычные прозаические и поэтические произведения Г. Д. Гребенщикова. Среди них автопереводы повести «Ханство Батырбека» («The White Camel»), фрагментов повести «Егоркина жизнь», автоперевод сборника «Моя Сибирь» («My

Siberia»), в том числе сказки «Хан-Алтай» («Khan Altai») и др. Также изучается англоязычная поэзия Г.Д. Гребенщикова, имеющая русскоязычные эквиваленты и не имеющая их: поэтический сборник «The Trumpet Call», рукописи 12 стихотворений, англоязычный перевод фрагментов сказки «Златоглав» («Zlatoglav»), а также поэтическая сказка «The Charming Mead», не имеющая русскоязычного аналога. Отдельным корпусом выделяются заметки и слайды Г.Д. Гребенщикова, использовавшиеся им при чтении лекций по истории и культуре Сибири, аккумулировавшие авторский опыт представления сибирской культуры для инокультурного реципиента. Так, в научный оборот впервые вводится корпус материалов, до настоящего момента не попадавших в фокус актуальных исследований и связанных с литературным наследием сибирского областничества в русской и западной культурах.

Англоязычное творчество и автопереводы Г.Д. Гребенщикова являются важными репрезентантами культурной программы областничества в литературе эмигрантов на русском и иностранном языках. Идея об особой связи Сибири и Америки была перенята Гребенщиковым у предшественников, в частности, у Н.М. Ядринцева [Ядринцев, 1892] и воплощена писателем в реальность средствами собственного жизнестроительства. Так, в «Моей Сибири» он рассуждает о перспективах сибирско-американского сотрудничества: «Будущие возможности установления этих путей из Сибири в Тихий океан и Карское море, с одной стороны, и через Берингово море в Америку, с другой, обещают настолько грандиозные и вместе с тем очевидные перспективы, что едва ли можно сомневаться в том, что именно на этой почве в близком будущем русские и американцы не замедлят войти в особую взаимную кооперацию. Тем более, что многие сегодняшние затруднения завтра будут легко преодолены благодаря скачкообразному развитию воздухоплавания и иных завоеваний современной техники» [Гребенщиков, 2002, с. 186].

* * *

Приверженность Гребенщикова ценностям областничества в том числе после эмиграции выражалась в использовании автобиографических сюжетов, связанных с детством писателя, в частности, его поздней повести «Егоркина жизнь» [Гребенщиков, 2004]. Повесть готовилась автором и для издания на английском языке. В ГМИИ-КА хранится фрагментарный автоперевод, охватывающий несколько

глав: «Егоркин грех» («Sinner» [ГМИЛИКА. ОФ. Д. 65274]), «Первый шаг» («The first step» [ГМИЛИКА. ОФ. Д. 65275]), «Что первое увидели глаза» («What was the first his eyes have seen?» [ГМИЛИКА. ОФ. Д. 65277]), «Первая копейка» («The first kopeck» [ГМИЛИКА. ОФ. Д. 65643/002]), множественными версиями представлена глава «Егоркин ангел» («Egorka's Angel» [ГМИЛИКА. ОФ. Д. 65285]), предположительно к данной повести относится отрывок («The little seven year old boy...» [ГМИЛИКА. ОФ. Д. 65503]), однако Гребенщиков не присвоил ему уникального англоязычного заголовка, как и отрывкам «At the steep ravine» [ГМИЛИКА. ОФ. Д. 65278] и «There was a severe cold, breaking...» [ГМИЛИКА. ОФ. Д. 65276]. При беглом просмотре материала становится очевидным факт, что независимость фрагментов друг от друга повышается по сравнению с русскоязычной версией. Данная тенденция находится в гармоничном соответствии со стремлением Гребенщикова фрагментировать собственные произведения в процессе автоперевода, приводя их к малым формам.

Анализ автоперевода главы «Первая копейка» показывает, что Гребенщиков, представляя текст американскому читателю, делает акценты на отличных от оригинального текста мотивах и образах. Автоперевод главы представлен с достаточно крупными сокращениями (Гребенщиковым были удалены упоминания пожара в школе, болезни Егорки, благословения матери). Создавая англоязычную версию «Первой копейки», Гребенщиков начинает повествование с основной сюжетной линии (Егорка выучился грамоте и заработал свои первые деньги, что послужило важным этапом его становления). Анализ английского перевода глав повести «Егоркина жизнь» позволяет сделать вывод о том, что автоперевод стал для Гребенщикова продуктивным инструментом творческих поисков в сфере жанра «областного романа», который позволял транслировать идеи и жизнетворчества сибирского автора в инокультурную читательскую среду в адаптированном и понятном реципиенту виде. Самый полный из сохранившихся набросков автоперевод «Первой копейки» является иллюстративным примером такого переосмысления и использования стратегии доместикации.

Автоперевод сборника «Моя Сибирь» содержит основные представления Г. Д. Гребенщикова о прошлом, настоящем и будущем региона. Данное произведение не было издано при жизни автора ни на русском, ни на английском языках, однако является одной из вершин творчества писателя. Англоязычные переложения глав сборника

«Моя Сибирь» [ГМИЛИКА. ОФ. Д. 15533/1] составляют отдельный подкорпус прозаических автопереводов. Указанные материалы хранятся в отдельной папке, которая содержит 23 дополнительных папки без уникальных инвентарных номеров, которым, тем не менее, частично присвоены порядковые номера. Представлены множественные варианты переводов глав, вошедших в основной текст сборника. Помимо этого, корпус дополняют тексты, озаглавленные как «Authors Introduction», «Publishers Note», «The Message from New York», «The Call of Asia», «Tale of White Mountains», «Yenissey's Man», «Call of the Mountains», «Epos of Siberia». Все машинописные рукописи, хранящиеся в указанной папке, содержат большое количество авторских рукописных правок и помет. Также к «Моей Сибири» относятся следующие рукописи из фонда В.А. Росова: «Khan Altai» [ГМИЛИКА. ОФ. Д. 65289], «The calling of the mountain heights» [ГМИЛИКА. ОФ. Д. 65290], «Dreaming Giant» [ГМИЛИКА. ОФ. Д. 65288] и «Shaman's Mystery» [ГМИЛИКА. ОФ. Д. 65499] (она является сокращенным вступлением к «Хану-Алтаю»).

Автор аккумулировал осмысление Сибири и ее уникального пути, опираясь как на свой личный опыт, так и на опыт сибирского областничества. Англоязычный автоперевод сборника «Моя Сибирь» выражает представления Г.Д. Гребенщикова-писателя, областника, публициста, мемуариста, историка, о прошлом, настоящем и будущем региона. Автор наполняет Сибирь признаками, характерными для лиминальных пространств: уединенность, безлюдность, населенность дикими зверями, удаленность. Данный мифопоэтический подтекст апеллирует к художественным формам «имплицитного» мифологизма. В англоязычной версии текста присутствует имагологический код описания территории посредством введения информации о населенных пунктах и природных объектах, что формирует географическую карту воображаемой Сибири (реки, горы, дорожные пути сообщения, города). Образ Сибири конструируется за счет параллелизма с имперской персонологией и описанием ключевых для освоения региона сообществ (Ермак, Иван Грозный, собирательный образ коренного населения и казачества). Находит свое отражение женский вопрос (насильственное переселение женщин в Сибирь по указу Бориса Годунова). Позиция Гребенщикова находится в русле областной дискуссии, что подчеркивается активным авторским осуждением правительственных решений, закрепощающих женское население и лишаящих их свободной воли в принятии решений. Интегра-

ция данной темы в англоязычную версию произведения вовлекает «Мую Сибирь» в дискуссию о женских правах, набирающую обороты в США 1950-х гг. и дополнительно повышает актуальность сборника для инокультурного читателя.

* * *

Посредством жанра литературной сказки Г.Д. Гребенщиков создает систему пространственно-временных измерений, в частности, сказочного пространства. В англоязычном переводе сказки «Златоглав» Гребенщиков конструирует реальность сказочно-имперской России, следуя «теории официальной народности» Уварова, вводя систему «православия, самодержавия, народности». В архиве Гребенщикова в ГМИЛИКА были обнаружены рукописи автоперевода сказки на английский язык.

Автоперевод имеет фрагментарный характер: были обнаружены англоязычные версии следующих частей произведения: «Prologue» [ГМИЛИКА. ОФ. Д. 67545] (Глава I «Царевна Русь»), «It happened once upon a woodland» [ГМИЛИКА. ОФ. Д. 67546] (Глава XV «Однажды на лесной поляне»), «The love of Tsarevitch» [ГМИЛИКА. ОФ. Д. 67547] (Глава XVI «Любовь Царевича») и «The final battle» [ГМИЛИКА. ОФ. Д. 67548] (Глава XXII «Златоглав»). Автоперевод выполнен с сокращениями, особенно это заметно в первой и двадцать второй главах, где объем был сокращен в среднем в два раза. Тем не менее, это дает возможность воспринимать автоперевод «Златоглава» не как текст-сателлит, а как текст-синоним — равноправную версию произведения, написанную на иностранном языке. Обращаясь к Дж. Хокенсону, можно обозначить русско- и англоязычные версии «Златоглава» как версии-партнеры (partner versions) [Hokenson, 2013]. Так, поэтическое творчество Г.Д. Гребенщикова на иностранном языке отличалось, в первую очередь, соразмерностью русскоязычной поэзии автора. В ней он выразил те же имагологически заряженные взгляды, конструирующие идею национального и транслирующие имперскую образность. Важно отметить доместицирующую стратегию создания поясняющих сносок, когда речь в произведении идет о реалиях или персонажах, не знакомых англоязычному читателю: к строчке «Believing that Gorinich </ was imprisoned» [Веря, что Горыныч заточен — прим.: перевод наш] поясняющая сноска звучит так: «Russian fairy tale dragon» [Русский сказочный дракон], к строке «To us like Kitage* Sacred Russia will stand» [Для нас, подобно Святому Ки-

тежу, Россия восстанет — прим.: перевод наш] прилагается сноска: «Mysterious Sacred City» [Таинственный Святой Град]. Выстраивающая национальную идею «от Гребенщикова» поэма «Златолав» получила особую популярность среди современников и вобрала в себя мозаику понятных и канонических образов и культурных концептов. Данный текст реализует программу сибирского областничества, зародившегося в Сибири конца XIX века, — но в новом веке, в иной стране и на ином языке. Несмотря на это, данный текст сохраняет неизменным код моделирования нации средствами литературы.

В сказке «The Charming Mead» [ГМИЛИКА. ОФ. Д. 56739\113] Гребенщиков репрезентирует сказочные сюжеты в юмористическом ключе, что восходит к традиции А. С. Пушкина и П. П. Ершова. Достаточно точно можно определить место произведения в структуре творческих поисков Г. Д. Гребенщикова. Очевидна ориентация автора на иностранного читателя; стратегия доместикации, выраженная в превращении славянского сказочного пространства в пространство англо-саксонской литературной сказки (о чем свидетельствуют такие персонажи, как лорды, леди, лев, змея и ведьма). Осмысление традиции проявляется на уровне формы, а также на уровне системы персонажей. Гребенщиков иронизирует над своими героями: главный герой смел, отважен, но доверчив и болтлив, лев позволяет богатырю себя обхитрить. В заглавие автор выносит основной образ — волшебный хмельной мед, развязывающий язык главному герою. В финале произведения помещена отсылка к известной цитате А. С. Пушкина: «Я там был, мед, пиво пил, Да усы лишь обмочил» («I was there kissing a tiny goblet // Just to have my whiskers wet» [Я лишь пригубил крохотный кубок, // Только чтобы замочить бакенбарды — прим.: перевод наш]), что подчеркивает мотивы русской литературной сказки в тексте Гребенщикова.

Песенный нарратив является одним из основных способов конструирования Г. Д. Гребенщиковым фольклорно-эпического пространства. Впервые поэма была издана в рижском журнале «Перезвоны» в 1928 г. [Гребенщиков, 1928]. Позже, уже в 1940-х гг., писатель включил «Хан-Алтай» в состав сборника «Моя Сибирь», в качестве последней главы. Такое композиционное решение придает сказке дополнительные значения в структуре сборника, позиционируя «Хан-Алтай» как художественный, лирико-философский итог историко-публицистических сочинений, посвященных истории Алтая и Сибири.

Алтай для Гребенщикова являлся топосом особого значения, как по причинам конструирования личного автобиографического мифа [Горбенко, 2016], так и вследствие длительного сотрудничества с Н. К. Рерихом, чьи художественные и философские взгляды полагали горные массивы Центральной Азии своеобразным «местом силы». Результатом такого синтеза явилась полифоническая многоуровневая композиционная и образная структура сказки.

Основным источником творческого вдохновения при создании произведения «Хан-Алтай» для Гребенщикова являлись алтайские эпические сказания. Конструирование собственной идентичности является для алтайцев актуальной проблемой на протяжении долгого времени, и одной из продуктивных стратегий ее формирования является представление об Алтае как о «духовном центре мира» [Алексеев, 2012, с. 8]. Создавая «Хан-Алтай», Гребенщиков устойчиво и последовательно создает имитацию традиционного фольклора с целью связывания реальности эпического сказового Алтая с реально существующими Алтаем и Сибирью. Следуя за областниками, являясь их «последним учеником», Гребенщиков продолжает творческую работу по формированию сибирской идентичности. Посредством этого автор формирует этническое культурное целое, по сути, создавая новый алтайский миф [Никонова, 2009, с. 289].

Продуктивным средством проявления авторской поэтики в «Хан-Алтай» являются песенные вставки, в которых Гребенщиков также имитирует произведения алтайского традиционного фольклора. Полифоничность художественных средств сказки проявляется не только на уровне сочетания жанрово-видовых составляющих (проза — поэзия, эпос — лирика), но и на языковом уровне. В сказке «Хан-Алтай» содержится 12 песен, которые формируют обширную картину использования средств традиционного алтайского фольклора. Песенные фрагменты написаны нерифмованным белым стихом, стилизованным под традицию переводов алтайского фольклора. Композиционно Гребенщиков включает песенные фрагменты в более крупную структуру лироэпоса сказки, поэтому они могут рассматриваться как текст в тексте или жанр в жанре. Субъектами песенной активности является ряд персонажей: пастух-богатырь Урсул Ойрот, его отец Башкаус, ханская дочь Катын-Су, персонификация воздушной стихии Ветер. Последним автором уникальных поэтических высказываний является пастух Алтай-кижи: в его уста автором вкладыва-

ется поэтический эпилог всей сказки («Эй, Алтай-кижи! Ходи в своем убогом рубище // И никому не говори, что ты не стадо пасешь, // А самое великое в мире богатство бережешь... // Потому что земля твоя — // Прекрасный рай. // Потому что дом твой — // Хан-Алтай»). Выбор такого субъекта для завершения всей сказки неслучаен — безымянный пастух Алтай-кижи представляется в контексте произведения голосом народа Алтая, выражая его чаяния на долгую и мирную жизнь под сенью алтайских гор.

При создании англоязычной версии сказки, Гребенщиков реализовывал те же стратегии представления вокального текста, что и в исходном русскоязычном тексте. Анализ автоперевода вокальных вставок в произведении «Хан-Алтай» показывает высокую точность перевода: все вставки были переведены и оформлены графически тем же образом, что и в исходной версии сказки, ключевые кульминационные аспекты песен также были переданы с высокой точностью. Также автором сохраняется идентичное строчное и строфическое членение текста и переносятся в англоязычный текст композиционные признаки, характерные для амебейного построения.

Алтай для Гребенщикова — это локус воображаемой географии, поэтому типология героя у Гребенщикова синкретична: он конструирует не только обобщенный образ мифологического Алтая, но и идею о едином алтайском этносе. Обращаясь к традиционному алтайскому фольклору, Гребенщиков реализует песни «Хана-Алтая» в жанре благопожелания. Тем самым он помещает песню как в художественную действительность, где она продуцирует определенные эффекты, являясь катализатором действия или же сопровождающим мотивом при кульминации, так и в отношении между текстом и читателем — в таком случае песенные вставки оказываются благопожеланиями читателю, способом автора-рассказчика напомнить ему о красоте и богатстве окружающего мира. Тем самым он продолжает трансляцию имагологической лингвокультурной парадигмы, характерной для представителей сибирского областничества.

* * *

Англоязычное творчество и автопереводы Г.Д. Гребенщикова представляет образ Сибири и Алтая в русской литературе зарубежья XX в. Так, сибирский текст в поэзии Г.Д. Гребенщикова проявлен, в первую очередь, в сочетании с мотивом взаимосвязи Сибири

и Америки. Характер текстов, их адресность и стилистические особенности подводят к мысли о том, что Гребенщиков в эмиграции по-прежнему мыслил себя частью русской литературы.

Гребенщиков, конструируя воображаемое пространство эпического Алтая, прибегает к исторически существовавшим в традиционной алтайской культуре техникам и методам взаимодействия искусства и реальности. Тем самым он продолжает трансляцию имагологической лингвокультурной парадигмы, характерной для представителей сибирского областничества.

Литература

1. Алексеев П. В. Горный Алтай: поиски национальной идентичности в условиях глобальной информатизации / П. В. Алексеев, Е. А. Тозыякова // Социальные процессы в современной Западной Сибири: сб. науч. тр. — Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2012. — Вып. 13. — С. 9–12.

2. Анисимов К. В. Восточный травелог русской литературы XIX в.: «воображение» имперских окраин и поэтика повествования (предварительные замечания) // Имагология и компаративистика. — 2014. — № 1. — С. 5–21.

3. Горбенко А. Ю. Жизнестроительство Г. Д. Гребенщикова: генезис, механизмы, семантика, контекст // Автореф. ... канд. филол. наук. — 2016. — 25 с.

4. Гребенщиков Г. Д. Khan Altai: [рукопись] // ГМИЛИКА. ОФ. Д. 65289. Л. 1–35

5. Гребенщиков Г. Д. My Siberia: [рукопись] // ГМИЛИКА. ОФ. Д. 15533/1. Л. 1–158.

6. Гребенщиков Г. Д. The Charming Mead: [рукопись]: Ч. 1 // ГМИЛИКА. ОФ. Д. 56739\113. Л. 1–6.

7. Гребенщиков Г. Д. Zlatoglav. Chapter XIV. It happened once upon a woodland: [рукопись] // ГМИЛИКА. ОФ. Д. 67546. Л. 1–4.

8. Гребенщиков Г. Д. Zlatoglav. Chapter XV. The love of Tsarevitch: [рукопись] // ГМИЛИКА. ОФ. Д. 67547. Л. 1–4.

9. Гребенщиков Г. Д. Zlatoglav. Chapter XXI. The Final Battle: [рукопись] // ГМИЛИКА. ОФ. Д. 67548. Л. 1–6.

10. Гребенщиков Г. Д. Zlatoglav. Prologue: [рукопись] // ГМИЛИКА. ОФ. Д. 67545. Л. 1–2.

11. Гребенщиков Г. Д. Егоркина жизнь. At the steep ravine: [рукопись] // ГМИЛИКА. ОФ. Д. 65278. Л. 1–7.

12. Гребенщиков Г.Д. Егоркина жизнь. Egorka's Angel: [рукопись] // ГМИЛИКА. ОФ. Д. 65285. Л. 1–15; Д. 65284. Л. 1–14; Д. 65286. Л. 1–16; Д. 65287. Л. 1–8.
13. Гребенщиков Г.Д. Егоркина жизнь. Sinner: [рукопись] // ГМИЛИКА. ОФ. Д. 65274. Л. 1–15.
14. Гребенщиков Г.Д. Егоркина жизнь. The first koreck: [рукопись] // ГМИЛИКА. ОФ. Д. 65643/002. Л. 1–25.
15. Гребенщиков Г.Д. Егоркина жизнь. The first step: [рукопись] // ГМИЛИКА. ОФ. Д. 65275. Л. 1–9.
16. Гребенщиков Г.Д. Егоркина жизнь. The little seven year old boy...: [рукопись] // ГМИЛИКА. ОФ. Д. 65503. Л. 1–9.
17. Гребенщиков Г.Д. Егоркина жизнь. There was a severe cold, breaking...: [рукопись] // ГМИЛИКА. ОФ. Д. 65276. Л. 1–11.
18. Гребенщиков Г.Д. Егоркина жизнь. What was the first his eyes have seen?: [рукопись] // ГМИЛИКА. ОФ. Д. 65277. Л. 1–10.
19. Гребенщиков Г.Д. Моя Сибирь. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002–214 с.
20. Гребенщиков Г. Егоркина жизнь: автобиограф. повесть / Г. Гребенщиков; вступ. ст. и примеч. Т. Черняевой. — Барнаул, 2004. — 319 с.
21. Гребенщиков Г.Д. Сказка в семи главах «Хан-Алтай» // Перезвоны. — 1928 — № 40.
22. Десятков В.В. Скит искусств: жизнестроительство Георгия Гребенщикова // Сибирский филологический журнал. — 2018. — № 1. — С. 5–18.
23. Казаркин А.П. Сибирь в контексте мировой литературы: опыт самоописания / А.П. Казаркин, Н.В. Серебренников, В.А. Доманский. — Томск: Сибирика, 2003. — 216 с.
24. Карпухина В.Н. Гендерный аспект образа Алтая в произведениях Г.Д. Гребенщикова // Имагология и компаративистика. — 2020. — № 14. — С. 210–218.
25. Киселев В.С. Томск в русской литературе: проблемы и перспективы изучения // Имагология и компаративистика. — 2017. — № 8. — С. 36–61.
26. Мансков С.А. Г.Д. Гребенщиков как писатель-теоретик (на материале очерка «Толкай телегу к звездам») // Человеческий капитал русской эмиграции первой волны: американская Русь Г.Д. Гребенщикова [Текст]: сборник статей и избранных докладов Международной научно-методологической сессии <...> (Барнаул, 26–29 апреля

2018) / под ред. С. А. Манскова, Н. В. Халиной, В. С. Белоусовой. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. — С. 17–21.

27. Никонова Н. Е. Песенный нарратив в переводном лироэпосе В. А. Жуковского 1830–1840-х гг. // Эстетика и поэтика переводов В. А. Жуковского 1820–1840-х гг.: проблемы диалога, нарратива, мифопоэтики. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2009. — 437 с.

28. Росов В. А. Белый Храм на высоких горах. Очерки о русской эмиграции и сибирском писателе Георгии Гребенщикове. — СПб.: Алетейя, 2004. — 120 с.: илл.

29. Серебренников Н. В. Опыт формирования областнической литературы / Н. В. Серебренников; под ред. А. П. Казаркина. — Томск: Изд-во ТГУ, 2004. — 308 с.

30. Сибиреведение: книга для учителя / под ред. А. П. Казаркина. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2008. — 302 с.

31. Словесная культура Сибири в общероссийском и европейском контекстах (XIX — начало XX вв.) / И. А. Айзикова, С. В. Волошина, Л. Г. Гынгазова [и др.]: под общ. ред. И. А. Айзиковой. — Томск: Издательский Дом ТГУ, 2019. — 492 с.

32. Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. — 2002. — № 1. — С. 27–35.

33. Цесюлевич Р. А. Рерих и Алтай [Электронный ресурс] // Дельфис: культурно-просветительский журнал. Электрон. дан. URL: <http://www.delphis.ru/journal/article/rerikh-i-altai> (дата обращения: 05.12.19).

34. Черняева Т. Г. «Обнимаю вас как преданный сын ваш»: Георгий Гребенщиков и Григорий Николаевич Потанин // Г. Д. Гребенщиков и Г. Н. Потанин: диалог поколений: письма, статьи, воспоминания, рецензии / сост. Т. Г. Черняева. — Барнаул, 2008. — С. 5–44.

35. Шиловский М. В. Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50–60-х гг. XIX в. / Отв. ред. Л. М. Горюшкин. — Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1989. — 144 с.

36. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. — СПб., 1892.

37. Янушкевич А. С. Дихотомия сибирского текста // Евразийский межкультурный диалог: «свое» и «чужое» в национальном самознании культуры / под ред. О. Б. Лебедевой. — Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2007. — С. 334–345.

38. Hokenson J. History and the Self-Translator // Self Translation: Brokering Originality in Hybrid Culture. — London, New York, 2013. — P. 39–61.

И. В. Мирович

Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского, Новокузнецк

СИБИРЬ КАК НОВАЯ ПАЛЕСТИНА В «ЗАПИСКАХ ИЗ МЕРТВОГО ДОМА» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация: В статье анализируются интертекстуальные связи «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского со Священным Писанием и гимнографическими текстами, раскрывающие аспекты трактовки писателем истории Сибири и ее образа. Исследуется ближайший контекст «Записок из Мертвого дома», относящийся ко времени 1854–1855 годов, когда замысел будущего произведения у Достоевского уже сложился. Рассматривается связь между пометами Достоевского в личном экземпляре Нового Завета, которые свидетельствуют о внимании писателя к образу Святой Земли, и художественной структурой «Записок из Мертвого дома». Делается вывод о том, что Сибирь, освящается и благословляется страданием и смертью человека, несущего в себе образ Христа. В пространстве Сибири незримо совершается вновь Священная история от таинства боговоплощения до крестной смерти. И в этом смысле Сибирь — новая Святая Земля, новая Палестина.

Ключевые слова: Сибирь, Достоевский, Святая Земля.

I.V. Mirovich

Literary-memorial Museum of F.M. Dostoevsky, Novokuznetsk

SIBERIA AS A NEW PALESTINE IN “NOTES FROM THE DEAD HOUSE” OF F. M. DOSTOEVSKY

Summary: The article analyzes the intertextual connections of F.M. Dostoevsky's “Notes from the Dead House” with the Holy Scriptures and hymnographic texts, revealing aspects of the writer's interpretation of the history of Siberia and its

image. The author examines the immediate context of the "Notes from the Dead House", which refers to the time of 1854–1855, when the idea of the future work of Dostoevsky was already formed. The connection between Dostoevsky's notes in his personal copy of the New Testament, which indicate the writer's attention to the image of the Holy Land, and the artistic structure of the "Notes from the Dead House" is considered. It is concluded that Siberia is sanctified and blessed by the suffering and death of a person who carries the image of Christ inside. In the space of Siberia, the Sacred history from the sacrament of the incarnation to the death on the cross is invisibly performed again. And in this sense, Siberia is a new Holy Land, a new Palestine.

Key words: Siberia, Dostoevsky, Holy Land.

Сибирский период жизни Достоевского пришелся на время активного экономического, политического и культурного освоения края. Это являлось одним из приоритетных направлений во внутренней политике Российской Империи. Тем не менее, в сознании сибиряков, а также жителей центральной России и столиц Сибирь и Россия еще долгое время не воспринимались как единое Отечество. Достоевский не был исключением. Для него Сибирь тоже была новой таинственной землей, которую ему предстояло открыть. Четыре года лишенный свободы каторжник Достоевский всматривался, вживался в эту чужую для него землю. Первый образ Сибири он создает в письме брату Михаилу от 30 января–22 февраля 1854 года сразу после разрешения переписки: *«Грустная была минута переезда через Урал. Лошади и кибитки завязли в сугробах. Была метель. Мы вышли из повозок, это было ночью, и стоя ожидали, покамест вытащат повозки. Кругом снег, метель; граница Европы, впереди Сибирь и таинственная судьба в ней...»* [Достоевский, 1985, с. 167–171]. Сибирь Достоевского — это ночь, метель, тайна. И если первые два определения вполне традиционны для представления о Сибири, то последнее — «тайна», «таинственная судьба» — вызывает интерес. Почему тайна? Возможно, ответ на этот вопрос следует искать в образной системе произведения, для которого тема Сибири является главной — это «Записки из Мертвого дома».

К моменту написания письма брату Михаилу в 1854 году замысел будущего произведения у Достоевского уже сложился [Достоевский, 1972, Т. 4, с. 275]. К сожалению, не сохранились рукописи и подготовительные материалы, которые позволили бы увидеть процесс осмысления Достоевским образа и значения Сибири как в лич-

ной судьбе, так и в истории народа. Однако некоторое представление о ключевых моментах этого процесса может дать анализ ближайшего контекста письма брату Михаилу, в который, кроме эпистолярия, входит стихотворение «На европейские события в 1854 году» [Достоевский, 1972, Т. 2, с. 405]. Это отклик Достоевского на события Крымской войны. Как известно, одной из главных причин конфликта России с Турцией, Англией и Францией являлось столкновение интересов на Святой Земле [Лисовой].

Отвечая военным противникам России, Достоевский указывает на сохраненную русским народом веру, в которой заключен неиссякаемый источник жизни и залог воскресения как для самой России, так и для народов, обратившихся к ее покровительству.

*Мы веры нашей, проста, не теряли
(Как был какой-то западный народ);*

Мы верую из мертвых воскресали,

И верую живет славянский род.

Мы веруем, что бог над нами может,

Что Русь жива и умереть не может!

В написанном, казалось бы, на злобу дня произведении, Достоевский ненавязчиво отсылает читателя к тексту Священного Писания [Тихомиров, 2010, с. 63]. Это Новый Завет, Послание к Евреям апостола Павла, главы 10 (стихи 38–39) и 11, имеющие многочисленные пометы в личном экземпляре Нового Завета Ф.М. Достоевского [Евангелие, 2010, с. 593–595]. Сквозь страстную отповедь писателя военным (и религиозным) противникам России слышится слово апостола Павла о вере, обращенное к его народу. «Праведный верую жив будет» [Евангелие, 2010, с. 593] — в свидетельство этому апостол приводит события Священной истории, которая продолжает совершаться и в дни апостола Павла, и в дни Достоевского, чтобы все, пострадавшие за веру, «не без нас достигли совершенства» [Евангелие, 2010, с. 597], обрели «небесное отечество» и приготовленный Богом город [Евангелие, 2010, с. 595]⁶.

По мысли Достоевского, России предназначено возродить Азию и древний Восток (место, где находится Святая Земля).

Не вам судьбы России разбирать!

Неясны вам ее предназначенья!

⁶ Стихи 12–16 о «небесном отечестве» и «приготовленном городе» отмечены Достоевским.

*Восток — ее! К ней руки простираТЬ
Не устают мильоны поколений.
И властвуя над Азией глубокой,
Она всему младую жизнь дает,
И возрожденье древнего Востока
(Так бог велел!) Россией настает.*

Высказанные прямо сокровенные идеи Достоевского, которым он останется верен до конца жизни, не встретят доверия и сочувствия. Посланные государю стихи бывшего политического преступника останутся в архивах третьего отделения [Достоевский, 1972, Т. 2, с. 519]. Достоевский, впрочем, хорошо понимал, что подобные идеи, должны высказываться прикровенно, и самый верный путь такой идеи к сердцу другого человека — художественный образ [Касаткина, 2019, с. 99–102]. В известном письме Н.Д. Фонвизиной сразу после изложения своего символа веры он замечает: *«Но об этом лучше перестать говорить. Впрочем, не знаю, почему некоторые предметы разговора совершенно изгнаны из употребления в обществе, а если и заговорят как-нибудь, то других как будто коробит?»* [Достоевский, 1985, с. 176]. «Записки из Мертвого дома» станут первым произведением, в котором эти идеи обретут свое воплощение в совершенной художественной форме.

С самых первых строк «Записок из Мертвого дома» перед читателем открывается картина богатого хлебосольного края. Это настоящий земной рай, место блаженства и наслаждения для человека, умеющего «разрешать загадку жизни» [Мирович, 2019, с. 226]. Градация фантастических благ сибирской жизни неизменно вызывает улыбку читателя и дарит ощущение радости, торжественно завершаясь словами: *«Вообще земля благословенная»*. В этом тексте необходимо обратить внимание на авторскую пунктуацию. Во-первых, последнее предложение отделено от предыдущего шутливо-ироничного текста многоточием, что означает одновременно и смену интонации, и особую ценность для автора высказанной мысли. Во-вторых, после слова «вообще» Достоевским не поставлена запятая, то есть это слово употреблено в значении «во всех отношениях», «со всех точек зрения». Таким образом, Достоевский ненавязчиво подтверждает и углубляет высказанную выше наивным рассказчиком мысль о том, что «не только с служебной, но даже со многих точек зрения в Сибири можно блаженствовать». Мастерской расстановкой акцен-

тов Достоевскому удается в шуточной форме скомпрометировать приземлено-прагматичный взгляд на Сибирь своего героя. И вместе с тем автор очень деликатно вводит идею о блаженстве и благословении земли, которая в сознании православного человека связана, прежде всего, с образом Богородицы.

Словосочетание «земля благословенная» является реминисценцией из известного гимнографического текста — богородичного тропаря первой песни канона ко Святому Причащению: «*Земле благая, Благословенная Богоневесто, Клас прозябшая неоранный и спасительный миру, сподоби мя, сей ядуца, спастися*». Так с первых страниц произведения начинается звучать молитва, вводится образ Богородицы, а вместе с ним мотив Рождества, боговоплощения, с которым почти у каждого обитателя Мертвого дома связана надежда на «воскрешение из мертвых» [Захаров, 2010, с. 21–22].

Благодаря возникшим ассоциативным связям со Священным Писанием глубину и объем приобретает образ всего пространства Сибири, которое в начале повествования, словно карта, разворачивается перед читателем. Сквозь черты современного герою городка К*, расположенного в «отдаленных краях Сибири», вдруг начинает проступать образ другого древнего города, такого же маленького и незначительного, но ставшего местом Рождества — города Вифлеема [Мирович, 2019, с. 227].

Блестящее, похожее на увертюру вступление подготавливает читателя к появлению главного героя «Записок из Мертвого дома». «*В одном из таких **веселых** (выделено мной — И. М.) и довольных собою городков, — вспоминает герой-издатель, — ... встретил я Александра Петровича Горянчикова*». Рассказчик дает неожиданную характеристику городка К*, в котором Горянчиков доживает свой век. Наибольшее удивление, на наш взгляд, вызывает эпитет «веселый», этот концепт в сюжете произведения имеет огромное значение как некий маркер, обозначающий обновление, появление чего-то нового взамен утраченного. Например, «хорошенькая и **веселенькая**» (выделено мной — И. М.) внучка квартирной хозяйки Горянчикова Катя, занявшая место той Катерины, по которой герой каждый год служил панихиду. Или приобретенный каторжниками взамен павшего новый Гнедко — «славная лошадка <...> с чрезвычайно милым, **веселым** видом» (выделено мной — И. М.). Употребление концепта «веселый» в ближайшем контексте с реминисценцией из богородичного тропаря поддерживает создаваемый Досто-

евским пока еще в подтексте образ Рождества. Веселые города — это веселое пространство, веселая земля. Это образ из рождественского богослужения: *«Днесь Христос в Вифлееме рождается от Девы; днесь Безначальный начинается, и Слово воплощается; силы небесныя радуются, и земля с человеки веселится...»*.

Достоевскому достаточно одного эпитета «веселый», примененного неожиданно к маленькому сибирскому городку, чтобы соединить в одном образе духовное и материальное, вечное и «насущенное, видимо-текущее». Главное событие, освятившее много веков назад Вифлеем, когда *«Слово стало плотию, и обитало с нами, полное благодати и истины» (Ин 1:14)*, теперь готово вновь совершиться и благословить такую далекую от Святой Земли Сибирь. Дать ей новую «младую жизнь» [Достоевский, 1972, Т. 2, с. 405] по вере тех, кто в сибирской земле оказался.

Второй город, в котором происходят основные события «Записок из Мертвого дома», — это Омск. Здесь Достоевский отбывал срок каторжных работ с 1850 по 1854 годы. Очевидная автобиографичность записок главного героя используется Достоевским только как «средство для достижения большого впечатления; фактическая достоверность ставится в основание достоверности художественной» [Мочульский, 1995, с. 309] и приобретает символический смысл.

«Сцены из Мертвого дома» А. П. Горяничкова начинаются с описания острога, точнее, острожной ограды, на изображении которой автор настойчиво задерживает внимание читателя. Острог в «Записках из Мертвого дома» — это, прежде всего, огражденное, отделенное пространство. Вместе с тем в Священной истории огражденное место — это перевод названия галилейского города Назарет. О внимании писателя к евангельским событиям, связанным с этим городом, свидетельствуют пометы в экземпляре Нового Завета, принадлежащем Достоевскому.

Образ Назарета в Священном Писании также полон противоречий, как и образ каторги в «Записках из Мертвого дома». С одной стороны, Назарет — это отечество Христа⁷ [Евангелие, 2010, с. 545, 55], дом его детства, место Благовещения [Евангелие, 2010, с. 152–

⁷ Отмечены в личном экземпляре Нового Завета Достоевского: Иоанн. IV, 44 (карандашом); Мф. XIII, 57, 58 (ногтем, карандашом).

153]. С другой — «из Назарета может ли быть что доброе?»⁸ [Евангелие, 2010, с. 237], т. е. жители его не отличались добрыми нравами и не пользовались хорошей репутацией. Назарет из пророчества Исайи также напоминает «мертвый дом»: «земля Завулонова и Неффалимова... Галилея языческая. Народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет» (Ис. 9:1–2; Мф. 4: 15–16). Известен и связанный с Назаретом евангельский сюжет о чтении Христом в городской синагоге пророчества Исайи о Себе, о неверии жителей Назарета и о попытке убить Христа за обличительные слова (Лк. 4:16–30).

Сопоставительный анализ образов омской каторги и библейского города Назарет, на наш взгляд, может иметь очень интересный результат и способствовать раскрытию глубинного смысла многих сюжетных линий «Записок из Мертвого дома». В рамках статьи сделать такой анализ в полном объеме не представляется возможным. Наметим только наиболее яркие, очевидные точки соприкосновения двух пространств: реального, и священного, «насущенного» и вечного.

«Тут был свой особый мир, ни на что не похожий, тут были свои особые законы, свои костюмы, свои нравы и обычаи, и заживо мертвый дом, жизнь — как нигде, и люди особенные» [Достоевский, 1972, Т. 4, с. 9]. Каторга — место, где собраны и отделены от общества, разбойники, недобрые, ожесточенные люди. Такая же репутация была и у жителей Назарета: «сидящие в стране и тени смертной» [Евангелие, 2010, с. 27]. Вместе с тем каторга напоминает монастырь, где постоянно звучит молитва и Священное Писание, где в каждой казарме есть иконы. *«Молча обошел он все наши шесть казарм, — пишет Достоевский о закончившем свой срок арестанте, — Входя в каждую казарму, он молился на образа и потом низко, в пояс, откланивался товарищам, прося не поминать его лихом»* [Достоевский, 1972, Т. 4, с. 10]. Монастырь — это община с единым уставом, объединяющая людей братской любовью во Христе. *«С первого взгляда можно было заметить некоторую резкую общность во всем этом странном семействе; даже самые резкие, самые оригинальные личности <...> и те старались попасть в общий тон всего острога <...> против внутренних уставов и принятых обычаев острога никто не смел вос-*

⁸ Отмечены в личном экземпляре Нового Завета Достоевского: Иоанн. I, 46–47 (карандашом).

ставать; все подчинялись» [Достоевский, 1972, Т. 4, с. 12]. Тем не менее, при наличии на каторге внутренних уставов о братской любви во Христе, кажется, не может быть и речи. *«Все они собрались сюда не своей волей; все они были друг другу чужие»* [Достоевский, 1972, Т. 4, с. 13], — делает заключение Горянчиков. Однако каторжники названы хоть и «странным», но все-таки «семейством», а это значит, что между ними еще возможны братские отношения.

Сопоставление каторги и монастыря порождает ряд новых ассоциаций, связанных с образом библейского Назарета. Христос, а вместе с ним и первые христиане часто именовались назорейями [Евангелие, 2010, с. 291]⁹ по месту Его отечества [Брут, 182801830]. Это название было известно и в ветхозаветные времена. Тогда назорейями назывались люди, посвятившие себя Богу, образ жизни которых напоминал монашеский. Об этом пишет в «Путешествии по Святой Земле в 1835 году» (1838) А. С. Норов. Его сочинение с такой же долей вероятности, как и сочинение А. Н. Муравьева, мог читать Ф. М. Достоевский в 1849 году в Петропавловской крепости [Достоевский, 1985, с. 157,446]. *«Назарет, — пишет А. С. Норов, — не упомянут в Ветхом Завете под его настоящим именем, но мы видим сходство имени этого места с именем обетованного Назорея в Книге Судей: «Яко Назорей Божови будет сие отроча от чрева — и сей начнет спасати Израиля» (Суд 13:5). Хотя это предсказание ближайшим образом относилось к Самсону; однакоже Самсон, как избавитель Израиля от филистимлян, был образом Спасителя мира, и потому предсказание о нем как о лице прообразовательном справедливо относится к Иисусу Христу, как Лицу прообразуемому. «И пришед (Иосиф) вселися во граде нарицаемем Назарет: яко да сбудется реченное Пророки, яко Назорей наречется» (Мф 2:23). Достойно замечания, что еврейское слово Назир выражает понятие о человеке, обрекшем себя на служение Богу (Числ 6:1)»* [Норов, 1838]. Слово «назир», семантически близкое к названию города Назарет, означало в переводе с еврейского «отделять», «отлучать» [Библейская, 1990, с. 501]. В «Записках из Мертвого дома» каторжники — это «люди особенные», «отрешенные от мира» [Достоевский, 1972, Т. 4, с. 179]. Кроме того, обет назорейства давался на разные сроки так же, как и в каторге существовали разные разряды в зависимости от тяжести преступления:

⁹ Отмечены в личном экземпляре Нового Завета Достоевского: Иоанн. XIX, 20–22 (ногтем).

«сильнокаторжные», «всегдашние» и «особое отделение», т. е. «вечные» [Достоевский, 1972, Т. 4, с. 12].

На фоне сходства каторжников с назорейями яснее проступают отличия, которые заключают в себе важные для понимания христианского подтекста «Записок из Мертвого дома» образы. Как известно, обет назорейства предполагал отказ от вина, запрет стричь волосы и входить в дом, где находится мертвое тело [Библейская, 1990, с. 501]. В «Записках из Мертвого дома» мы видим, что эти запреты словно отменяются автором, начиная с названия острога, «Мертвый дом», и вида бритых голов каторжников и заканчивая вином, которое в остроге «не оскудевало». «*Это был ад, тьма крошечная*» [Достоевский, 1972, Т. 4, с. 12], — пишет о каторге Горянчиков, но Достоевский настойчиво указывает на незримое присутствие в этом аду Христа. Он пребывает в остроге в образе хлеба и вина. Это главные, сквозные образы «Записок из Мертвого дома» и вместе с тем главные евангельские символы, явившиеся в таинстве причастия как Тело и Кровь Христа. Каждый обитатель острога таинственным образом оказывается приглашен на вечерю, где «не оскудевает» хлеб и вино и где Бог готов, по обетованию своему, пребывать в каждом каторжнике. Соответствующие стихи Евангелия от Иоанна о таинстве евхаристии отмечены Достоевским в его личном экземпляре Нового Завета [Евангелие, 2010, с. 253, 279]¹⁰. Не задаваясь целью описать в статье все случаи проявления образов хлеба и вина в сюжете «Записок из Мертвого дома», обратим внимание только на одного героя, образ которого ассоциативно связан с евангельским Назаретом. Это Осип — острожный повар, «стряпка», «*должность которого состояла в печении хлеба и варке щей*». Вместе с тем Осип был, несмотря на свой кроткий незлобивый нрав, одержим страстью к контрабанде. Именно его заботами в остроге «не оскудевали» хлеб и вино. Осип — это народная форма имени Иосиф. В Священном писании имя Иосиф принадлежало нескольким лицам, в числе которых был житель Назарета — святой праведный Иосиф, обручник Девы Марии Богоматери. По промыслу Божьему этот святой старец вынужден был дважды тайно, вопреки воле государя (Ирода), перевозить через границу (в Египет и обратно) младенца Христа. С этой точки зрения его действия вполне можно сравнить с контрабандой.

¹⁰ Личный экземпляр Нового Завета Достоевского: Иоанн VI, 53–58. Стих 54 отчеркнут карандашом; Иоанн XIV, 23 подчеркнут карандашом.

«Кстати: контрабанда, — пишет Достоевский, — по характеру своему, какое-то особенное преступление. <...> Контрабандист работает по страсти, **по призванию**. Это отчасти поэт. Он рискует всем, идет на страшную опасность, хитрит, изобретает, выпутывается; иногда даже действует **по какому-то вдохновению**» (выделено мной — И. М.) [Достоевский, 1972, Т. 4, с. 18]. Как видно из текста, действиями Осипа иногда руководит вдохновение, Дух, что отсылает нас к евангельской истории, где действиями святого Иосифа руководит ангел.

Главное евангельское событие, связанное с Назаретом, — это Благовещение. Страницы Евангелия от Луки, посвященные Благовещению, являются в личном экземпляре Достоевского самыми ветхими, следовательно, они открывались очень часто. По этим страницам Достоевский на каторге учил читать дагестанца. [Захаров, 2010, с. 27–28], так же, как его герой, Александр Петрович Горянчиков, обучает грамоте дагестанского юношу Алея [Достоевский, 1972, Т. 4, с. 53–54].

О Благовещении известно пророчество Исайи. Образ этого ветхозаветного пророка не один раз возникает в сюжете «Записок из Мертвого дома», например, в проанализированной Т.А. Касаткиной главе «Исай Фомич. Баня. Рассказ Баклушина» [Касаткина, 2004, с. 359]. В другой раз образ пророка встречается в главе «Летняя пора», само название которой напоминает о чтении Христом Книги пророка Исайи в синагоге Назарета: «Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим, и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедовать **лето Господне благоприятное**» (Лк.4:18–19). Смысловым центром главы является эпизод причащения каторжников и главного героя. Христос исполняет пророчество Исайи, являя себя в чаше причастия и призывая к себе труждающихся и обремененных. Читатель становится свидетелем чуда: молитва священника исполняется буквально. Возможно, ради этого чуда Достоевский «выбирает» для своих причастников не молитву Иоанна Златоуста, которая традиционно читается священником с чашей в руках, а первую молитву из «Последования ко Святому Причащению», молитву Василия Великого [Достоевский, 1972, Т. 4, с. 308]. «Прими убо и мене, Человеколюбче, якоже блудницу, яко разбойника, яко мытаря и яко блудного, и возьми мое тяжкое бремя грехов, грех вземляя мира, и немощи человеческие исцеляя, **тру-**

*ждающиеся и обремененные к Себе призываяй и упокаиваяй, не пришедый призвати праведныя, но грешныя на покаяние». Призванные Христом каторжники являются «труждающимися и обремененными» в буквальном смысле слова. «Когда священник с чашей в руках читал слова: «...но яко разбойника мя приими», — почти все повалились в землю, **звуча кандалами**, кажется, приняв эти слова **буквально на свой счет**» [Достоевский, 1972, Т. 4, с. 177] (в тексте молитвы и в тексте Достоевского слова выделены мной — И. М.).*

Последняя глава записок Горянчикова возвращает читателя к началу произведения, подчеркивая перемену, которая произошла в Александре Петровиче. Те же пали острога, но они хранят воспоминания героя, его жизнь. Это теперь его календарь. Тот же дом, только теперь Горянчиков не называет его мертвым: «Пробил барабан, и все отправились на работу, а я остался **дома**» [Достоевский, 1972, Т. 4, с. 231]. И наконец, восторг, с которым произносит герой последние слова: «Да, с богом! Свобода, новая жизнь, воскресенье из мертвых... Экая славная минута!» [Достоевский, 1972, Т. 4, с. 232], — соединяется с восторженным, радостным прославлением благословенной земли, которым Достоевский начинает «Записки из Мертвого дома».

«Славная минута» — это дар и утешение, посланное герою перед тем, как он станет поселенцем в городке К*, станет зерном, упавшим в благословенную землю. О таких минутах пишет Достоевский Н. Д. Фонвизиной: «... Бог посылает мне иногда **минуты**, в которые я совершенно спокоен; в эти **минуты** я люблю и нахожу, что другими любим, и в такие-то **минуты** (выделено мной — И. М.) я сложил в себе символ веры, в котором всё для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» [Достоевский, 1985, с. 176]. Сибирь благословляется страданием и смертью человека, несущего в себе образ Христа. Облик этой земли преобразуется, принимая черты Святой Земли — древней прекрасной Палестины.

И в заключение несколько слов о главном герое. Его фамилия происходит от слова «горянин», то есть житель правого горного берега

Волги [Фасмер, 1986, с. 445]. Он русский дворянин и помещик. То есть с его образом связан в «Записках из Мертвого дома» образ России, а значит «судьба» и «предназначение» России, о которых пишет Достоевский в стихотворении ««На европейские события в 1854 году», тоже имеет с судьбой героя прямую связь.

Литература

1. Библийская энциклопедия. Репринтное издание. — М.: ТЕРРА, 1990. — 905 с.

2. Брут А. И. Землеописание известного древним света из разных источников, составленное Санкт-Петербургского университета адъюнкт-профессором Александром Брутом: В 2 ч., с принадлежащим к оному собранием нужнейших карт. [Ч. 1–2]. — Санкт-Петербург: тип. Мед. деп. М-ва вн. дел, 1828–1830. — 2 т.; 20. // <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003824799#?page=189> (дата обращения 12.05.21)

3. Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти томах. — Л., Наука, 1972. — Том 4. — 326 с.

4. Достоевский Ф. М. Письма 1832–1859 // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти томах. — Л., 1985. — Т. 28. — Ч 1. — 572 с.

5. Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти томах. — Л., Наука, 1972. — Том 2. — 527 с.

6. Евангелие Достоевского. [В 2 т. Т. 2]: Личный экземпляр Нового Завета 1823 года издания, подаренный Ф. М. Достоевскому в Тобольске в январе 1850 года. — М.: Русский миръ, 2010. — 656 с.

7. Захаров В. Н. Достоевский и Евангелие // Евангелие Достоевского. [В 2 т. Т. 2]: Исследования. Материалы к комментарию. — М.: Русский миръ, 2010. — 480 с.

8. Касаткина Т. А. Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания / Отв. ред. Е. А. Тахо-Годи. — М.: Водолей, 2019. — 336 с.

9. Касаткина Т. А. О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф. М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». — М.: ИМЛИ РАН, 2004. — 480 с.

10. Лисовой Н. Н. Русское духовное присутствие в Святой Земле в XIX — начале XX в. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://ros-vos.net/history/ippo/kon/5/> (дата обращения 12.05.21)

11. Миревич И. В. Сибирь — «земля благословенная» // Алтайский текст в русской культуре: сб. ст. / под ред. М. П. Гребневой, Т. В. Чернышовой и др. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. — Вып. 8. — 342 с.

12. Мочульский К. Гоголь. Соловьев. Достоевски. — М.: Республика, 1995. — 607 с.

13. Норов А. С. Путешествие по святой земле в 1835 г.: В 2 частях. — Санкт-Петербург, типография А. Смердина, 1838 г. // https://azbyka.ru/otechnik/Avraam_Norov/puteshestvie-po-svjatoj-zemle-v-1835-godu/2_13 (дата обращения 12.05.21)

14. Тихомиров Б. Н. Отражения Евангельского Слова в текстах Достоевского. Материалы к комментарию // Евангелие Достоевского. [В 2 т. Т. 2]: Исследования. Материалы к комментарию. — М.: Русский мир, 2010. — 480 с.

15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1 (А-Д): пер. с нем и доп. О. Н. Трубачева / под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. — 2-е изд., стер. — М.: Прогресс, 1986. — 576 с.

О. И. Плешкова

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА Ю. НИФОНТОВОЙ «ЕРМОШКА ДОБРОДЕЙ И ВОЛШЕБНЫЕ ЧАСЫ» В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Аннотация: В статье представлен опыт рассмотрения повести-сказки Ю. Нифонтовой «Ермошка Добродей и волшебные часы» в аспекте теории литературной эволюции. Цель исследования — уточнение места произведения в отечественном литературном процессе, констатация его значимости как необходимого «момента» литературной эволюции.

Ключевые слова: литературная сказка, детская литература, литературная эволюция, фольклорная традиция, литературный процесс.

O.I. Pleshkova

Altai State Pedagogical University, Barnaul

YU. NIFONTOVA'S FAIRY TALE "ERMOSHKA DOBRODEY AND THE MAGIC WATCH" IN THE ASPECT OF THE THEORY OF LITERARY EVOLUTION

Summary: The article studies the fairy tale by Yu. Nifontova "Ermoshka Dobrodey and the magic watch" in the aspect of theory of literary evolution. The purpose of the study is to clarify the place of the work in Russian literary process.

Key words: literary fairy tale, children's literature, literary evolution, folklore tradition, literary process.

Книга Юлии Нифонтовой «Ермошка Добродей и волшебные часы» с иллюстрациями А. И. Ермоловича вышла в «Алтайском доме печати» в 2017 году в рамках краевого конкурса на издание литературных произведений [Плешкова, 2018]. Несомненно ориентированность повести-сказки как на детей младшего школьного возраста, так и на взрослых читателей, что обусловлено постмодернистской доминантой текста. Двадресная направленность книги мотивировала неоднозначность отзывов, часто не принимающих во внимание художественные особенности произведения. Так, например, автора упрекали в «использовании непонятных слов» и «спекуляции сиротской темы» [Отзывы]. Рассмотрение повести-сказки Ю. Нифонтовой «Ермошка Добродей и волшебные часы» в аспекте литературной эволюции, уяснение «точек отталкивания» произведения позволяет уточнить место произведения в отечественном литературном процессе.

Следует отметить, что повесть-сказка «Ермошка Добродей и волшебные часы» соединила классическую *взрослую* тему «отцов и детей» с поэтикой фольклорной сказки и приключенческой литературы. Актуальность *взрослой* тематики аргументирована современными бытовыми реалиями — отсутствием родительского внимания к собственным детям, воспитанием которых часто занимаются бабушки и дедушки. В этом плане страдания героини повести-сказки Ю. А. Нифонтовой, шестилетней Оли, оставленной матерью в связи с «новым замужеством» на попечение бабушки, мотивируют вари-

рование в тексте произведения трагического начала. Данный аспект сюжета, действительно, позволяет включить повесть-сказку в систему произведений о несчастных детях-сиротах, обретающих любовь в ином мире (пример — сказка Г.Х. Андерсена «Девочка со спичками» (1845), рождественский рассказ Ф.М. Достоевского «Мальчик у Христа на ёлке» (1876) и др.). Однако необходимо отметить, что художественная реализация трагической тематики в повести-сказке Ю. Нифонтовой не видится основной задачей автора. Поскольку главным адресатом книги является читатель-ребёнок, автор вводит в сюжет произведения приключения, сопровождаемые комичными ситуациями, в которые попадает Оля со своими друзьями — игрушками и домовёнком Ермошкой Добродеем. В этом проявляется так называемый *детский* аспект сюжета, *детское* начало произведения, созданного в лучших традициях литературы для детей.

В связи с этим необходимо отметить «отталкивание» автора (термин Ю.Н. Тынянова [Тынянов, 1977, с. 292–294]) от традиций фольклора и отечественной литературы XX века, переработку и трансформацию этих традиций в системе повести-сказки «Ермошка Добродей и волшебные часы», что позволяет представить произведение Ю. Нифонтовой новым, эволюционным «моментом» литературы для детей.

Так, среди фольклорных источников повести-сказки Ю. Нифонтовой видится значимым:

- использование образов славянского фольклора, в первую очередь — домового, функция которого — беречь, сторожить дом. Имя домового в повести-сказке — «Ермошка Добродей» — вынесено в заглавие произведения. Персонаж появляется впервые в Главе третьей, предупреждая Олю о недопустимости опрометчивых поступков. Его внешность («маленький и худенький» мальчик с «вихрастой головой» [Нифонтова, 2017, с. 23–27]), называние себя «домо-сохранителем» и «Домовым во семьдесят седьмом колене» рождают ассоциации с Домовёнком Кузькой, героем повести-сказки Т. Александровой «Дом для Кузьки» (1977). Как и Кузька, Ермошка Добродей выступает носителем нравственности, добра и правды. В повести-сказки Ю. Нифонтовой этот персонаж оказывается включённым в приключенческий сюжет, помогая главной героине решить ряд проблем на пути взросления и обретения своего места в жизни.

- включение в систему текста повести-сказки конструктивных элементов малых фольклорных жанров (пестушек, потешек, считалок, закличек) и игрового детского фольклора (прятки, игра в дочки-матери и пр.). Так, Глава первая, названная «Потягушечки», начинается с описания утреннего пробуждения героини и ритмизованных бабушкиных слов: «Бабушка, присев на край Олиной кровати, слегка потягивала её сначала за руки, потом за ноги, приговаривая: «Тяги-тяги-тяги, растите, работяги! Потягушки-потягушки, Олю ждут её игрушки» [Нифонтова, 2017, с. 5]. Волшебство действий бабушки в данном случае видится в передаче невероятного заряда любви внучке. Оставленная матерью, девочка получает всю силу любви через другого взрослого — бабушку. Значимо, что «просыпательная» игра сменяется своеобразным разговором, опять же идущим от бабушки: «Бабушка настойчиво подвела внучку к рукомойнику и начала смывать остатки сна прохладной водой: «Водичка, водичка, умой моё личико. Чтоб смеялся роток, чтоб кусался зубок» [Нифонтова, 2017, с. 5]. Пестушки, потешки, заклички, всевозможные подвижные игры сопровождают героиню на протяжении всего художественного повествования, подводя в финале к неизбежному взрослению. Глава четырнадцатая, названная «Концерт на брёвнышках», имеет подзаголовок: «Оля становится чуть-чуть взрослее и принимает важное решение» [Нифонтова, 2017, с. 120].
- варьирование композиционных элементов фольклорной волшебной сказки.

Ориентация на волшебную сказку — очень важный приём повести-сказки «Ермошка Добродей и волшебные часы», который находит отражение в таких сюжетных ситуациях, как:

«*Запрет*» (здесь и далее — термины теории фольклора В. Я. Проппа [Пропп, 2002]). Героиня Ю. Нифонтовой, девочка Оля, узнаёт о некоем подарке от мамы, который нельзя видеть до определённого срока. Значимо, что данным подарком выступает ранец первоклассника, становящийся в системе повести-сказки своеобразным сакральным, волшебным предметом, вокруг которого и разворачиваются основные события. Одновременно ранец первоклассника маркирует героиню как девочку, находящуюся в переходном периоде между дошкольным детством и новой школьной жизнью, в чём видится от-

сылка к обряду *инициации*, необходимому конструктивному жанровому элементу волшебной сказки.

«*Нарушение запрета*». Оля со своими друзьями-игрушками проникает в запретное помещение, кладовку, чтобы найти мамин подарок, преждевременное обнаружение которого и влечёт «наказание» — следующий этап развития сюжета волшебной сказки.

«*Наказание*» выражено целым рядом ситуаций: а) потерей замечательного ранца (который в тексте неслучайно назван «сокровищем» [Нифонтова, 2017, с. 22]); б) столкновением со злыми силами — «дядьями-колдунами», «сарашниками» Кочебором Колядычем и Свиркой, поэтика имён которых с набором труднопроизносимых звуков указывает на их потусторонность; в) заколдованность героини (уменьшение роста и последующая потеря памяти), сделавшая её предельно уязвимой для злых колдунов; г) самым страшным наказанием для героини выступает смертельная болезнь бабушки — проявление чар злых колдунов. Предотвращение неминуемой смерти бабушки представляет следующий этап сказочной композиции — «испытание героя».

«*Испытание*». Испытание Оли и её друзей, ищущих спрятанный злыми колдунами ключ от часов, от которых зависит жизнь бабушки, происходит вне дома. Пространство двора и огорода, по которому вынуждены передвигаться герои, представляется пародической трансформацией *иного* пространства (согласно традициям фольклорно-сказочной поэтики). Атрибутика *иного* пространства в тексте Ю. Нифонтовой проявляется в изменении привычных образов (кот Марсик начинает говорить человеческим голосом; комары, муравьи, соседская собака и пр., встреченные по пути герои оказываются огромными вследствие уменьшения роста героини), а также в пейзаже, что видится очень значимым. Огород для уменьшенной Оли становится непроходимым лесом («джунглями» [Нифонтова, 2017, с. 87–92]), посещение которого в традициях волшебной сказки при соблюдении определённых условий приводит к *инициации*, взрослению героя и обретению им счастья, что мы наблюдаем в финале книги. Сюжетная ситуация с уменьшением Оли, её трансформацией во «вредную фею-озорницу» и временное «забывание» о том, «кто она на самом деле», вызывают ассоциации с известными произведениями мировой литературы: «Необыкновенными приключениями Карика и Вали» (1937) Я. Ларри и «Сказкой о потерянном времени» (1940) Е. Шварца, что указывает на их творческое заимствование.

Обретение счастья через испытание. После нахождения заветного ключа и возвращения привычного хода старинным бабушкиным часам Оля, как отмечает автор в названии последней, 14 главы, «становится чуть-чуть взрослее и принимает важное решение» [Нифонтова, 2017, с. 120]. Бабушка выздоравливает, семья восстанавливается, в чём и видится непосредственное детское счастье. В финале произведения в гости к Оле приходит горячо любимая девочкой мама со своим «новым мужем», «высокомерным взрослым дядькой» [Нифонтова, 2017, с. 124–125]. Все вместе они смотрят подготовленный Олей со своими друзьями-игрушками концерт, основным номером которого является придуманная героиней «песня про маму». Апофеоз детского счастья в финале произведения подчёркивается намекающимися изменениями в восприятии ситуации матерью девочки. Несмотря на то, что «новый мамин муж» во время концерта скучает, «с неизбежной тоской разглядывая носок собственного ботинка», мама смотрит «весёлый концерт со слезами» и с «растерянным печальным лицом» [Нифонтова, 2017, с. 125]. Этой деталью автор произведения подчёркивает, что обретение взаимопонимания между «отцами и детьми» не только необходимо, но и возможно.

Повесть-сказка Юлии Нифонтовой «Ермошка Добродей и волшебные часы» стала первой в серии книг о приключениях девочки Оли и её друзей. В 2019 году вышло продолжение — «Ермошка Добродей и заколдованная кукла» [Нифонтова, 2019]. Третья книга серии — «Ермошка Добродей и куриный бог» в настоящее время готовится к печати.

Как показало исследование, ориентация на традиции фольклора и *предшествующей* литературы, их творческая переработка, делает произведение Юлии Нифонтовой «Ермошка Добродей и волшебные часы» необходимым *моментом* эволюции литературы для детей. Рассмотрение повести-сказки про Ермошку и волшебные часы в системе создающейся авторской серии позволит чётче выявить отражение законов эволюции литературы и мотивирует на последующее научное исследование.

Литература

Нифонтова Ю. А. Ермошка Добродей и волшебные часы: сказка. — Барнаул: Алтайский дом печати, 2017. — 128 с.

Нифонтова Ю. А. Ермошка Добродей и заколдованная кукла: сказка. «ЛитРес: Самиздат», 2019. [Электронный ресурс]. — Режим

доступа: <https://www.litres.ru/uliya-anatolevna-nifontova/ermoshka-dobrodej-i-zakoldovannaya-kukla/>. — Дата обращения 01.08.2021.

Плешкова О. И. Рецензия на книгу Юлии Нифонтовой «Ермошка Добродей и волшебные часы» // Культура Алтайского края. — 2018. — № 1. — С.15–16.

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп; научная редакция, текстологический комментарий И. В. Пешкова. — М.: Издательство «Лабиринт», 2002. — 336 с.

Отзывы о книге «Ермошка Добродей и волшебные часы» Юлии Нифонтова [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.livelib.ru/book/1002752898/reviews-ermoshka-dobrodej-i-volshebnye-chasy-yuliya-nifontova>. — Дата обращения 01.08.2021.

Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. — М.: Наука, 1977. — 575 с.

Ж. Т. Рахатова

Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический и природно-ландшафтный музей-заповедник, г. Усть-Каменогорск

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ ЕЛЕНЫ ГО СУН ЧИН

Аннотация: Известный и профессиональный художник, мастер декоративно-прикладного искусства. Многие годы расписывает традиционной и современной росписи (дерево, стекло, металл). Участница международных и республиканских конкурсов и выставок. В фондах областного и этнографического музея заповедника хранятся многочисленные изделия мастера.

Ключевые слова: Музей, фонд, ремесло, изделия, дерево, роспись, творчество, возрождения.

Z.T. Rakhatova

East Kazakhstan Regional Architectural and Ethnographic and Natural Landscape Cultural Preserve, Republic of Kazakhstan, the city of Ust-Kamenogorsk

TRADITIONS AND MODERNITY IN THE WORKS OF ELENA GUO SUN CHIN

Summary: A well-known and professional artist, master of decorative and applied arts. For many years, she has been making traditional and modern paintings (wood, glass, metal). She is the participant of international and national competitions and exhibitions. The funds of the regional and ethnographic cultural preserve contain numerous products of the master.

Key words: Museum, fund, craft, products, wood, painting, works, renaissance.

О появлении на свет Елены Го Сун Чин (урожд. Ильиной), а также её брата и сестры, родившихся с ней вместе 30 сентября 1964 года с разницей в несколько минут, узнало, благодаря местной прессе, почти всё население Семипалатинска. Ведь рождение тройни — событие довольно редкое. Столь раннюю известность уже по факту своего рождения, наверное, сейчас можно посчитать предвестником будущей славы художницы. От природы Елена Андреевна одарена не только художественным талантом, но и огромной работоспособностью, трудолюбием, силой воли, что помогает ей достичь в своём любимом деле больших успехов.

В школьные годы, с 5 по 10 класс, она увлечённо занималась в изостудии при Доме культуры железнодорожников, где её наставником был известный семипалатинский художник Александр Алексеевич Шевченко. Именно его Елена считает главным своим учителем в изобразительном искусстве. Она, конечно же, мечтала о карьере живописца, готовилась к поступлению в художественное учебное заведение, но по семейным обстоятельствам этого сделать не удалось. Поэтому волею судьбы, после окончания школы девушка приходит работать в сувенирный цех семипалатинского лесхоза, который специализировался на декорировании деревянных изделий в народном стиле, в основном хохломской росписи. Здесь молодая художница встретила с определенными трудностями на своём творческом пути, с которыми, надо отметить, она довольно быстро и успешно справилась. Дело в том, что та технология, которую традиционно используют в народной росписи, кардинально отличается от классических приёмов живописи, которым обучалась Елена в изостудии. Это и совершенно другая постановка руки при держании кисточки, и способ нанесения красок, исключаящий их смешивание на палитре, и точность, уверенность мазков кисти, которые уже невозможно переписать заново, как в станковой картине, а также строгое соблюдение канонов и многоэтапность технологии росписи.

В течение десяти лет работы в сувенирном цехе (1982–1992 гг.) Елена Андреевна стала ведущим художником по росписи, с каждым годом совершенствуя своё мастерство. Кроме того, за это время сбылась её давняя мечта — она получила профессиональное образование, окончив московский Заочный Народный Университет Искусств им. Н. Крупской, отделение станковой живописи (1988 г.). Но с развалом экономики в начале 90-х, когда закрывались многие предприятия, прекратил свою деятельность и сувенирный цех, в котором ра-

ботала Елена. В течение следующих двух лет она занималась художественно-оформительскими работами, попробовала свои возможности в монументально-декоративной живописи при украшении интерьера детского сада. Но любовь к созданию расписных сувениров никогда не покидала мастерицу, она продолжала заниматься этим искусством в домашней мастерской, а вскоре полностью перешла на работу по частным заказам. Художница стала расписывать не только деревянные изделия — посуду, шкатулки, пасхальные яйца, декоративные панно и др., но также использовать для росписи предметы из других материалов — стеклянные бутылки, чайные сервизы и винные наборы, металлические подносы, самовары и др.

За годы самостоятельной творческой деятельности имя Елены Го Сун Чин стало известно не только в её родном городе, но также во многих областях Казахстана и за его пределами — в России, Украине, Китае, Германии и других странах. Она не только занимается частными заказами, но и принимает активное участие в различных выставках, конкурсах, фестивалях. В 2006 году стала лауреатом Международной выставки изобразительного и декоративно-прикладного искусства, посвящённой году А. С. Пушкина в Казахстане, в 2007 — лауреатом выставки, проводимой в рамках V Международного фестиваля русского искусства (г. Семей, музей изобразительных искусств им. семьи Невзоровых), в 2009 году становится финалистом Республиканского конкурса ремесленников «Шебер» в Астане. Благодаря сотрудничеству с Восточно-Казахстанским областным архитектурно-этнографическим и природно-ландшафтным музеем-заповедником в ноябре 2012 года здесь состоялась персональная выставка работ художницы.

В настоящее время мастерица работает в техниках как традиционного народного искусства, так и применяет в своём творчестве способы стилизации и интерпретации национального орнамента, получающего в её работах яркое современное звучание. Из народных видов декоративной живописи в изделиях Елены Андреевны преобладает хохломской стиль росписи, в котором она работает с артистизмом и лёгкостью состоявшегося мастера. Художница в своей работе соблюдает традиционную технологию хохломы, стараясь сохранить все её художественные особенности.

Необходимо отметить, что среди всех видов народной живописи хохломской промысел особенно выделяется по мотивам росписи, колориту и технике. В нём используется только растительный орна-

мент (изредка орнитоморфный) в отличие от других росписей, где наряду с растительными мотивами в той ли иной мере присутствуют изображения животных, птиц, людей, сюжетные композиции, а иногда и пейзажи. Техника исполнения в хохломском промысле является наиболее сложной, многоступенчатой, затратной по времени и материалам. Только в хохломе встречается термическая обработка изделий в печи и уникальный способ создания золочёного фона деревянных изделий. Это один из старейших видов народной росписи, зарождение которого произошло во второй половине XVII века благодаря слиянию двух направлений русского искусства — художественной обработки дерева и традиций иконописной школы.

Технология хохломской росписи состоит из нескольких этапов. Сначала белую деревянную посуду — «бельё» грунтуют жидким раствором очищенной глины — «вапой». Затем изделие сушат и покрывают лаком несколько раз в течение дня. Следующий этап — «лужение», т. е. втирание в поверхность изделия металлического порошка. В старину это было серебро, затем олово, в настоящее время применяют, как правило, алюминиевый порошок. После лужения предметы приобретают красивый бело-зеркальный блеск и готовы для росписи. Перед расписыванием поверхность изделия необходимо покрыть ещё слоем лака и высушить. Роспись выполняется масляными красками с помощью тонких кисточек, которые в старину мастера делали сами из хвоста белки или шерсти кошки. Кстати, Елена Андреевна соблюдает эту древнюю традицию, самостоятельно изготавливая кисти для своих работ из беличьего меха. Кисти должны быть упругими и эластичными, позволяющими делать и очень широкие мазки, и очень тонкие линии. Готовую роспись закрепляют сушкой в печи. Далее следует нанесение нескольких слоев лака (каждый слой сушится отдельно). И завершающий этап — закалка изделия в печи при температуре 270–300°C.

Характерную особенность хохломских изделий — сочетание в росписи трёх цветов: золота с красным и чёрным — во многом определил именно технологический фактор Хохломы, т. к. эти три цвета, не изменяясь и не тускнея, выдерживают закалку в печи при очень высоких температурах. Кроме того, лаконичность и ясность колорита создают индивидуальный стиль Хохломы — чёрно-красная гамма росписи с золотом придаёт изделиям сдержанность и строгость. Иногда для оживления узора допускается использование и некоторых других цветов таких, как коричневый, светло-зеленый,

жёлтый и белый. Разнообразить изделия помогают и бесчисленные варианты орнаментов, основанные на двух старинных системах хохломской росписи: «верхового» и «фонового» письма. «Верховое» письмо — это роспись, нанесённая красной и чёрной краской поверх золотого фона изделия. При «фоновом» письме сначала намечается контур орнамента, а потом золотой фон закрывается красным или чёрным цветом, оставляя золото не закрашенным в орнаменте.

Используя характерные мотивы и композиционные приёмы хохломской росписи, художница создаёт разнообразные, по-праздничному нарядные изделия. Это и комплекты посуды, и самостоятельные предметы — вазочки, сахарницы, поставцы, чаши, ложки и др. В фондах Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника имеется достаточно большая и интересная коллекция работ Елены Андреевны (более 50-ти предметов), многие из которых экспонируются на стационарных выставках. Среди них наиболее крупной работой в стиле хохломской росписи можно назвать набор деревянной посуды для салата, который выполнен в технике фонового письма — на красном фоне золотисто-чёрный рисунок композиции с использованием растительных и орнитоморфных мотивов.

Новаторством Елены Го Сун Чин является то, что в качестве материала для хохломской росписи она использует кроме дерева, ещё и стеклянные изделия — различные фигурные бутылки, вазы, сервизы. Технология росписи почти такая же, как и при росписи деревянных предметов. Стеклянные изделия она предварительно покрывает шестью слоями лака, каждый слой лака обжигает в духовке при температуре 100°С. После первого слоя натирает губкой с полудой (белый металлический порошок), потом сушит в духовке. После обжига покрывает золотом и расписывает. Под волшебной кистью художницы стеклянные бутылки, которые до этого момента считались бросовым материалом, вдруг превращаются в настоящие произведения искусства, от которых невозможно отвести глаз. В росписи стеклянных изделий мастерица очень часто использует изображение птицы в различных вариациях, мотив которой символизирует счастливую, светлую жизнь.

Нередко в своём творчестве художница обращается к традициям другой самобытной народной росписи — петриковской. Своё название этот промысел получил по наименованию места его возникновения — села Петриковка, что находится в украинском Запорожье.

Для петриковской росписи характерна разнообразная, яркая цветовая гамма узора на светлом, как правило, белом фоне, т.к. этой росписью в старину украшали белёные стены украинских хат. Преобладающим является цветочный орнамент, нередко встречаются и мотивы животного мира, особенно изображения птиц таких, как пегухи, совы, павлины. Эта роспись отличается особой декоративностью и жизнерадостностью. В своих работах с петриковской росписью Елена Андреевна использует определённую цветовую гамму, состоящую из жёлтых, оранжевых, охристых и коричневых тонов, благодаря которым изделия излучают ощущения уюта и тепла.

В последнее время художница уделяет много внимания разработке различных вариантов композиций с казахским национальным орнаментом, которым украшает наборы для кумыса и иримшика, а также сахарницы, поставцы, декоративные доски. Традиционный орнамент в художественной обработке мастерицы приобретает новые черты, созвучные современности. Для росписи Елены Го Сун Чин в казахском народном стиле характерно использование в композиции крупных форм орнамента, насыщенной цветовой гаммы, построенной на контрасте фона с узором росписи, тональной раскладке и применении эффекта сияния. Эти изделия заняли достойное место в различных экспозициях Восточно-Казахстанского музея-заповедника, а также экспонируются на передвижных выставках и фестивалях декоративно-прикладного искусства.

Кроме стилизованной народной росписи, Елена Андреевна использует в своём творчестве и свободный стиль, в котором создаёт разнообразные цветочные композиции как декоративного, так и реалистичного характера. На чашах, вазах, поставцах и подносах то загораются ярким пламенем осени веточки рябины, то излучают свет и тепло солнечные ромашки, распускаются прекрасные лилии и нежные ландыши. В таких работах с наибольшей силой проявляется творческая фантазия художницы, выраженная в свободном выборе композиции, в использовании разнообразной цветовой палитры и различных технических приёмов.

Творчество Елены Го Сун Чин, богатое темами, мотивами и техниками росписи, отличается высочайшим профессионализмом и мастерством, что в наше время встречается не часто. Но самый главный секрет успеха художницы, наверняка, кроется в том, что своими работами она дарит нам ощущение счастья и радости жизни, учит ценить красоту и неповторимость каждого её мгновения. Всё творче-

ство художницы согрето любовью и добрым отношением к окружающему миру: природе, людям, животным и растениям. Обладая такими магнетическими свойствами, произведения мастерицы никого не оставляют равнодушными, приковывают к себе внимание зрителей, вызывая у них неподдельный интерес и восхищение.

Литература

1. Бардина Р.А. Изделия народных художественных промыслов. — М., 1990.

Е. Д. Трухан

МАУК «Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского»,
Новокузнецк

«МОЖЕТ БЫТЬ, Я ТОЛЬКО ОДИН ИЗ ЗДЕШНИХ И УМЕЛ ЦЕНИТЬ ЕГО»¹¹

(А. И. Исаев в эпистолярном наследии Ф. М. Достоевского)¹²

Аннотация: Статья посвящена сибирскому другу Ф. М. Достоевского — Александру Ивановичу Исаеву, образ которого сформировался в эпистолярном наследии писателя в 1855–1857 годы. Исследование имеет обзорный характер, актуально для изучения биографии Ф. М. Достоевского в контексте его окружения и литературоведческого анализа персонажей, прототипом которых стал А. И. Исаев.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Александр Иванович Исаев, окружение Достоевского, биография, письма Достоевского 1855–1857 гг.

E. D. Trukhan

Literary-memorial Museum of F. M. Dostoevsky, Novokuznetsk

“MAY BE I WAS JUST ONE OF THOSE PEOPLE, WHO APPRECIATED HIM”

(A. I. Isaev in the epistolary heritage of F. M. Dostoevsky)

Summary: The article deals with the Siberian friend of F. M. Dostoevsky, Alexander Ivanovich Isaev, whose image was formed in the epistolary legacy of the writer in 1855–1857. The study is of an overview nature, relevant for studying the biography of F. M. Dostoevsky in the context of his environment and literary analysis of the characters whose prototype was A. I. Isaev.

¹¹ Достоевский Ф. М. Письма 1832–1859 // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 28. Кн. 1. — Л., 1985. — С. 190. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи в круглых скобках с указанием страницы.

¹² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Кемеровской области в рамках научного проекта № 20–412–420002. The reported research was funded by Russian Foundation for Basic Research and the government of the region of the Russian Federation, grant № 20–412–420002.

Key words: F. M. Dostoevsky, Alexander Ivanovich Isaev, Dostoevsky's environment, biography, Dostoevsky's letters of 1855–1857.

Среди сибирских друзей и знакомых Ф. М. Достоевского одной из самых загадочных фигур был и остаётся Александр Иванович Исаев (1822–1855), друг по семипалатинскому периоду жизни, первый муж Марии Дмитриевны Исаевой (в девичестве — Констант), ставшей впоследствии женой писателя.

Загадочность его видится в сосуществовании с середины XIX века до настоящего времени нескольких «текстов личности», основанных на резком диссонансе восприятий. С одной стороны, мы имеем дело с положительно-сочувственным, благожелательным, преисполненным дружбы и искренней признательности отношением к нему Ф. М. Достоевского. С другой — с неприязненным, клеймящим социальным мнением, «бытовым текстом», устойчиво негативной репутацией, фактически подменившей реального человека. Эти «тексты личности» Исаева сформировались в XIX — начале XX века в эпистолярном, мемуарно-автобиографическом, историко-краеведческом дискурсах и бытуют до сих пор в литературных жизнеописаниях писателя и исследованиях о нём.

Цель данной статьи — на основе писем Ф. М. Достоевского середины XIX века сформировать «эпистолярный текст» А. И. Исаева. В последующем это значительно облегчит поиск истоков и причин мифологизации этой личности, появления фактических ошибок в биографии. Изучение «эпистолярного текста» Исаева непосредственно связано со способами характеростроения литературных персонажей Достоевского, во основе которых — прототип, с взаимодействием реальной и мифологизированной составляющей персонажа, с изучением прототипа в контексте архивных документов, а литературного образа — в контексте авторского художественного мира.

Вплоть до конца 1980-х годов достоевковеды располагали недостаточными данными об А. И. Исаеве. В 1987 году об этом писал публикатор малоизвестных фактов о пребывании Достоевского в Кузнецке П. В. Бекедин:

«Сохранившиеся отзывы об А. И. Исаеве, принадлежавшие людям, общавшимся с ним или слышавшим о нём от его знакомых, имеют однотипный характер. <...> Сведения об А. И. Исаеве весьма скудны» [Бекедин, 1987, с. 230].

Несмотря на то, что спустя два года появились статьи Н. И. Левченко [6, 7] об Александре Исаеве, основанные на архивных документах, ситуация сильно не изменилась. Противоречивые мнения об А. И. Исаеве, его отношениях с членами семьи и Ф. М. Достоевским продолжают транслироваться до настоящего времени.

В поисках ответа на многие вопросы целесообразно обратиться, прежде всего, к эпистолярным текстам Ф. М. Достоевского, так как они являются эго-документами, изначально не предназначенными для публикации и максимально приближенными ко времени знакомства¹³ писателя с семейством Исаевых. Именно поэтому «... степень достоверности дневниковой и эпистолярной прозы, если рассматривать эту группу текстов в аспекте отражения пишущим реальных фактов и событий, гораздо выше, чем мемуарно-автобиографической прозы» [Бондарь, 2013, с. 113]. К тому же, Ф. М. Достоевский был лично знаком с А. И. Исаевым, неоднократно общался с ним, с неизменным уважением относился к нему.

В эпистолярном тексте Ф. М. Достоевский создает нелинейный, сложный, но светлый образ своего «друза и брата» Александра Исаева. На знакомство с Исаевыми он «никогда не смотрел, как на обыкновенное» (28/1; с. 187) и считал, что их, не иначе, как ему «Бог послал» (28/1; с. 201). Несмотря на то, что Достоевского «не он (Исаев — Е. Т.) привлекал, ... а жена его, Марья Дмитриевна» (28/1; с. 201), Александр Иванович всё-таки не становится для писателя «проходной», эпизодической фигурой: Фёдор Михайлович упоминает о нём неоднократно, в 12 посланиях времён кузнецких событий к разным адресатам (М. Д. Исаевой, А. Е. Врангелю, М. М. Достоевскому, В. М. Карепиной, Д. С. Константу, И. В. Ждан-Пушкину, В. Д. Констант). Кроме того, имя чиновника мелькает и в более поздней переписке, например, в письме к пасынку П. А. Исаеву от 6 (18) января 1871 года.

В отличие от других семипалатинцев, писатель близко сошёлся с Исаевым и его семьей и вскоре оказался посвящен во многие подробности их жизни. У Достоевского было достаточно времени, чтобы детально узнать обоих супругов и их сына. Причем, Александра Ивановича изучить настолько, что после его смерти, в письме барону А. Е. Врангелю от 14 августа 1855 года, утверждать: «*Может быть,*

¹³ Ф. М. Достоевский — Д. С. Константу, 20 апреля 1857 года: «Я познакомился с Марьей Дмитриевной в 54 году, когда по прибытии моём в Семипалатинск был здесь еще всем чужой» (28/1; с. 279).

я только один из здешних и умел ценить его» (28/1; с. 190). Эта фраза претендует и на достоверность сведений, которые транслирует Достоевский в эпистолярной, и на знание тонкостей характера Исаева и всех его жизненных перипетий, и на адекватность оценки этой личности.

Впервые имя А. И. Исаева возникает в переписке Достоевского 4 июня 1855 года: наряду с его женой Марией Дмитриевной он становится адресатом общего дружеского письма, полного признательности, любви, тоски по ушедшему:

«Надеюсь, что Вы и Александр Иванович позволите мне называть вас обоих именем друзей. Ведь друзьями же мы были здесь, надеюсь ими и останемся» (28/1; с. 186). *«Александр Иванович за родным братом не ходил бы так, как за мною. Сколько неприятностей доставлял я Вам моим тяжелым характером, а вы оба любили меня»*. (28/1; с. 187). *«Я вас обоих никогда не забуду, и вечно вам буду благодарен. Потому что я уверен, что вы оба не понимаете, что вы для меня сделали и до какой степени такие люди, как вы, были мне необходимы»* (28/1; с. 187).

Наряду с уверениями в сердечной привязанности, благодарностями, крепкими рукопожатиями и объятиями, дружескими поцелуями, надеждой вскорости получить от Исаева письмо, Достоевский отправляет Александру Ивановичу через Марию Дмитриевну пожелания встретить в Кузнецке *«лучшую компанию»*:

«Обнимаю его от всего сердца и как друг, как брат желаю ему лучшей компании. Неужели и в Кузнецке он будет так же неразборчив в людях, как в Семипалатинске? Да стоит ли этот народ, чтоб водиться с ним, пить-есть с ними и от них же сносить гадости! Да это значит вредить себе сознательно! И как противны они, главное, как грязно. После иной компании так же грязно на душе, как будто в кабаке сходил. Надеюсь, Александр Иванович за мои пожелания на меня не рассердится» (28/1; с. 189).

Обратим внимание, что Достоевский отмечает способность Исаева привлекать к себе людей недостойных, водить с ними дружбу. Он говорит о его простодушной открытости и доверчивости, неумении разбираться в людях, которые, в итоге, оборачиваются против него самого: вместо сочувствия чиновник получает насмешки компании, гуляющей за его же счёт, и вовлекает себя в новые неприятности и огорчения. Об этой же черте характера Александра Исаева

ва Ф. М. Достоевский сообщает и своему брату Михаилу 13–18 января 1856 года:

«Он (А. И. Исаев — Е. Т.) очень опустился в общем мнении и имел много неприятностей; но вынес от здешнего общества много и незаслуженных преследований» (28/1; с. 201).

Иными словами, Достоевский подмечает у Исаева черты, способные в социуме спровоцировать развитие «стадной» болезни, как в природе: больного животного или птицу специально преследуют сородичи, чтобы «заклевать», физически уничтожить. В этом же письме Ф. М. Достоевский именует Исаева «беспечным мужем» (28/1; с. 201), то есть таким, кто легкомысленно и безответственно относится к собственным и семейным нуждам, и добавляет, что ему, *«по праву дружбы, много читал наставлений»* (28/1; с. 201). Видимо, пожелание лучшей компании, как раз и было одним из них.

Неудачи Исаева в карьере и невозможность адаптации в социуме после увольнения тесно связываются Достоевским с социальным неблагополучием семьи. Один из самых тяжелых периодов для неё он описывает так:

«Почти не было куска хлеба, и я едва-едва достиг того, после долгой, истинной дружбы, чтоб они позволили мне поделиться с ними» (28/1; с. 202).

Ценность эпистолярного текста Достоевского 1855–1857 годов состоит и в представлении развёрнутого и точного нравственно-психологического и социального портрета А. И. Исаева. Достоевский рисует его как часть обедневшего дворянского семейства, а не как одинокий маргинальный «осколок», никак не связанный со своими близкими. Поэтому одной из главных черт в портретной характеристике становится история скоротечного финансового и социального падения Александра Ивановича:

«Он имел здесь место, очень недурное, но не ужился на нём и по неприятностям вышел в отставку. Когда я познакомился с ними, он уже несколько месяцев как был в отставке и всё хлопотал о другом каком-нибудь месте. Жил он жалованьем, состояния не имел, и потому, лишись места, мало-помалу они впали в ужасную бедность. Когда я познакомился с ними, еще они кое-как себя поддерживали. Он надедал долгов» (28/1; с. 201).

Показательно, что развитие истории Исаева и его семьи, вплоть до трагичного финала этой противоречивой натуры, Достоевский

описывает брату Михаилу вновь в «социально-служебно-финансовых» координатах:

«Наконец ему вышло место, в Кузнецке, Томской губернии, заседателем, а прежде он был чиновником особых поручений при таможене; переход от богатой и видной должности к заседательству был очень унижен» (28/1; с. 201).

Достоевский включает в характеристику неблагополучия семьи Исаевых дополнительные «показатели», обусловленные поведением главы семейства — отсутствие друзей и знакомых, поддержки близких, ссоры между родственниками:

«С ними почти все раззнакомились, частью через мужа. Да они и не могли поддерживать знакомств» (28/1; с. 201), *«Слава Богу, теперь ей помогают родные, с которыми она была несколько в ссоре, через мужа»* (28/1; с. 202).

Прорисовывая в эпистолярной образ жизни и черты характера Исаева, писатель несколько не умаляет его достоинств — доброты, благородства, образованности, развитости натуры, но в то же время показывает и влияние обстоятельств, которым тот не мог противостоять. Он очерчивает антиномичную, мятущуюся и яркую личность:

«Жил он очень беспорядочно, да и натура-то его была довольно беспорядочная. Страстная, упрямая, несколько загубелая. <...> Он был беспечен, как цыган, самолюбив, горд, но не умел владеть собою и, как я сказал уже, опустился ужасно. А между прочим, это была натура сильно развитая, добрейшая. Он был образован и понимал всё, об чем бы с ним ни заговорить. Он был, несмотря на множество грязи, чрезвычайно благороден» (28/1; с. 201).

Иными словами, за внешне неприглядной «оболочкой», неудачами в карьере и социальной «грязью» Достоевский видит многогранность личности, её глубокую драму. Возможно, именно эта двойственность вызывала интерес Достоевского-художника к Исаеву.

Письма Достоевского времён кузнецких событий фиксируют некоторые отрывочные сведения и о родственниках Исаева:

«Я знаю, что и фамилия мужа <Марии Дмитриевны — Е. Т.> была очень порядочная» (28/1; с. 202), *«... осталась родня мужа, родня дальняя; один из братьев мужа служит в Гвард<ейском> финск<ом> стрел<ковом> батальоне капитаном»* (28/1; с. 202).

Скорее всего, идея отправить Пашу Исаева, сына Александра Ивановича, в Сибирский кадетский корпус в какой-то мере была об-

условлена традициями, существовавшими в семействе его отца. Стоит вспомнить, что и Исаев-старший тоже *«въ службу вступилъ въ Кавказскій линейный № 11 баталіонъ»* [Аттестат А. И. Исаева, 1853, л. 22] и достаточно успешно продвигался по карьерной лестнице. Кроме того, Достоевский в письмах отмечал, что *«маленький Исаев»* и внешне, и по характеру был невероятно похож на своего отца. Так, в послании от 29 июля 1857 года инспектору классов Сибирского кадетского корпуса И. В. Ждан-Пушкину, лично знавшему А. И. Исаева, он намечает два возможные пути развития детской природы, которые он мог наблюдать на примере жизни и судьбы его родителя:

«Ему скоро 10 лет. Он добр, с прекрасными наклонностями, с острыми способностями, с честолюбием (это я заметил), но пылок, резов и, кажется, будет страстною и горячею натурою. За верность портрета я ручаюсь. Но согласитесь, что если он верен, то как легко этому мальчику совратиться с пути и впасть в дурные наклонности! А вместе с тем, как легко при руководстве сделать из него прекрасного человека!» (28/1; с. 283).

Своими наблюдениями о пасынке, вновь отмечая его поразительное сходство с Александром Ивановичем, Достоевский делится и с сестрой Марии Дмитриевны Варварой Констант 31 августа 1857 года:

«Это мальчик добрый, очень остроумный, с большими способностями, благородный и честный, с способностью крепко привязаться и полюбить, но с зародышем страстей сильных. Он совершенный портрет незабвенного Александра Ивановича и физически и нравственно» (28/1; с. 284–285).

Таким образом, Достоевский посредством описания внутреннего мира ребенка пытается показать суть характера его отца.

В эпистолярном портрете Александра Исаева, созданном Ф. М. Достоевским, особое место занимает круг его читательских предпочтений. В письме от 14 августа 1855 года упоминается *«богатое издание» «Сподвижники Александра»*, присланное из Петропавловска (28/1; с. 191), которое *«в память о себе»* умирающий А. И. Исаев просит передать барону Врангелю.

Наличие подобного издания многое говорит об интересах владельца, его склонности к изучению серьёзных документальных источников, мемуарной литературы по истории Отечества и военному делу. Это также подтверждает Н. И. Левченко, обнаружившая в Государственном архиве Астраханской области сведения о семейной биб-

лиотеке Исаевых, укомплектованной произведениями русских и зарубежных классиков:

«Единственным наследством после Исаева его семье, очевидно, осталась его библиотека. В ней, судя по упоминаниям в письмах Достоевского, а также по списку её из документов Исаева, были исторические труды, произведения Пушкина, Гоголя, Жуковского, Карамзина, Шиллера, Байрона, Шекспира и других авторов» [Левченко, 1994, с. 240].

Полное название книги, которую А. И. Исаев завещал передать А. Е. Врангелю, звучало так: «Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах: военная галерея Зимнего дворца» [5]. Это был богато иллюстрированный шеститомник, выпущенный в Санкт-Петербургской типографии Карла Крайя с 1845 по 1849 годы. Видимо, один из шести томов этой серии, чтобы хоть как-то компенсировать денежный долг за переезд в Кузнецк, и должен был отойти Врангелю.

Составителем и главным редактором «Сподвижников Александра» был известный военный историк и академик Санкт-Петербургской академии наук, участник Отечественной войны 1812 года, автор многочисленных трудов по истории войн Российской империи генерал-лейтенант А. И. Михайловский-Данилевский [Брокгауз и Ефрон, 1896, с. 464]. Его фундаментальный труд был основан на изучении сотни дел многих центральных ведомственных архивов и включал обширный документальный и мемуарный материал об Отечественной войне 1812 года. Книги отличались подробным описанием и анализом военных действий России и Франции, а также наличием биографий и великолепных портретов российских генералов: Александра I, М. И. Кутузова, П. И. Багратиона, М. Б. Барклая-де-Толли, Н. Н. Раевского, А. А. Аракчеева, П. П. Коновницына, М. И. Платова, Д. П. Немировского и др. [5], [Мальшкин, 2005].

Сам факт сохранения в личной библиотеке А. И. Исаева ценной книги по отечественной военной истории свидетельствует о том, что, несмотря на тяжелое финансовое положение, семья при переезде в Кузнецк всё-таки не прошла «точку невозврата». Глава семейства, скорее всего, питал большие надежды на лучшее будущее и, приступив к должности на новом месте, планировал восстановить позиции на службе и в общественной жизни.

Самой пронзительной и самой приближенной к художественному тексту страницей в эпистолярной Ф. М. Достоевского является пись-

мо от 14 августа 1855 года, адресованное А. Е. Врангелю и рассказывающее о смерти Александра Исаева. Эта весть настолько глубоко потрясла писателя, что он лишился сна:

«Теперь два часа ночи, я написал два письма. Голова у меня болит, спать хочется и к тому же я весь расстроен. Сегодня утром получил из Кузнецка письмо. Бедный, несчастный Александр Иванович Исаев скончался. Вы не поверите, как мне жаль его, как я весь растерзан» (28/1; с. 190).

Жалость, тревога за судьбу Марии Дмитриевны и её сына, чувство вины и угрызания совести наваливаются на Ф. М. Достоевского:

«Боюсь, не виноват ли я перед ним, что подчас, в желчную минуту, передавал Вам, и, может быть, с излишним увлечением, одни только дурные его стороны» (28/1; с. 190).

Эти слова значимы не только как интимно-дружеское признание. Наряду с «эпистолярным текстом» А. И. Исаева, автором которого является Достоевский, они утверждают наличие другого, «бытового теста» его личности, который складывался и существовал параллельно, и был основан на повседневных разговорах, уличных слухах, придуманных для красного словца историях, сплетнях. К нему, по ощущениям Достоевского, он тоже оказался причастен, ведь из писем Марии Дмитриевны «в малейших подробностях» знал «всю подноготную» семьи и мог неумышленно передать другим нечто сокровенное. Рассказывая историю смерти Исаева Врангелю, Достоевский не остаётся на уровне бытописания. Почти детально воссоздавая последние дни чиновника, он смотрит на ситуацию как художник слова: по стилю его эпистолярный рассказ максимально приближается к тексту художественной литературы, напоминает эпизод из романов о «бедных людях», «униженных и оскорблённых». Реплики «главного героя», выразительные жесты и поступки окружающих, объединённые эмоцией автора и пронзительным сюжетом, способствуют созданию такого эффекта:

«В самых сильных мучениях (он мучился два дня) он призывал ее, обнимал и непрерывно повторял: «Что будет с тобою, что будет с тобою!»». В мучениях о ней он забывал свои боли. Бедный! Она в отчаянии. В каждой строке письма ее видна такая грусть, что я не мог без слез читать, да и Вы, чужой человек, но человек с сердцем, заплакали бы. Помните Вы их мальчика, Пашу? Он обезумел от слез и от отчаяния. Среди ночи вскакивает с постели, бежит к образу, которым его благословил отец за два часа до смер-

ти, сам становится на колени и молится, с ее слов, за упокой души отца» (28/1; с. 190).

Смерть Исаева Достоевский осмысливает не рационально, а эстетически. Он проявляет себя как художник-реалист, в мире которого чрезвычайно сильна традиция христианского романтизма. Главную причину несовершенств и «провалов» чиновника он видит не в отсутствии личной воли или влиянии социума, жизненных обстоятельств, а в изломах судьбы. Развитие негативных черт характера Исаева писатель также обуславливает её отрицательным влиянием:

«Если были в нём (А.И. Исаеве — Е. Т.) недостатки, наполовину виновата в них его чёрная судьба» (28/1; с. 190).

Это влияние Достоевский считает роковым, то есть предопределённым свыше, неодолимым, всегда тяжёлым и гибельным. Ему невозможно сопротивляться и противостоять, потому что любые изменения в жизни человека лежат за пределами его возможностей и желаний, за гранью бытового восприятия происходящего. Думается, это и есть ключ к пониманию Александра Исаева Ф.М. Достоевским, к разгадке его сочувственного отношения: сквозь детализированный облик реального человека писатель видел печать судьбы, её вневременные и вечные знаки. Более точно эту мысль выразил Р.Г. Назиров, размышляя об особенностях характеросложения Достоевского:

«... в первооснове крупных характеров его творчества всегда лежит один главный приём — соединение житейски наблюдаемого с «вечным», традиционным, или, выражаясь несколько резче, — синтез скандала и символа» [Назиров, 1974, с. 212].

«Текст личности» А.И. Исаева во всей его сложности, созданный Достоевским в эпистолярной, приближен к этой «первооснове». В контексте такого видения символическое значение приобретают и слова из легенды о воскрешении умершего от болезни Лазаря (Евангелие от Иоанна, стих 11: 25), размещенные на надгробной плите Александра Исаева: *«Азъ емь воскресение и животь, вѣруая в мя имать животь вѣчный»* [Булгаков, 1904, с. 1].

В письмах Ф.М. Достоевского времён кузнецких событий существуют многие значимые точки, где соприкасаются эпистолярный и художественный тексты, а литературно-символическое «пробивается» сквозь реальное. Одна из таких точек — фрагменты об А.И. Исаеве.

Несмотря на то, что, по мнению исследователя Р.Г. Назирова, *«литературная наука давно прошла ту стадию, на которой про-*

тотипам придавалось чрезмерное, чуть ли не решающее значение при исследовании художественных произведений» [Назирова, 1974, с. 202], обзорный анализ корпуса эго-документов Достоевского 1855–1857 годов позволяет выявить «эпистолярный текст Исаева» — первооснову для создания будущих художественных образов. Это открывает широкие возможности для его сравнительного анализа с художественными персонажами Достоевского (Семён Мармеладов, Дмитрий Карамазов), наблюдения над развитием творческих замыслов писателя, верификации биографических данных в контексте архивных материалов, а также прочтения в контексте мемуаров современников и литературных биографий Ф. М. Достоевского.

Литература

1. Аттестат коллежского секретаря А. И. Исаева. Семипалатинск, 27 сентября 1853 года. ГАТО. Ф 3. Оп 2. Д. 646. Л. 22, 22 об.
2. Бекедин П. В. Малоизвестные материалы о пребывании Достоевского в Кузнецке // Достоевский. Материалы и исследования. — Л.: Наука, 1987. — Т. 7. — С. 227–238.
3. Бондарь И. А. Эго-текст и эго-документ в литературном процессе // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. — 2013. — № 6. — С. 107–115.
4. Булгаков В. Ф. Ф. М. Достоевский в Кузнецке // XXIII Иллюстрированное приложение к № 221 газеты «Сибирская жизнь». — 1904. — 10 октября. — С. 1–2.
5. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах: Военная галерея Зимнего дворца / сост. А. И. Михайловский-Данилевский [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://runivers.ru/lib/book4718/58062/>, свободный (дата обращения: 01.04.2021).
6. Левченко Н. И. Круг семипалатинских знакомых Ф. М. Достоевского (1854–1859 гг.) // Достоевский и современность (Материалы Достоевских чтений). — Семипалатинск, 1989. — С. 77–84.
7. Левченко Н. И. Круг знакомых Ф. М. Достоевского в семипалатинский период жизни // Достоевский. Материалы и исследования. — СПб.: Наука, 1994. — Том 11. — С. 235–246.
8. Малышкин С. А. История создания А. И. Михайловским-Данилевским «Описания Отечественной войны в 1812 году». 2005. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://web.archive.org/>

web/20051227011144/http://old.sgu.ru/users/project/1812_malishkin.html, свободный (дата обращения: 11.04.2021).

9. Михайловский-Данилевский Александр Иванович: словарная статья // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. — СПб., 1896. — Том 19а. — С. 494.

10. Назиров Р.Г. О прототипах некоторых персонажей Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. — СПб.: Наука, 1974. — Том 1. — С. 202–219.

А.Д. Шабалин

Алтайский государственный университет, Барнаул

ЯЗЫКОВАЯ САМОБЫТНОСТЬ АЛТАЯ. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Аннотация: Существует богатая публицистическая традиция текстов об Алтае (прежде всего, очерки Н.М. Ядринцева, Г.Д. Гребенщикова, В.М. Шукшина). Однако след в истории алтайской публицистики оставили и прославленные журналисты Абрам и Анатолий Аграновские. Первый запомнился поразительным «Генрихом Гейне и Глафирой», второй — проникновенным «Как я был первым». Отец и сын рассказали об Алтае малоизвестном: читающим и космическом. Эти, на первый взгляд, разные темы образуют не только единый публицистический цикл, но и обрамляют жизнь самих авторов.

Ключевые слова: Абрам Аграновский, Анатолий Аграновский, Герман Титов, авторский стиль, публицистика.

A. D. Shabalin

Altai State University, Barnaul

LANGUAGE SPECIFICS OF ALTAI. A LINGUISTIC REVIEW

Summary: There is a rich publicist tradition of Altai texts (the articles by Nikolay Yadrintsev, George Grebenstchikoff, Vassily Shukshin, first of all). However, there is the legacy of the famous journalists Abram and Anatoly Agranovsky in the

history of Altai journalism. The first one is remembered with his wonderful "Heinrich Heine and Glafira," the second one is with the strong and deep thought "How I was the first." The father and the son spoke about Altai not very well-known, Altai reading and cosmic one. These different topics constitute a single journalistic cycle as well as they frame the life of the authors themselves. **Key words:** Abram Agranovsky, Anatoly Agranovsky, German Titov, author's style, publicistics.

«Тут старые бабы — и те Ибсена знают»
7 ноября 1928 года в газете «Известия ЦИК» вышел очерк, повествующий о доселе невиданном в Косихинском районе. Только представьте: крестьяне, вместо того чтобы беспробудно трудиться, читают! И читают не абы кого, а — Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого, Щедрина. Обсуждают Горького и Гюго, критикуют Сейфулину, ругают Пришвина. Верят Метерлику. Вот об этих-то белинских в лаптях и пишет Абрам Аграновский. Пишет об их учителе словесности и жизни — Адриане Топорове, его коммуне «Майское утро». Очерк поражает и подлинным сюжетом, и полемической остротой, и журналистской прозорливостью. А прежде всего — языком Аграновского, чистым, как горная речка. Здесь самобытно все: просторечные глаголы (*кряхтел, кликнул, кинулась, обогрелся, запнулась, застать, тикают, развоует, хануло, поумнела, рехнулась, ожегся*); бесхитростные прилагательные (*сильная, заиндевевшую, глухом, школьные, английских, грудных, мохнатыми, сибирскими, полутемном, мозолистыми, крестьянскими, суровыми, бесконечными, отвратительное, культурный, сельского, беспартийного*); редкостные существительные (*дочурка, полати, обмолвка, затруднение, мамеха, геройство, скребушка, паря, головотяпы, головотяпство, селькор, коммуна*).

Благодаря им вырисовывается уникальная алтайская картина «Крестьяне и книги». Во многом еще и потому, что самый главный книгочей, Адриан Топоров, был человеком, как известно, действительно необыкновенным. Про такого — грех не написать, тем более что он и сам не только читал, но и читл слово [Топоров, 1963]. Краевед А. Муравлев отмечает, что «пользуясь знакомством с интеллигенцией Барнаула, Топоров пригласил профессионального скульптора Надольского, который давал детям уроки художественной лепки. Школьный учитель достал в Барнауле скрипки, виолончель и другие музыкальные инструменты. Из села Лосиха привез фисгармо-

нию, конфискованную в гражданскую войну у какого-то богача. Кузнец сделал угольник, столяр изготовил пюпитры. А вот барабан долго не могли нигде приобрести. Не было бы счастья, да несчастье помогло: пал на ферме теленок. Из его кожи сделали сыромятину, которую и натянули на обод подсевального решета» [Муравлев, 2009, с. 6].

Как часто бывает, эта-то необыкновенность и сыграла с Топоровым злую шутку. Его стали травить. Кто, за что?! «*Мертвые души за живую советскую работу*», — невозмутимо отвечал учитель. Но, как выяснил Аграновский, «*корни издевательства оказались — в зависти, невежестве и в боязни перед учителем, ибо выяснилось, что он — один из лучших и старейших сибирских селькоров!*» [Аграновский, 1928]. Дело в том, что в 1925-м году на конкурсе селькоров Адриан Митрофанович получил первую премию за «*наибольшее число наиболее хороших и имевших наибольшие практические результаты корреспонденции*» [Там же]. На этом можно было бы поставить точку, Аграновский же победоносно возглашает: «*Он [Топоров] оказался сильнее десятков бюрократов, головоотяпов, он победил их, и коммуна «Майское утро» входит в первую фалангу бойцов на социалистическом культурном фронте!*».

Между тем и это, оказывается, далеко не конец — продолжение истории обнаружится уже в другом очерке, очерке сына Абрама Давидовича Анатолия Аграновского «Как я был первым».

«Ваш Герман в космосе!»

Посвященный Герману Титову, очерк «Как я был первым» вдруг и всерьез поднимает уже забытую, казалось бы, тему (материал опубликовали «Известия» в 1962-м году). На этот раз композиционная (не в ущерб языковой) самобытность по-новому раскрывает характер топоровской истории: через космос. Герман Степанович — сын тех самых Титовых, которых учил Топоров. Он-то и вывел их, как пишет теперь уже Анатолий Аграновский, в люди.

И если журналисты, в числе которых «взмышленное барнаульское телевидение», приехали расспросить о космонавте его земляков, родителей... То Аграновский — чтобы пообщаться с одним из головоотяпов, борцом против «топоровщины». Материал о полете Титова был написан, в общем-то, еще до самого полета. Вот как сам автор пишет об этом: «*Почему специальный корреспондент «Известий» мог в этой толчее оставаться спокойным? Почему не бежал на телеграф, не рвал тетрадки из рук у коллег? На то были свои причины. Во-первых, учитывая вечерний выпуск моей газеты, я мог с сообщениями*

не спешить. Во-вторых, я знал, что в редакции уже имеется, написан, набран большой материал о Германе Титове; приоритет «Известий» был таким образом обеспечен. Он был обеспечен еще раньше, треть века назад» [Аграновский, 1962].

Указанная обеспеченность — семейная преемственность. Не конфликт отцов и детей, а их дружба. Язык Анатолия Абрамовича столь же чист и живописен, сколь и язык Абрама Давидовича. Если тишина — то «блаженная», если слава — то «шумная, потная, бесцеремонная». Берут за душу и такие описания, как «сухонькая старушка в белом платке», «Степан Павлович вышел на порог и стоял долго, глядя на небо: где он там? Хоть бы двигалась какая звездочка», «выпытывали недоспрошенное, собирали недособранное, соколами кидались на телеграммы». Это здесь «запахнет валерьянкой», здесь «прокашляется репродуктор». Здесь Титовы будут «просты, радушны, по-настоящему интеллигентны». Наконец, именно здесь Аграновский подумает: «Всегда надо доверять жизни, описывать ее достоверно и просто». А все происходящее в доме Титовых припечатает одним словом: «колобородица».

Примечательно: лейтмотив «хорошо быть первым» звучит неоднократно, и это — еще одна интертекстуальная (помимо темы) находка журналиста. Первым, кто написал о коммуне «Майское утро», был Аграновский-отец, первым, кто оказался на родине Германа Степановича, был Аграновский-сын, первым, кто совершил длительный космический полет, стал Титов. Журналист-сын в буквальном и переносном смысле идет по стопам журналиста-отца. Ему важно дойти до самой сути: пообщаться с человеком, понять которого — непросто. Как замечает Анатолий Абрамович, к этой встрече себя он готовил, спешил, чтобы застать.

И застал — в школе, в пустом классе, за учительским столом, один на один с черной совестью. Зачем спешил? Чтобы разрешить спор, начатый отцом — защитником Топорова и критиком его «главного гонителя, антипода, кровного врага». Но критик этот, увы, так и остался при своем: «Жив, говорите, Адриан Митрофанович... Ай-яй-яй! Я думал, и косточки его истлели, да-а... Что ж, о теперешнем его не буду говорить: данных у меня нет. Может, он и исправился. Вон Алексей Толстой графом был, а пользу все ж таки принес государству. Зачем старое поминать?». Ослиная упертость Аграновского удивила, она же сделала его еще более решительным: «О Топорове писать будут, обязательно будут. Вы слышали по радио: в кос-

мосе был Герман Титов. А он родом из той самой деревни, из «Майского утра». И родители его при мне сказали журналистам, что всем лучшим, что есть в них, они обязаны своему первому учителю — Топорову. Так что ничем не могу вам помочь: будут теперь о Топорове писать».

Аграновский-сын остался верен себе, верен своему слову и слову своего отца. И, будь сын на его месте тогда, в квартире ночного сторожа, где Глафира читала Гейне, Анатолий Аграновский написал бы, как признается, «... то же самое. Слово в слово». В большую журналистику он, к слову, пришел не откуда-нибудь — с Алтая: начинал Анатолий Абрамович с заметок в газете «Красная Ойротия» [Витовцев, 2006]. Один из его материалов — «Сибирские» — посвящен другой знаковой для Алтая фигуре, Михаилу Афанасьевичу Лисавенко, что в лихолетье усыпал алтайскую землю розами, тюльпанами, георгинами. Но это уже другая история...

Остается добавить, что, к сожалению, в наши дни таких своеобразных, как очерки Аграновских, материалов все меньше и меньше. Отчасти — из-за кризиса жанров, обесценивающего публицистику. Но более всего — из-за вездесущей политкорректности, выхолащивающей как самобытный язык, так и самобытные темы.

Литература

1. Аграновский А. Генрих Гейне и Глафира // Известия ЦИК. — 1928. — 7 ноября.
2. Аграновский А. Как я был первым // Известия. — 1962.
3. Витовцев Н. Знаменитый журналист Анатолий Аграновский начинал профессиональную карьеру в Горном Алтае // Постскриптум. — 2006. — № 3.
4. Муравлев А. Крестьянский просветитель // Алтайская правда. — 2009. — 6 февраля. — С. 6–7.
5. Топоров А. Крестьяне о писателях. — Новосибирск, 1963.

Т. П. Шастина, Э. П. Чинина

Национальная библиотека Республики Алтай им. М. В. Чевалкова, Горно-Алтайск

«Г. И. ГУРКИН И ГОРНЫЙ АЛТАЙ — ГЕНИЙ И МЕСТО»: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАД АНТОЛОГИЕЙ

Аннотация: в статье обобщается опыт составления антологии, позволяющей создать представление о связи концептов «гений» и «место» в преломлении к литературным образам Русского (Горного) Алтая и первого художника из сибирских инородцев Г. И. Гуркина; акцентируется внимание на персональном, территориальном, хроникальном принципах отбора текстов.

Ключевые слова: художник Г. И. Гуркин, образ, Алтай, genius loci.

T. P. Shastina, E. P. Chinina

National Library of the Altai Republic n. a. M. V. Chevalkov, Gorno-Altaiisk

“G. I. GURKIN AND GORNY ALTAI — A GENIUS AND A LOCUS”: FROM THE EXPERIENCE OF WORK ON THE ANTHOLOGY

Summary: The paper generalizes the experience of composing the anthology, which allows to understand the link of the concepts “genius” and “loci” when applied to the literary images of Russian (Gorny) Altai and G. I. Gurkin, the first artist originated from the Siberian indigenous people. The research focuses on individual, territorial, and chronological principles of selection of the texts.

Key words: G. I. Gurkin as an artist, image, Altai, genius loci.

В пространстве России Горный Алтай — уникальная геокультурная общность, специфика которой обусловлена природными особенностями горной территории и её расположением на стыке границ России, Монголии, Китая и Казахстана. Экзотическая этно-культурная и природная специфика территории с конца XVIII в. и до сего дня привлекает сюда ученых, путешественников и литераторов. Образ Горного/Русского Алтая как *своего пространства* переходит в русскую культуру из литературы.

В XX веке Горный Алтай явил миру первого профессионального художника Сибири из инородцев, создавшего и живописные образы горного пространства, и первые образцы русскоязычных произведений в литературе региона — Григория Ивановича Гуркина (Чорос-Гуркина). Благодаря его творчеству происходит объединение внешнего и внутреннего взгляда на пространство Горного Алтая. Писатели-современники (Г. Гребенщиков, Г. Вяткин, А. Пиотровский) отдают ему роль классика-основателя, а в начале XXI в. его образ трактуется как гений места.

В ситуации существования в РФ двух субъектов, в название которых входит топоним Алтай, Республика Алтай целенаправленно формирует образ самодостаточного региона, транслируя его прежде всего в систему общероссийских (и столичных) геокультурных представлений. Этот образ включает в себя, помимо экономической, природную и культурно-историческую составляющие, активно участвующие в создании туристического бренда Горного Алтая. В этом контексте во внешней среде созданный Чорос-Гуркиным ландшафтно-природный образ *Хан-Алтай* становится знаком этно-природной привлекательности российской горной территории, в самой же республике — патриотическим символом, объединившим гения и место.

Обретение Горным Алтаем статуса субъекта Российской Федерации (Республика Алтай, 1991 г.) актуализировало проблему формирования национальной и территориальной идентичности, возрождение — и создание — местных традиций, местной идеологии и массовой культуры в полиэтничном пространстве. На роль фигуры-символа для репрезентации местной идентичности мог претендовать только самый известный представитель территории, им и стал художник Г. И. Гуркин, алтаец, открывший миру Алтай. С его именем связаны точки отсчета в истории парламентаризма в Горном Алтае (Алтайская Горная дума и Каракорум-Алтайская окружная управа). Литературное и живописное творчество художника-инородца — яркое звено в практической реализации идеи сибирских областников о самодостаточности Сибири. Ныне оно актуально и для осмысления фундаментальных основ нематериального культурного наследия народов Горного Алтая. О повышенном интересе к рецепции и ретрансляции его образа в искусстве свидетельствуют неизменные аншлаги спектакля Национального театра Республики Алтай имени П. В. Кучияка «Восхождение на Хан-Алтай» (см. текст исторической драмы [Белеков]), востребованность экспозиции его работ в Нацио-

нальном музее РА им. А. В. Анохина, посещаемость музея-усадыбы художника в селе Анос.

Посвященная юбилею алтайского художника антология «Г. И. Гуркин и Горный Алтай — гений и место» [Г. И. Гуркин, 2019] стала итогом работы над проектом «Гений и место: Г. И. Чорос-Гуркин как символ Горного Алтая в русской литературе XX — начала XXI вв.», промежуточные результаты работы над которым были апробированы на научных конференциях (в том числе и на VIII-ой конференции «Алтайский текст в русской культуре») и опубликованы в ряде статей, см., например [Чинина, 2018; Алексеев, 2019; Шастина, 2020].

Отбирая тексты для книги, мы не вдавались в узкоспециальные искусствоведческие аспекты, по которым существует уже весьма солидная библиография [Художники, 2005, с. 157–177], и в аспекты биографии Гуркина, работы над которой ведутся под руководством Р. М. Еркиновой в Национальном музее РА им. А. В. Анохина (в частности, на основе новейших разысканий в 2020 г. была кардинально изменена концепция экспозиции, посвященной Г. И. Гуркину, в неё включена летопись жизни и творчества художника [Еркинова, 2020]).

В хронологическом порядке в книге собраны разножанровые произведения (в полном объеме или в отрывках), дающие представление о связи концептов «гений» и «место» в преломлении к литературным образам Русского (Горного) Алтая и первого художника из сибирских инородцев Григория Ивановича Гуркина. Компонировка материалов в книге демонстрирует выявленную в процессе работы над проектом эволюцию образа художника: алтаец Гуркин — известный сибирский художник Гуркин — родной художник Гуркин — наш Шишкин — контрреволюционер и предатель интересов трудового народа — возвращенный персонаж региональной истории — гений места. Включая в книгу редкие художественные и документально-публицистические публикации, содержащие уникальные сведения о Г. И. Гуркине, и посвященные Г. И. Гуркину малоизвестные тексты, архивные документы, известные разве что узкому кругу специалистов, мы стремились показать, как на их основе формируется собирательный образ *Г. И. Гуркин — genius loci Горного Алтая*.

На первом этапе работы над антологией были каталогизированы и систематизированы тексты — источники формирования образа Гуркина в общественном сознании XX — нач. XXI вв. (от губернской и уездной периодики начала прошлого века до современной блогосферы, отразившей страсти вокруг присвоения имени Г. И. Гурки-

на аэропорту г. Горно-Алтайска в проекте «Великие имена России» [Алексеев, 2018]).

Особо ценными находками считаем разысканный в Российской национальной библиотеке (г. Санкт-Петербург) выпуск «Сибирского слова» за 1911 г. с текстом очерка Алтаича (Г.Д. Гребенщикова) «В усадьбе Гуркина» (бесплатное приложение к №95 за указанный год отсутствует в книгохранилищах Сибири) и обнаруженные в газете «Сибирская жизнь» за 1911 год в цикле «На Алтай!» / «На Алтае» (подписанном «К. М-чъ»), очерки о Г. Гуркине и Г. Потанине в Аносе. Из архивных находок особо интересны найденные в записных книжках Гуркина 1918 г. (ТОКМ им. М.Б. Шатилова, г. Томск) литературные наброски художника и стихотворение в прозе «Музыка». В фондах Национальной библиотеки Республики Алтай им. М.В. Чевалкова (Горно-Алтайск) методом перекрестного чтения были изучены сохранившиеся комплекты газет Ойротской автономной области за 1922–1937 гг. на русском и алтайском языках (в том числе и печатавшиеся на яналифе), эта работа привела к заключению о том, что *родной* для всей Сибири до 1917 г. художник-алтаец в период утверждения советской власти стал *чужим* в Горном Алтае — его имя практически не упоминалось в местной периодике ни в 1920-е, ни в 1930-е годы (редкие исключения: в 1922 г. 7 ноября самый первый номер газеты «Ойротский край» выходит с рисунком Гуркина, тогда находившегося в эмиграции, на флаговом заголовке; 17 апреля 1933 г. дирекция Ойротпромкооперации обращается через газету «Красная Ойротия» к общественности с призывом разыскать похищенные с выставки в фойе этой организации два этюда художника; крошечный рисунок Гуркина в подвале «Красной Ойротии» за 28 июня 1933 г. иллюстрирует письмо завженсектором Онгудайского АПК об организации женского труда на сеноуборке).

Работа с документами и литературными текстами первой половины XX в. велась в архивах (Государственный архив Алтайского края, г. Барнаул; Государственный архив Томской области и архив ТОКМ — г. Томск; Фонд Г.Н. Потанина в Научной библиотеке Томского государственного университета; Фонд Г.Д. Гребенщикова в Государственном музее истории литературы, искусства, культуры Алтайского края, г. Барнаул); поиски отсутствующих в сибирских книгохранилищах текстов осуществлены в библиотеках Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска.

При осмыслении собранных источников мы ориентировались на актуальные направления сибиреведческих научных исследований и стремились осмыслить геопэотику Горного (Русского) Алтая через призму личности и образа Г. И. Гуркина с учетом новейших направлений в изучении сибирского аспекта историко-культурного наследия России. Мы рассматривали геопэотику Горного (Русского) Алтая в рамках проблемного поля «национальное, имперское, колониальное в русской литературе» (ориентируясь в данном вопросе на материалы одноименной Международной научной конференции, организованной литературоведами ТГУ в сентябре 2016 г.) и тех новейших сибиреведческих исследований, в которых «азиатская (восточная) компонента представляется ценностно-эстетической реальностью анализируемого материала [Комаров, 2016]. Значительным подспорьем для нас были выводы и наблюдения авторов коллективной монографии «Геопэотика В. М. Шукшина» [Богумил, 2017].

Уже при первых упоминаниях сибирского художника из инородцев в столичной периодике («Нива», 1903–1905 гг.) к имени художника добавляется приложение «алтаец»; Гуркин и сам начинает делать подобные уточнения: «Рисовал алтаец Гуркин» — подпишет он обложку книги А. И. Макаровой-Мирской [Макарова, 1912]. В конце XIX-начале XX вв. слово «алтаец» ещё не является этнонимом, а указывает на связь с местом, с топосом Алтай. В отличие от современного нам словоупотребления *Алтаем* в гуркинскую эпоху традиционно называли *Русский Алтай*, то есть принадлежащую России часть Алтайской горной страны к северу от реки Бухтармы. «Этот русский Алтай не есть собственно горная окраина, а могучая передовая горная группа, вдающаяся от Алтайской системы в Барабинскую и Киргизскую степи; кроме востока, он со всех сторон окружен равнинами», — как утверждал известнейший справочник того времени [Энциклопедический словарь, 1890, С. 480]. Юридически *русской* эта часть горной страны становится только после подписания Чугучакского протокола о размежевании русско-китайской границы (25 сентября 1864 г.).

В обыденном словоупотреблении и «Сибирская жизнь» (СЖ), и «Жизнь Алтая» Алтаем называли собственно горные пространства на юге Томской губернии; барнаульцы о поездке в Чемал тогда говорили: «Поедем в Алтай».

И в Томске, и в Петербурге Гуркин первоначально воспринимается не как экзотический представитель одного из сибирских

инородческих народов, а как житель *дикого*, экзотического в природном отношении Алтая. Постепенно в сознании современников он становится певцом этой экзотической горной страны. Его творчество привлекает к Горному Алтаю внимание и губернской, и столичной публики. Не будет натяжкой сказать, что практически с него начинается формирование туристического бренда Горного Алтая.

Мы пришли к выводу, что собственно с формирования в СМИ образа алтайского художника начинается и целенаправленное формирование геопоэтики Горного Алтая, ведь во многочисленных газетных публикациях талант Гуркина расценивался как естественный дар могучей природы Алтая. Образ богатырской мощи Алтая неоднократно появляется в лирике бывавших у Гуркина в Аносе барнаулской поэтессы М. Г. Васильевой и жившего тогда в Томске Г. Вяткина [Вяткин, 1917].

Они вторят Потанину, который в «Сибирской жизни», акцентируя свой излюбленный тезис о взаимодействии науки и искусства в познании Алтая, писал: «Величественный образ Алтая хотя и медленно, но с каждым годом все более и более обрисовывается перед нами, благодаря трудам и усилиям его друзей, представителей науки и искусства. Его имя за последнее время стало гораздо известнее за пределами Сибири... .. господствующий тон в картинах Алтая — богатырская мощь...» (см. заметку «Алтай в фотографии» // СЖ. — 1911. — № 117); Потанин утверждал, что алтайские картины «заставляют работать мысль» — см. рецензию на книгу проф. В. В. Сапожникова «Пути по Русскому Алтаю» (СЖ. — 1912. — № 236).

Осмысление собранных материалов под этим углом зрения позволило сформулировать одно из отправных положений нашей работы: художественно-идеологическое воображение Горного (Русского) Алтая — одной из типичных восточных окраин Российской империи имеет свои особенности: в отличие от других окраин, в которых литература выполняла репрезентирующую функцию — см. подробнее [Отечество, 1916], то есть представляла свой народ и свою землю всему государству, транслируя этот образ на все имперское пространство, здесь эту функцию первоначально взяла на себя живопись, о чем свидетельствовал факт возвращения из столичной Академии художеств на Алтай художника из алтайских инородцев Г. И. Гуркина и внимание к его творчеству научного сообщества и — в целом — всей сибирской интеллигенции.

Изучение методом перекрестного чтения губернских газет (базовый источник — «Сибирская жизнь») приводит к выводу: благодаря Г. Н. Потанину Гуркин становится едва ли не самой популярной личностью в Томской губернии. В статьях и заметках о художнике приложение *алтаец* часто замещается юридическим термином имперского периода *инородец* (как в соответствии с «Уставом об управлении инородцами» 1822 г. назывались в Российской Империи «племена нероссийского происхождения»). Фигура художника-алтайца была положительным ответом на вопрос, решаемый сибирскими областниками — «вопрос о культурных способностях инородческих племен и способности воспринять общечеловеческую цивилизацию», о чем писал Н. М. Ядринцев в работе «Сибирские инородцы, их быт и современное положение» [Ядринцев, 1891, с. 156].

Работа в Научной библиотеке Томского госуниверситета с сибирской периодикой начала XX века позволила укрепиться в мысли о том, что с 1903 года (публикации Г. Н. Потанина) целенаправленно формируется образ *художника-алтайца*, поселившегося в крошечном селении Анос, активного участника нарождающейся культурной жизни города Томска и Томской губернии («Сибирская жизнь»). В скором времени круг общения, в который ввел Г. Н. Потанин художника в Томске в конце 1907 г., в период подготовки первой персональной выставки (в полной мере этот круг мы смогли очертить по автографам, оставленным на великолепно оформленном Гуркиным в духе алтайской этно-природной экзотики Поздравительном адресе Потанину в связи с 80-летием от Томского общества изучения Сибири — документ изучен нами в НБ ТГУ, см. Архив Г. Н. Потанина. Ф.1. Оп.1. Д.) смещается с той или иной степенью полноты на лето в это крошечное селение, создавая новый — принципиально светский — центр культуры на инородческой территории «во глубине России».

При подготовке антологии был активно задействован фактографический и эвристический ресурс уездной периодики; материалы газеты «Жизнь Алтая» (Барнаул) привели к следующему заключению: в период становления газеты «Жизнь Алтая» образ художника-алтайца Г. И. Гуркина символически связал Русский Алтай — отдаленную национальную окраину империи с мыслью о необходимости обновления общественного сознания; а созданный Гуркиным мифопоэтический образ «Хан-Алтай» — Царственный Алтай стал жить собственной жизнью в литературе, свободно монтируясь и с ху-

дожественными текстами («Хан-Алтай» Г. Гребенщикова), и с текстами публицистическими.

Структура книги

1). Вступительная статья «Гений и место — Г.И. Чорос-Гуркин как символ Горного Алтая в русской литературе XX века» (Шастина Т.П., Чинина Э.П.). По широте охвата литературного материала статья превышает корпус текстов, отобранных для антологии, особенно это касается периода 1918–1956. Одна из её задач — сосредоточить внимание читателей на судьбе творческой личности в контексте региональной истории, на мысли о необходимости перечитывания довольно известных текстов под углом зрения возвращенной литературы.

2). «... И меня зовет и манит туда к тебе, мой любимый, славный Алтай» (в названии приведена цитата из стихотворения в прозе Г.И. Гуркина «Алтай (Плач алтайца на чужбине)»). В раздел включены тексты стихотворений в прозе Г.И. Гуркина, его газетные заметки, опубликованные при жизни художника этнографические записи и архивные фрагменты из записных книжек.

3). «... И краски Алтая алтаец для нас на холсты положил» (в названии приведена цитата из поэмы Ю. Гордиенко «Алтайские хроники»). Это самый обширный раздел антологии, включающий материалы с 1907 по 1915 гг. В основном это полные тексты авторских газетных статей о выставках 1907–1908, 1910, 1915 гг. в Томске, редакционные материалы, объединенные в хроникальные подборки с информацией об этих выставках. С сожалением констатируем, что пока не удалось расшифровать некоторые псевдонимы, в том числе и псевдоним «К. — М-чъ», которым подписаны два ярких очерка из серии «На Алтай!/ На Алтае»: «На Алтае (аносский художник)» и «На Алтае. Г.Н. Потанин и Анос». Считаю, что читателю будут интересны стихотворения, посвященные Г.И. Гуркину его современниками: Г. Вяткиным, Г. Крекниным, А. Пиотровским, и дневниковые записи Н. Кар-вой, рассказывающие о посещении мастерской Гуркина.

4). «... Быть изобразителем красоты твоей, великий Хан-Алтай» (в названии приведена цитата из записной книжки Гуркина 1918). По объему это самый маленький раздел книги — вполне объяснимо, что выпавший на советскую эпоху отрезок жизни Г.И. Гуркина практически весь прошел под знаком *врага народа*, и литературных тек-

стов, посвященных ему (вплоть до реабилитации) было очень мало. Для антологии отобраны разножанровые тексты (отрывок из искусствоведческого исследования Д. А. Болдырева-Казарина, из стенограммы I Сибирского съезда художников, стихотворение Е. Итыгина, фрагмент из детской книги Г. Пушкарева, очерк Г. Д. Гребенщикова, созданный в Америке, и спровоцировавший его написание рассказ И. Ефремова «Озеро горных духов».

5). «... Его нищеты и величия тогда я не понимал...» (в названии приведена цитата из поэмы Ю. Гордиенко «Алтайские хроники»). В заключительном разделе собраны произведения, написанные после официальной реабилитации художника. Его открывает фрагмент редакционной статьи «За правдивое освещение исторических событий и фактов», опубликованной в газете «Звезда Алтай» в 1969 г., где указывается на недопустимость возведения персоны Гуркина в статус народного героя. Этим объясняется долгий процесс возвращения имени художника в историю государственности и культуры региона. Основная часть текстов из этого раздела принадлежит перу барнаульского прозаика И. П. Кудинова, давшего согласие на их публикацию в будущей книге и лично выбравшего для этого фрагмент из романа «Каракорум». Поэтическую часть раздела представляют фрагменты из поэмы Ю. Гордиенко «Алтайские хроники» и из лирического цикла Г. В. Кондакова «Чорос».

6). Справочные приложения.

В справочный аппарат вошли «Словарь алтайских слов и выражений», перечень «Топонимов, встречающихся в каталогах выставок Г. И. Гуркина» (составлены Э. П. Чининой) и «Персоналии» — сведения о личностях, упоминаемых в публикуемых текстах, составленные Т. П. Шастиной.

Все включенные в антологию тексты приведены в соответствие с современной графикой и орфографией и снабжены комментариями (включающими ссылки на источник, по которому текст печатается в составе данной книги, и пояснения исторического, биографического, этнографического характера).

Мы стремились сделать книгу и интересной по подборке материалов, и информативно насыщенной, дающей представление об историко-культурном контексте развития образа художника. Она рассчитана на широкий круг читателей, ведь в настоящее время именно в массовом сознании (ранее, с момента создания Республики Алтай, преимущественно в административных акциях: открытие памятни-

ка художнику, учреждение премии им. Г. Гуркина, открытие музея-усадьбы художника в с. Анос и др.) образ Г. И. Чорос-Гуркина приобрел семиотический статус *genius loci* — гения места.

Надеемся, нам удалось показать, как первый сибирский художник-инородец с подачи Г. Н. Потанина через столетие стал образом классика — основоположника со всем набором присущих этому образу символических функций и культурных коннотаций. Мощь горного пространства Алтая и мощь таланта Гуркина благодаря литературе слились воедино. Образ художника стал объединяющим фактором в современных процессах формирования национальной, территориальной и религиозной идентичности Горного Алтая, что подчеркивает гениальность созданного Г. Н. Потаниным областнического конструкта «художник-алтаец Гуркин», символизировавшего богатый человеческий потенциал Сибири как имперской окраины; наделение усадьбы Гуркина в крошечном алтайском селении Анос ролью Мюнхена или Геттингена стало образом реализованной мечты областников о создании в Сибири собственных центров науки и искусства; *гений* и *место* слились в текстах — Гуркин и Алтай стали для Сибири и всей России синонимами.

Будем признательны коллегам за профессиональный разбор результатов нашего труда и за указание на источники, не попавшие в поле нашего зрения.

Литература

1. Алексеев П. В., Шастина Т. П. Гений и место: Г. И. Чорос-Гуркин как символ Горного Алтая в русской литературе XX — начала XXI вв. // Научный вестник ГАГУ. — 2019. — Вып. 14. — С. 106–109.

2. Алексеев П. В. Г. И. Чорос Гуркин как *genius loci* в современных дискурсах национальной и региональной идентичности (случай с наименованием аэропорта в Республике Алтай) // Диалог культур: поэтика локального текста: материалы VI Международной научной конференции. — Горно-Алтайск, 2018. — С. 291–304.

3. Белеков Д., Борисов А. Восхождение на Хан-Алтай. — Горно-Алтайск, 2013.

4. Богумил Т. А., Куляпин А. И., Худенко Е. А. Геопоэтика В. М. Шукшина. — Барнаул, 2017.

5. Вяткин Г. А. Алтай. — Омск, 2017.

6. Г. И. Гуркин и Горный Алтай — гений и место: антология / под ред. Т. П. Шестиной. — Горно-Алтайск, 2019. — 192с.

7. Еркинова Р. М., Шастина Т. П. Летопись жизни и творчества Г. И. Гуркина // Г. И. Чорос-Гуркин и современность: сборник материалов конференции к 150-летию... Гуркина. — Горно-Алтайск, 2020. — С. 24–38.
8. Комаров С. А., Лагунова О. К. Литература Сибири: миссия. Этничность, аксиология. — Тюмень, 2016.
9. Макарова-Мирская А. И. Алтайские рассказы. — Харьков, 1912.
10. Отечество. Пути и достижения национальных литератур России. Национальный вопрос. Т. 1. — Пг., 1916.
11. Художники Алтайского края: биобиблиографический словарь. Т. 1. — Барнаул, 2005.
12. Чинина Э. П., Шастина Т. П. Г. И. Гуркин и П. И. Макушин в просветительском движении Томской губернии предреволюционного десятилетия (1907–1917 гг.) // Диалог культур: поэтика локального текста: материалы VI Международной научной конференции. — Горно-Алтайск: Библиотечно-издательский центр ГАГУ, 2018. — С. 305–317.
13. Шастина Т. П. «Гений местности» — Г. Н. Потанин об усадьбе художника Г. И. Гуркина на Алтае // Вестник Томск. гос. ун-та. Филология. — 2020. — № 66. — С. 276–297.
14. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. (Т. 1. А — Алтай). — СПб., 1890.
15. Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. — СПб, 1891.

А. А. Шмаков

Алтайский филиал РАНХиГС, Барнаул

БАРНАУЛ — СТОЛИЦА МЕМОВ, ИЛИ О ФЕНОМЕНЕ ПОПУЛЯРНОСТИ ИНТЕРНЕТ- МЕМОВ С КОМПОНЕНТОМ «БАРНАУЛ»

Аннотация: В статье рассматривается феномен интернет-мемов как особый жанр интернет-коммуникации. Автор анализирует причины популярности серии мемов с компонентом «Барнаул» в диахроническом аспекте с учетом внутренних (собственно интернет-трендов) и внешних (новостная повестка, связанная с Барнаулом) факторов. А. А. Шмаков приходит к выводу, что популярность мемов о Барнауле в сети имеет давние предпосылки и обусловлена историей возникновения информационных поводов про события в Барнауле, но более всего связана с отношением массового сознания пользователей Интернета к Барнаулу как к глубокой провинции, в которой из-за отсутствия собственной новостной повестки начинают обсуждать события мирового уровня.

Ключевые слова: интернет-мем, глобальная деревня, постправда, образ Барнаула.

A. A. Shmakov

Altai Branch of RANEPА, Barnaul

BARNAUL IS THE CAPITAL OF MEMES, OR ABOUT THE PHENOMENON OF POPULARITY OF INTERNET MEMES WITH THE NAME “BARNAUL”

Summary: The article examines the phenomenon of Internet memes as a special genre of Internet communication. The author considers the reasons for the popularity of a series of memes with the “Barnaul” component in a diachronic aspect, taking into account internal (current Internet trends) and external (news agenda related to Barnaul) factors. A. A. Shmakov comes to the conclusion that the popularity of memes about Barnaul on the network has long-standing prerequisites and is due to the history of the emergence of news stories about the events in Barnaul, but most of all connected with the attitude of the mass consciousness of the Internet users to Barnaul as a deep

province, in which, due to the lack of its own news agenda, world-class events are being discussed.

Key words: Internet meme, global village, post-truth, image of Barnaul.

В начале третьего десятилетия XXI века интернет-коммуникация для современного городского жителя стала неотъемлемой частью жизни. В настоящее время она представляет собой нечто большее, нежели просто средство для распространения и передачи информации. Это новая среда бытия человека, которая отличается от «эмпирической реальности» и в которой homo loquens проводит все возрастающее количество времени. В рамках данной статьи мы рассматриваем интернет-коммуникацию как особое информационное, культурное и лингвистическое пространство, представляющее собой среду бытия текстов различной фактуры.

Интернет и социальные сети постепенно вытесняют устную и письменную формы коммуникации, такие как телефонные звонки и личные встречи. Аналогичная ситуация характерна и для сегмента массовой коммуникации, в которой большое количество аудитории предпочитает электронные версии СМИ традиционным. Происходит процесс формирования собственно интернет-жанров, существование которых невозможно было бы представить вне сети. К числу таких единиц мы относим интернет-мемы — единицы информации, обладающие, по словам Ю. В. Шуриной, «способностью спонтанного неконтролируемого распространения в интернет-среде различными способами» [Шурина, 2012, с. 102].

По своей сути интернет-мемы представляют собой креолизованный текст, соединяющий в себе вербальный и невербальный компоненты, причем эти два «слагаемых» могут существовать только во взаимодействии, т. к. изображение (или ряд изображений) не будет «считываться» без подписи к нему, и подпись, в свою очередь, не будет иметь суггестивного (и иного) эффекта без изображения.

Использование в коммуникации интернет-мемов может преследовать различные цели: создание подтекста, формирование многоплановости восприятия, актуализацию «фоновых» знаний адресата, повышение экспрессивности, включение элементов языковой игры, достижение комического эффекта, выражение авторского отношения, усиление оценочности и др.

При этом некоторые мемы становятся настолько популярными, что они выходят за пределы интернет-коммуникации и начина-

ют использоваться, например, в рекламе и средствах массовой информации. Другие мемы также набирают популярность, хотя, казалось бы, не способны принести никакой коммерческой или иной выгоды, именно к их числу мы и относим мемы с компонентом «Барнаул».

Цель данной статьи заключается в анализе причин популярности мемов с компонентом «Барнаул» в Интернете, поскольку ни один город России не имеет такое количество упоминаний в рассматриваемом жанре интернет-коммуникации. Барнаулу удалось обогнать даже таких «гигантов» массовой культуры, как Нижний Тагил, Воронеж и Челябинск.

Перед тем, как рассматривать конкретные интернет-мемы о Барнауле, отметим, что такие характеристики интернет-мемов, как воспроизводимость, узнаваемость, наличие культурных коннотаций, позволяют рассматривать их как один из видов прецедентных феноменов. В настоящее время мемы стали настолько массовым явлением, что можно говорить о возникновении полноценной мем-культуры, которая обладает собственными способами распространения и бытования. Так, мемы легко запоминаются, а создавшееся вокруг них психическое поле заставляет людей делиться ими, например, в социальных сетях. Происходит своеобразное «заражение» мемом — как вирусом. Известно несколько основных концепций, в рамках которых были предложены объяснения такого «поведения» мемов и распространения мем-культуры.

Из этого следует, что компонент «Барнаул», который часто встречается в интернет-мемах, стал частью культурного мем-кода, т. е. наша задача сводится к тому, чтобы прочесть данный код и понять причины и условия его формирования.

Барнаул — административный центр Алтайского края с населением более 600 тысяч человек, удаленность Барнаула от мировых политических центров, возможно, и позволила сделать его частью популярного мема про россиян, которые больше озабочены проблемами Запада в сферах политики, политкорректности, расизма и «новой реальности», нежели положением дел в родной стране или регионе. Особенно ярко это проявилось во время протестов движения Black Lives Matter и выборов в США в 2020 году.

Символом шутки стал комикс, где психолог после монолога клиента не выдерживает и кричит: «Ты из Барнаула! Б-а-р-н-а-у-л, Алтайский край!» (см. рисунок 1).

Рисунок 1. – Мем «Честный психолог»

Комикс, который стал основой мема, на самом деле никак не относится к Барнаулу или даже России. Его автор — испанский художник под псевдонимом «Molg H». Известно про него только то, что он родился в 1984 году в Мадриде, работал в местных комикс-издательствах и в 2012 году в соавторстве с Нетором Фернандесом выпустил книгу Moowiloo Woomiloo. Но если на основной работе Molg H. держал себя в определённых рамках, то в своих соцсетях и блогах художник рисовал циничные и жестокие комиксы, где своеобразный юмор часто пересекался с кровавыми иллюстрациями.

Одна из самых известных работ Molg H. «Моя мама — хирург». Другие работы художника менее жестокие, но узнаваемый стиль и циничный юмор в них сохраняется. К середине 2010-х Molg H. набрал значительную популярность: на его сообщество в «Фейсбуке» подписались почти полмиллиона пользователей, а комиксы переводили на другие языки. Постепенно в работах Molg H. становилось всё меньше жестокости и расчленений, но в то же время больше авторского взгляда на современное общество.

Испанец принялся обыгрывать тему повестки борьбы за равенство прав мужчин и женщин, в частности феминизма, выставляя активисток истеричными женщинами, которые ищут повод оскорбиться, даже если им признаются в любви или приходят на помощь в критической ситуации. Самой известной серией комиксов Molg H. стала рубрика «La Psicologa Honesta» («Честный психолог»). Художник раз за разом возвращался к сцене приёма у психотерапевта, где к специалисту приходит карикатурный представитель «нового поколения» — блогер, зависимый от соцсетей человек, феминистка или хипстер.

Часто они делятся проблемами и тезисами, которые Molg H. в лице нарисованного психолога считает преувеличенными, глупыми или абсурдными. «Честность» специалиста выражается в том, что она вместо мягкого подхода ему всё высказывает клиенту, в основном в грубой форме. Иногда комикс заканчивается тем, что посетитель благодарит психолога за приём.

Серию «Честного психолога», которая превратилась в мем про Барнаул, Molg H. опубликовал 28 мая 2015 года. По сюжету трёхпанельного комикса, на приём приходит девушка, которая начинает делиться своим образом жизни: она сидит в инстаграме, считает себя гиком, путешествует и «ищет свое место в этом мире». Психолог не выдерживает и прерывает клиентку, напоминая ей, что она на самом деле из провинциального города Куэнка с населением 50 тысяч человек. А потом берёт мегафон и повторяет: «Ку-эн-ка! Провинция Кастилия — Ла-Манча!» (см. рисунок 2).

Рисунок 2. — Испанский «прародитель» мема про Барнаул

На момент публикации комикса работы Molg H. уже были популярны в Рунете: их переводили и распространяли на «Пикабу» и во «ВКонтакте». В 2014 году паблик с работами испанца основала некто Светлана Скляр [Скляр, URL]. Для переводов она привлекала знакомого, знающего испанский язык. По ее словам, именно он адаптировал комикс с городом Куэнка под российские реалии. Переводчик описывает момент изобретения мема про Барнаул так: «Там в оригинале был какой-то рандомный испанский город. Я начал думать, что у нас такое есть. Вспомнил одного знакомого из Барнаула, подумал «это оно». Ещё и название города такое». Так в комиксе появился Барнаул из Алтайского края.

Если рассматривать проблему шире, то мемы про города не новы. В США можно вспомнить шутки про «Florida man», который постоянно попадает в дикие ситуации. Связано это с особенностями законов штата Флорида: из-за «принципа открытости» большинство полицейских отчётов доступны общественности и СМИ, и в документах журналисты регулярно находят поводы для новостей про очередные безумства от жителей штата.

В России существует много наименований городов, которые стали прецедентными феноменами: Нижний Тагил стал ассоциироваться с русскими туристами после шоу «Наша Russia», ирония над ответными мерами российских властей превратилась в «бомбить Воронеж», а про Омск все знают, что его невозможно покинуть. Барнаул же связан с мемами прежде всего благодаря резонансному делу Марии Мотузной [Зеленский, URL].

Со временем мем про «Барнаул, Алтайский край» стал символом одержимости части россиян проблемами стран Запада. Пафос мема таков: в России, особенно в регионах, есть более насущные вещи, с которыми нужно разбираться, но люди всё равно обсуждают политику в других странах, важность феминитивов, культуру отмены и прочие вещи, которые мало связаны с жизнью в провинции.

Согласно Google Trends, у запроса «Барнаул мем» два пика. Первый приходится на июнь 2020 года, когда в рунете активно спорили о движении Black Lives Matter, погромах и протестах в американских городах, а также проблемы расизма в целом. Второй пик — выборы президента США, когда россияне в соцсетях стали разбираться в тонкостях чужой избирательной системы и обсуждать расклады в Пенсильвании.

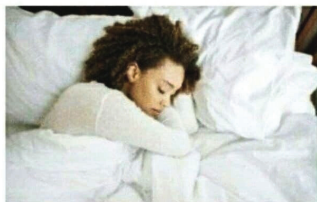
Выборы в США породили новую серию мемов с компонентом «Барнаул». В ноябре 2020 года популярные порталы в Сети и даже СМИ оказались переполнены сообщениями о барнаульцах, якобы массово поддерживающих того или иного кандидата на текущих выборах в США. Некоторые площадки даже сообщали о несуществующих митингах по этому поводу, прошедших на территории Алтайского края, а также о том, что именно от жителей Барнаула зависит исход голосования.

Все это всего лишь шутка, имеющая, однако, вполне осязаемую основу: в последнее время Барнаул стал частью мема, который используется в случае крайней обеспокоенности граждан событиями, не имеющими к ним прямого отношения. Как ни странно, но к выборам прези-

дента столь географически и культурно далекой страны россияне проявляют неподдельный интерес, зачастую выступая со своими политическими взглядами даже более активно, чем на выборах собственного президента, парламента, глав местного самоуправления.

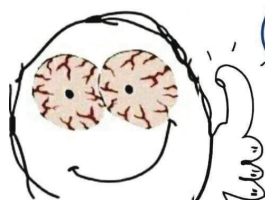
По этому поводу в Сети появилось множество шуток. «Поддерживали Байдена всем Барнаулом», — иронично прокомментировал автор Telegram-канала «Жизнь насекомых» твит оппозиционера и соратника Алексея Навального Владимира Милова, в котором тот убеждает подписчика в отсутствии эпизодов коррупции в биографии Байдена [Поддерживали Байдена всем Барнаулом, URL]. Фразой «Барнаул! Алтайский край!» о малой Родине авторы канала напомнили и уроженке Барнаула Марии Мотузной, которая в своем аккаунте в Twitter также высказывалась против кандидата от республиканцев.

Как спят остальные русские:

Как спят барнаульцы:

А НИКАК

Барнаульцы выборы
в США мониторят

Рисунок 3. — Мем про интерес барнаульцев к выборам — 2020 в США

Одно из наиболее популярных в Рунете новостных сообществ «Лентач» на своих площадках стало распространять результаты фейкового опроса по поводу поддержки кандидатов на американских выборах, якобы проведенного среди жителей Барнаула. «Пока на вы-

борах в Барнауле лидирует Трамп. За него в Барнауле голосуют экономически активные жители, которые надеются на продолжение роста экономики США при Трампе, они недовольны феминизмом, правами негров, ЛГБТ и постоянной левацкой пропагандой по CNN. За Байдена в основном сельские районы Барнаула, которые надеются на улучшение уровня жизни темнокожего населения», — с нескрываемой иронией пишут авторы, отмечая, что в якобы проведенном опросе поучаствовало двое жителей Барнаула [Трамп побеждает на выборах президента США в Барнауле, URL].

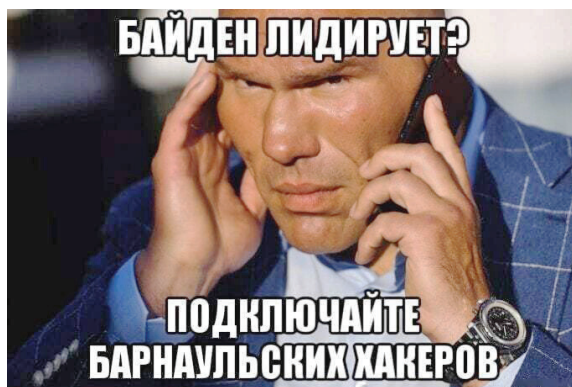

Рисунок 4. — Мем про барнаульских хакеров

Юмористический портал ИА «Панорама» пошел дальше и сообщили о будто бы прошедшем в Барнауле митинге в поддержку Дональда Трампа. В своем тексте «Панорама» пишет о тысячах горожан, которые вышли выразить свою поддержку республиканцу. Якобы, по мнению протестующих, Байден и лобби демократической партии пытаются украсть победу у Трампа. Активистов, как указано в сообщении юмористического портала, тревожит, что защищенный Конституцией выбор американского народа оказался под угрозой. «Нельзя, конечно, говорить от имени всех сразу, но я уверен, во всем Барнауле, во всем Алтайском крае найдется не так уж и много людей, равнодушных к происходящему сейчас в Америке. Наше внимание приковано к экранам телевизоров, где сейчас в виде цифр, в виде первых итогов выборов мы видим, как идет борьба между добром и злом, между великой Америкой и Содомом. Дональд Джон Трамп, мы все с тобой», — такие слова приписывает сатирическое издание несуществующему вице-мэру Барнаула и коммунисту Евгению Жучину.

В завершение статьи корреспондент отмечает: «По данным местных силовиков, митинги прошли без эксцессов и провокаций, патрули следили за соблюдением масочного режима и социальной дистанции. Новые народные сходы пока не планируются, но в зависимости от итогов американских выборов ещё «всё может быть», заявили в пресс-службе мэрии» [Жители Барнаула вышли митинговать в поддержку Дональда Трампа, URL].

Тема про барнаульских хакеров, которые могут повлиять на исход голосования в США, также является популярной в Рунете, о чем говорит распространенный мем, на котором изображен депутат Государственной Думы, бывший боксер Н. Валуев, который якобы звонит Трампу, задавая вопрос «Байден лидирует?»

Существуют и более грустные истории про мемы о Барнауле, которые связаны с уголовными делами об экстремизме в отношении Марии Мотузной, которой грозил реальный тюремный срок за репост. Эта история нашла отражение в меме, в основе которого лежит кадр из фильма «Интерстеллар», наложенный на изображение известных букв «БАРНАУЛ», расположенных на въезде в город, что делает отсылку к известной надписи «Hollywood». Также история М. Мотузной была не единственной в своем роде, поэтому Барнаул часто называют «столицей экстремизма» [Зеленский, URL].

Рисунок 5. – Мем на основании дела М. Мотузной

Если говорить об историях 2021 года, то последний визит премьер-министра М. Мишустина в город также стал поводом для рождения волны мемов, хотя и не столь популярных, как упомянутые выше.

В соцсетях появилось сразу серия мемов, связанных с посещением премьер-министром России Михаилом Мишустиным столовой барнаульской школы № 53. Больше всего пользователей соцсетей спровоцировала ситуация, когда глава правительства трижды переспросил необычное имя ученицы. Напомним, его там угостили гречкой с котлетой. Там же глава правительства поинтересовался у девочки, нравится ли ей компот, но предварительно спросил, как ее зовут. Ученица представилась Амелией. Но она отвечала негромко, да и имя Мишустин решил уточнить. Так что повторять ей пришлось три раза. Директор школы попросила школьницу даже опустить лицевую маску.

Рисунок 6. — Мем на основе посещения М. Мишустиным барнаульской школы

Подводя итоги анализа популярности мемов про Барнаул в сети Интернет, мы считаем важным упомянуть еще про один феномен, сделавший Барнаул всемирно известным городом в сети — Барнаулское метро (см. [Куляпин, 2018]). Возможно, именно этот миф и послужил первоосновой популярности города в Интернете в эпоху постправды, когда очень сложно проверить фактологическую достоверность информации. Существование метро Барнаула в сети при его реальном отсутствии задало вектор отношения к Барнаулу как к городу с особой интернет-историей, в которую уже вплетаются рассмотренные в данной статье мемы.

Кроме этого, популярность мемов про Барнаул, на наш взгляд, может быть объяснена феноменом «глобальной деревни» М. Мак-

люэна: глобализация и виртуализация привели к тому, что события на другом конце планеты ощущаются как что-то близкое и важное. Особенно, когда речь идёт о культурных сдвигах в США, которые, пусть и с опозданием, могут прийти и в Россию. Поэтому беспокоиться о таких вещах, даже если они сейчас не касаются человека напрямую, — это не «Барнаул, Алтайский край».

Таким образом, проведенный историко-филолого-культуроведческий анализ показал, что популярность мемов про Барнаул в Рунете и глобальном сегменте сети Интернет имеет давние предпосылки и обусловлена историей возникновения информационных поводов про события в Барнауле, но более всего связана с отношением массового сознания пользователей Интернета к Барнаулу как к глубокой провинции, в которой из-за отсутствия собственной новостной повестки начинают обсуждать события мирового уровня. Тем не менее, история продолжается, и только время покажет, как сложится кривая популярности Барнаула в сети.

Литература

1. Жители Барнаула вышли митинговать в поддержку Дональда Трампа [Электронный ресурс]. — URL: <https://panorama.pub/51684-v-barnaule-proshli-mitingi.html> (дата обращения: 15.05.2021)
2. Зеленский М. Столица экстремизма. Почему новости о статьях за мемы приходят из Барнаула [Электронный ресурс]. — URL: <https://zona.media/article/2018/08/03/barnaul> (дата обращения: 15.05.2021)
3. Куляпин А. И. Мифология барнаульского метро // Алтай. — 2018. — № 3. — С. 200–208.
4. «Поддерживали Байдена всем Барнаулом»: Рунет оказался завален мемами о краевом центре в дни выборов в США [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.bankfax.ru/news/139094> (дата обращения: 15.05.2021)
5. Склад Светлана [Электронный ресурс]. — URL: https://www.instagram.com/iam_illustrator/?hl=ru (дата обращения: 15.05.2021)
6. Трамп побеждает на выборах президента США в Барнауле [Электронный ресурс]. — URL: <https://altapress.ru/politika/story/tramp-pobezhdaet-na-viborah-prezidenta-ssha-v-barnaule-276693> (дата обращения: 15.05.2021)
7. Щурина Ю. В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Научный диалог. Филология. (Екатеринбург). — 2012. — № 3. — С. 160–172.

Раздел 2

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

М. П. Гребнева

Алтайский госуниверситет, Барнаул

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СТ. ИСАКОВА

Публикуемое драматическое произведение принадлежит перу алтайского писателя Степана Ильича Исакова (1884–1921). Оно было найдено в архиве Алтайского края во время работы над вторым томом антологии «Образ Алтая в русской литературе» (Фонд Р — 1605 — Опись, 1, — Дело 31 — С. 1–25.). Текст представляет собой рукопись автора. Она не имеет датировки, но, вероятно, относится к последним трагическим годам жизни писателя и имеет автобиографический характер. Будет интересна всем исследователям литературы об Алтае.

Ст. Исаков

Призраки

(3 действия с прологом)

Действующие лица:

Костерин Алексей Иванович, 35 лет, редактор пров. газеты.

Катя — его умершая жена — Призрак.

Вася — 10 л. их сын.

Егоровна — старуха-прислуга.

Две монашки.

Яков Петрович, Ольга Степановна — соседи Костериных — муж и жена, добрые знакомые.

Василий Васильевич — издатель пров. газеты.

Сергей Александрович — секретарь редакции.

Поэт, Хроникер, Фельетонист — сотрудники газеты.

Соснин — молод. писатель.

Мужик с ружьем.

Два мужика.

Три призрака — женщины старые, некрасивые.

Три призрака — женщины молодые, красивые.

Время — 5–6 месяцев: весна, лето и осень. Пролог и первые два действия — в городе, последнее действие — в горах.

Пролог

Маленькая комната. В ней цветы; большое окно; налево двери. У окна стол, на котором тоже цветы и большая книга с чернильницей.

Поэт, немного постаревший, чем в 3 акте, сидит в глубоком кресле и пишет книгу о любви.

Поэт (читает книгу) — Ты, человек, завершающий творения Бога, соединивший в кольце творений тьму и свет и вдунувший в камни душу; Ты, друг Сатаны и сотворившего тебя Бога; Ты, возглавлявший свой разум над вселенной и, в страстных тисках неизъяснимого, перестраивающий храм Творца по своему плану: — расширяя, возвышая, украшая его стены и колонны, арабески, полотна и шнуры, делаю их прозрачными и невесомыми!.. Ты, человек!.. Но для чего Ты сотворил Ложь и поставил в почетном углу своего жилища статуи Лицемерия и Предрассудка?! (говорит, отрываясь от книги):

Какими наглыми, бесстыдными, пошлыми стали люди! Они спрятали свои головы в мелочи жизни, сеемые Ложью, Лицемерием и Предрассудком, и стали бесстыдными и похотливыми.

О, как гадки люди! В то же время они — трусы, омерзительные и жалкие, как пресмыкающиеся...

Они боятся мышей — и мышей, пробегающих в темных чуланах. Они боятся сильных биений сердца, не говоря уже о том, что они смертельно боятся и Призраков!.. Ха-ха-ха!.. Трусы!..

И ты, Человек! Ты стал сух и жилист, как одна из тех тысяч машин, которые Ты выдумал. Ты — машина!.. И Ты смеешься, когда сердце просит любви...

Не так же ли думаешь и Ты о любви, как твои друзья — люди, поклоняющиеся Лжи?.. Любовь для них — смешное, стыдное, позор-

ное. — Они так смотрят на юношей и девушек, влюбленных друг в друга...

Неужели и Ты так думаешь о любви, о девушках и юношах, влюбленных друг в друга?..

Тогда и Ты — трус!..

Где же тебе, человек, вспыхнуть молнией и огненными искрами рассыпаться в радуге крика любви?..

Ты боишься любви: она заставит сильнее биться сердце, сильнее пустить кровообращение и прежде времени состарит ткани твоего тела; она быстрее сделает его куском дряблого мяса! Береги, Человек, это сокровище — тело: оно, выхоленное, будет хорошей закуской могильных червей. Береги же!.. Ха-ха-ха!..

Ты, возглавлявший свой разум над вселенной и перестраивающий храм Бога по своему плану, — береги же!.. Ха-ха-ха!..

Нет, ты трус, Человек, и не тебе хочу я рассказать этой книгой о любви, нет не тебе...

Вам, девушки и юноши, хочу рассказать о любви, вашему слуху хочу доверить биение сердца и показать Призраки, танцующие при свете костра, догорающего сердца...

Ха-ха-ха! Я думаю вы не испугаетесь этих Призраков и не убежите в светлые гостиные, где много людей, поклоняющихся Лжи, Лицемерию и Предрассудку... Нет, не испугаетесь.

Девушки и юноши! Смотрите, я хочу показать вам любовь... А вы, — вы раскройте ваши сердца — дерзко и смело раскройте их. Пусть вспыхнет и разбросится над миром палящим веером любовь Человека — ваша любовь. Пусть она спалит гнилые наросты веков и отбросы машин!..

Девушки и юноши! Жизнь — коротка, а юность — момент!..

Да, я знал одного, который, умирая, сказал мне: «Ты не постигнешь любви». Он был прав. Но не об этом. я хочу говорить. Я хочу говорить о том, как он разбросил со своим другом огненный веер любви. Я видел, как потухал этот веер. Веер потухал, а человека окружали Призраки... Но он не жалел, нет не жалел, что коротка была вспышка любви и не боялся Призраков: они, эти Призраки, упоительный сон упоительного мига жизни!..

(читает) О ты, прекрасная любовь, мучительно-лучезарная (неразборчиво — М. Г.) человечества! Ты, освещающая ярким пламенем (неразборчиво — М. Г.) ...

Действие 1

Большая комната. В обычное время, вероятно, она имеет другой вид, но теперь в нее составили вещи и из других комнат. Прямо два окна; к одному концом приставлен большой письменный стол; на столе много рукописей, книг. Перед столом — кресло, за столом — стул, но стул скрыт от зрителя столиком со скатертью до полу, — на нем тоже масса книг. В углу, у правой двери — низенький столик с игрушками, книжками Васи. Вася за столиком перебирает книжки. У этой же двери, видимо временно, поставлен стол из столовой, на котором — самовар, тарелки с холодной закуской, кружка кваса. Все это в беспорядке, еще не убрано после обеда или ужина. Влево двери в комнату, где лежит умершая жена Костерина — Катя. Оттуда иногда слышно гнусавое чтение монашки. У этих дверей к умершей стоят пальцы с вышиванием, с неоконченной работой Кати.

После того как занавес поднят — минута молчания, только слышно чтение монашки.

Костерин прохаживается, затем садится к письменному столу в кресло. Вечер, но огня еще нет.

Костерин. Вася! Там, на комоде, где... монашки стоит мамино зеркало... Принеси его.

Вася. Сейчас! (Длинная пауза. Затем Вася, досмотрев книжку, идет к монашкам и приносит зеркало). Вот. Оно закрыто было.

Костерин. Закрыто? Да, его и надо закрыть... Я это и хотел сделать. Ну, иди играй. (Не находя, чем закрыть, Костерин кладет зеркало на стол, обратной стороной вверх).

Вася. Папа, тебе надо побриться.

Костерин. Побриться? Тебе кто сказал?

Вася. Мама бы так сказала... А для чего мама умерла?..

Костерин. Для чего? Гм... Для того, чтобы... Вообще она — умерла... Да.

Вася. А мамины коробочки отдашь мне?..

Костерин. Коробочки... Коробочки?..

Вася. Ну, да. Мама мне их обещала. Как умру, говорит, так и возьми все коробочки.

Костерин. Хорошо. Они все твои будут... Все, все...

Вася. Я из них магазин сделаю... Большой, красивый.

Костерин. Закрой двери.

Вася. (Закрывая к монашкам двери). Какие скучные монашки. Они всегда такие? И пахнет... кладовой от них.

Костерин. (ходит, не слушая Васю). Хорошо, хорошо... Монашки? Да...

Вася. (думая). Я никогда бы в монашки не пошел. Я буду сказки писать, как ты... и магазины строить... А Петя с Надей покупать товары будут у меня. (Пауза). Они почему не ходят ко мне в гости? А, папа? Почему Петя с Надей не идут? Боятся мамы? Да, папа же! (дергает Костерина за пиджак). Какой ты стал!..

Костерин. Что? Петя с Надей?.. Да, да... Они тоже — магазины строить... Ты о чем спрашиваешь? Пойдем-ка лучше посидим вместе... сиротки. (салятся в кресло; Вася на коленях у Костерина). Вот так... Впрочем, там на комодке зеркало...

Вася. Вот это?..

Костерин. Вот это... Значит, ты уже принес его. Ну и отлично... Отлично!.. Говорят, зеркала закрывать надо, когда... Ты, Васека, не грусти только: — все будет хорошо. Знаешь, что мы будем делать? Мы оба с тобой будем ходить на службу, в редакцию. Там — пирожки рядом, в кофейной: как захочем покушать, так и пирожки... А потом... потом там, у нас всяких книг — горы, и с картинками есть... Вот... А вечером можем — в сад, музыку слушать, или на реку — в лодке кататься, или ... Вообще найдем чем заняться, только грустить не надо. Мы ведь с тобой не нюни... Нас бьет эта, как ее? — судьба, ну и пусть!.. Много не напротестуешь... Но — терпим. Мы с тобой из мужиков, — мы стерпим... Мы, брат...

(Тихо, печально входит Егоровна).

Егоровна. Сидите?.. Спать, поди, Васеньке пора?..

Вася. Папа говорит: спать нельзя.

Егоровна. Папе — нельзя, а тебе — надо.

Костерин. Правда, Васека, иди-ка кувыркнись... Хочешь со мной уснуть? Поговорим еще кой о чем.

Вася. Хочу... уже... Пойдем уже.

Егоровна. Ну, вот и молодец. Вася — молодец! Я там и кроватку приготовила.

Костерин. Мы живо. Идем... (Уходят в двери направо, откуда вышла Егоровна. Егоровна подходит к дверям, где монашки и, задумываясь, останавливается, вытирая на глазах слезы).

Егоровна. Отмаялась, матушка, Катерина Павловна! Отмучилась, голубушка сизокрылая, закрыла очи голубые, ласковые... доконала болезнь-злодейка!.. Охо-хо-нюшки!.. Жизнь наша, жизнь наша!.. Жизнь наша! (идет к столу Костерина и в недоумении ахает). Ах ти, светы мои! (берет со стола кольца, броши, цепочку, разглядывает). Жалкует, жалкует-то как ты, Олексеюшко да Иванович!.. Да и как не жалковать? Жили-то как, жили-то! (пауза. Прячет в карман кольцо). На память о лапушке, Катерине Павловне: не припомнит, поди, подарить-то Алексей-то Иваныч. Охо-хонюшки!.. (из дверей появляется монашка)

Монашка. Испить бы, бабонька...

Егоровна. (Вздрагивая) Ах!.. Испугала меня, миленькая!.. Думала — Катерина Павловна: хворала, все пить просила: и испить бы, говорила... Кваску поди?

Монашка. Кваску, бабонька...

Егоровна. (подавая кружку) Вот испей-ко, миленькая.

Монашка. (напившись) Какая она, покойница-то! — мощи ровно: белая, восковая!..

Егоровна. Исхворалась, голубушка, исхворалась... А женщина-то какая была! По уму, да по сердцу — ангел Христов... Господь-то Батюшки милых-то и прибирает поближе к себе. — Он видит.

Монашка. А он-то, сам-то муж-то!.. Все молчит, молчит, и не заглядывает к ней... Ровно и не жена...

Егоровна. А горе-то не погремушка, не тарыхтит. В горе нем человек, слеп человек... Душевная да кроткая была женщина... Ровно два голубочка жили под одной поветкой. Насмотрелась я на них: сидят за полночь и все воркуют, воркуют... О чем и воркуют.

Монашка. Али горе убило его?.. Поплакал бы, Господу помолился — легче сердцу будет. А то запечется сердце кровью черной, супостат мутить станет.

Егоровна. (вздыхая) Горе-гореваньце!.. (Пауза).

Монашка. Знала я одное — чиновницкая дочка была. Овдовела, осиротела, голубушка, да вот также: ровно век слезинки неронила, — не плачет. Мучилась, мучилась, а потом лукавый в образе мужа и начни каждоночно похаживать к несчастненькой... Сгорела, исчахала...

Егоровна. Лукавый-то — тут как тут.

Монашка. А ищет!.. Надоумь ко ему, чтобы в монастыре поклон за него кинули, — за здравьице. Надоумь. Не грех Богу свечку поставить...

Егоровна. Ох-ти, горе-гореваньице!..

Костерин. (быстро входя, оглядываясь) Уснул... Сразу... (садясь к столу). Здесь... никого не было?..

Егоровна. Нет... Сестричка вот только...

Монашка. Творец наш милосердный, вездесущий!.. Еще разве испить. (Пьет, затем идет к двери и уходит к покойнице)

Егоровна. (думая о Васе) Уснул... Чё ему — мал-неразумын. Сиротиночка милая, горемычная!.. Не ведает: встанет утречком да за игрушечки...

Костерин. Да-а!.. А мне показалось — кто-то входил.

Егоровна. А кто пойдет, Алексей Иванович!.. Сам-то вот тоже соснул бы, призабылся... Сколько ночей на ногах!.. Усни-ко, возьми чашечек-другой...

Костерин. Оставь меня, Егоровна!..

Егоровна. Ну, смотри... (идет к монашкам). (Пауза. Костерин подходит к пьльцам и в глубокой задумчивости рассматривает рисунок, не склоняясь. За письменным столом, на стуле появляется Призрак — жена. Костерин, еще не видя Призрака, как бы преображается: лицо и глаза делаются светлыми, одухотворенными. Увидав Призрак — жену, он вздрагивает от неожиданности, но тут же счастливо улыбается. (Пауза).

Костерин. Ну, что ж, я — рад... Я знаю, кто ты, Ты — Призрак, галлюцинация, но я не боюсь тебя ... принимаю... Ты — не вампир... Разве ты можешь быть вампиром?..

Призрак. Тебе надо побриться.

Костерин. Об этом я думал. (Пауза). Ну, вот и кончена пьеса!.. Как быстро прошли эти одиннадцать лет, и как быстро ты сгорела! Разве мы одиннадцать лет хотели жить? Это была только борьба... Мы клали одинаковые усилия и вот ты — не устояла! Бог не справедлив... Но я знаю, что мне надо делать.

Призрак. Я по-прежнему — с тобой. Во всякой вещи здесь — я живу. Разве тебе надо больше...

Костерин. Ты говоришь то, что я думаю... Да, мне надо больше.

Призрак. Ну, что ж... Вася — это я...

Костерин. Мне нужен человек... постоянно, всегда... Призрак, мечта, нежный букет цветов, тонкое настроение душевной гармонии... сон... Да... Вася — это я...

Призрак. И — я...

Костерин. Ну и ты. (весело) Ха-ха-ха... Мы все еще спорим об этом... Это вошло в привычку у нас. Ха-ха-ха... И вот... — Вася — я...

Призрак. (настойчиво и игриво) И — я...

Костерин. Ха-ха... Стойкая ты, не поддаешься, но хрупкая. Почему ты не бережешь себя?.. (грустно) — Не берегла... Ты тоненькая — и сломалась. Иногда надо и склоняться. Эти вот годы! Как трудна, но и как интересна была борьба в эти годы!.. Мы мечтали — наши радости были в мечтах. Только это и было от жизни, чтобы не разлюбить ее. О, мы сумели любить и ее, и друг друга! Пусть другие так любят! А мечты?.. Мечты стали сбываться. Милая Катя! Мечты стали сбываться! Мои рассказы — не творчество? И разве — голодаем? О, мы богаты!.. И разве не поехали бы в Италию и в Индию... Италия — твоя мечта, и вот... ты — сломилась...

Призрак. Я буду с тобой в Италии.

Костерин. (грустно) Да, да... да!.. Италия!.. Москва!.. Алтай!..

Призрак. Ты на Алтае построишь дом по моему плану; Знаешь его? — он у тебя в столе. Одна комната будет... моей... Только один ты будешь моим гостем... Да?..

Костерин. Да. Да... (ищет и вынимает из стола план) Я не буду жить в городе. Я буду жить там, в Алтае... Я построю дом с высокой башней, и в ней, в этой башне — твоя комната, обитая пурпуром, — только одна комната в башне!.. Разве не построят архитекторы такой башни, в которой бы не было окон, но был свет: — утреннее, полдненное и вечернее солнце? А ночью — голубые звезды!.. Вот твой план. (Егоровна, выждав, когда Костерин повернулся к ней спиной, пронесит из комнаты монашек узел, из которого тащится шарфик Кати. Уже у дверей в комнату направо из узла выпадает вазочка и разбивается).

Егоровна. Ах!..

Костерин. (в испуге, подбегая к вазочке) Что ты делаешь, Егоровна?!..

Егоровна. Я!.. Я!.. (Костерин быстро возвращается к столу, чтобы скрыть призрак, но призрака уже нет. И он кричит на Егоровну).

Костерин. Уходи ты, ради Бога!.. Оставь меня!..

Егоровна. Да я, Алексей Иванович!.. Да я (оставляя осколки вазочки, уходит с узлом) (Пауза. Кажется, что Костерин приходит в состояние столбняка. Стоит. Из комнаты монашек в открытую дверь слышно чтение псалтыри. Потом в возбуждении, покачиваясь, Костерин

медленно обходит стол, трогает стул, где сидел Призрак. Затем приотворяет дверь к монашкам, садится в кресло и рассматривает план).

Костерин. Вот и комната... (пауза). Вот тут будет стоять ваза с цветами... в цветах обязательно шиповник... Потом... здесь на середине... пирамида, — тоже цветы... и стеклянный шар — собирает лучи... И в нем... А потом... (Смотрит против себя, где сидел призрак). Почему тебя нет? Мы — одни... Я не знаю, как убрать твою комнату. (Ждет. Слышно тихое пение монашек. Я запрუსь кругом на ключ. Хочешь? (запирает на ключ те и другие двери). Ну вот мы и одни. (тихо, бесшумно ходит по комнате, боясь нарушить тишину) ... Нет, так быстро не сходят с ума. Это — галлюцинация. Да. Ну, а если бы сошел? (пауза). Если бы меня окружили призраки? (пауза) Мой дом к вашим услугам, призраки! Слышите! (Пауза. Садясь к столу, берет план; рассматривает его). А вот — моя комната. Она на несколько ступеней ниже ее комнаты. Но они рядом, и в ее комнату один ход — из моей... А вот здесь — комната Васи и тети Серафимы... (Пауза. Отрываясь от плана). Этот дом — твоя мечта. Слышишь!.. (Идет к пальцам, и как давеча опять смотрит на вышивку, глубоко задумавшись. В это время на том же месте появляется Призрак-Жена. Костерин, чувствуя это, возрождается) Я так и знал. Ты не могла покинуть меня, не договорив.

Призрак. (как бы насмешливо). Мы говорим о том, о чем ты думаешь. Разве не замечаешь?

Костерин. (Радостный, садясь в кресло). Не хочу замечать... О чем мы будем говорить?

Призрак. О тете Серафиме. Ее надо взять к Васе. Она замирилась со своим стариком, а Вася разве может жить один?..

Костерин. А я?

Призрак. Ты не можешь быть нянькой. Это скучно — нянчить... Я знаю это.

Костерин. Да, ты это знаешь, бедная!.. (Костерин задумчиво поворачивает на пальце свое обручальное кольцо).

Призрак. А это кольцо можешь переменить, я тебе говорила. Оно будет тебе мало.

Костерин. Оно будет велико. Но я его не переменяю... Слышишь: — не переменяю.

Призрак. (Тихо смеясь) Какой ты... наивный, большой, а наивный!.. Ты еще молод, а жизнь соблазнительна.

Костерин. Мы не будем об этом говорить.

Призрак. Хорошо.

Костерин. Да, да. Это — лишнее — ты сама знаешь.

Призрак. Хорошо. Я не буду говорить об этом. Ты всегда — мой повелитель. Я — молчу. (улыбаясь). Покорный повелитель!

Костерин. Покорная повелительница! (оба тихо смеются).

Призрак. Расскажи что-нибудь... Ты что пишешь?

Костерин. (серьезно) Я только задумывал... Да, но теперь... Я задумывал маленькую новеллу... Ты должна знать, какая будет эта новелла. Это было...

Призрак. В Алтае?

Костерин. Да, в Алтае... Уже было там — на Чернижной горе, под висячим утесом...

Призрак. А-а!.. Ну-ну!..

Костерин. (рассказывая сюжет новеллы) Мы сидим в траве, прижавшись друг к другу... Наши щеки касаются, дыхание сливается... Да... Ты такая хрупкая, призрачная, соткана из теней сосновых веток... На твоём лице нет следов борьбы. Разве нужны эти следы в этот час? Да... Ты — гредишь... Твоя голова на моих коленях. «Мне хорошо», — говоришь ты как всегда... Ты просишь рассказывать сказки — мои сказки: и любовь, и радостную музыку солнечной жизни... Любовь свежа, как утреннее солнце. Она легким дыханием поит наши сердца, капает огненными каплями страсти... Но мы — молчим. Тихо. Но мы чувствуем друг друга пуще, чем сами себя... Мы в сказке... Мы только слушаем шепот нависшей скалы и шепот лесных теней на траве — и молчим...

Призрак. Да, да, да...

Костерин. Но вот — дыхание ветерка... Он несет новый аромат гор, оттуда со снежных вершин и из цветущих долин... И мы — пробуждаемся! То был — упоительный сон; то — что не бывает наяву, — почти не бывает... И мы взглядываем друг другу в глаза...

Призрак. Да, да, да...

Костерин. Но я не вижу твоих глаз. Ты — бездонная, беспредельная радость, забытье, блаженство, счастье... И ты не узнаешь моих глаз... Ты только подставляешь щеку и говоришь — «целуй»...

Призрак. Да, да, да...

Костерин. Ты помнишь это?.. (Пауза).

Призрак. Я хорошо помню это. Но почему ты хочешь записать именно этот случай, а не другой?

Костерин. Другой? Гм... Но ты так же бы спросила и о том, другом случае, если бы я рассказал его.

Призрак. Да, пожалуй.

Костерин. (Задумчиво) А может быть мне совсем не следует писать об этом?.. О нас?..

Призрак. Почему?

Костерин. Разве не осмеют циники? Они осмеют, они надругаются над нами, те циники...

Призрак. Не пиши... Нет, напиши. Они не посмеют. Девушки и юноши не позволят осмеять.

Костерин. (пылко) А! Да, да! Я понимаю! Девушки и юноши также чисты! У них такие же сердца, как у нас! Они... (В двери справа стучат. Голос Якова Петровича: «Ты там!.. Отвори!..»). Костерин бросается к двери, потом возвращается, чтобы скрыть Призрак, но его уже нет. На лице Костерина тоска и злоба.

Яков Петрович. (за дверью) Алексей!..

Костерин. (отпирая ключом дверь) Ах, носит вас!..

Яков Петрович. (оглядывая комнату) Почему без огня сидишь? Темно...

Костерин. (сердито) Так нравится, значит.

Яков Петрович. Н-да.. И монашек запер.

Костерин. (отворяет молча дверь к монашкам).

Яков Петрович. Сейчас Оля придет... Придет и наведет тут у тебя порядок... Н-да... Опускаешься ты...

Костерин. Пожалуйста, оставь шутки!.. Вообще оставь меня в покое.

Яков Петрович. В покое?.. Я — ничего. С чего ты взял?.. (хочет сесть на стул, где был призрак). Нет, я только так...

Костерин. Не садись там!.. Вот сюда...

Яков Петрович. (подозрительно) Почему?..

Костерин. Там нельзя садиться (улыбаясь, прося). Сядь, голубчик, сюда.

Яков Петрович. Ладно. (Пауза. Слышно монашку. Костерин зажигает лампу. Яков Петрович осматривает комнату Костерина, покачивает головой).

Костерин. Эти монашки! — гнусавят...

Яков Петрович. Посему и на ключ их... Можно и не на ключ... (Пауза) Ты вот что... Не прячься от людей: на людях легче переносить горе... Чаю хочешь?..

Костерин. (забываясь, что он дома) Благодарю.

Яков Петрович. А то выпьем... Сейчас придет Оля, она напоит ужо... Да. Застряла, знаешь, со старухой твоей тут в кухне и... Хочешь газетку почитать?.. Вашу?..

Костерин. Хорошо.

Яков Петрович. Посмотри, интересный номер (подает газету) ...
Передовая особенно интересна.

Костерин. Оставь, посмотрю потом...

Яков Петрович. Посмотри, посмотри...

Костерин. Фу, ты, Господи! Вот пристал! Не можешь помолчать?..
(Пауза)

Оля. (входя) Я самовар заказала.

Костерин. (страдая) А!! Ну, ладно... Отлично... И отлично — самовар... Да... (Оля хочет сесть на стул, где был призрак)

Костерин. Нет, нет... Вы вот тут сядьте... Да, да... (принуждая себя говорить) Я все с вами поговорить собираюсь... О многом, да вот!..

Оля. И я с вами — поговорить...

Костерин. Да?.. Совпадение какое!.. Там, видите ли, у ... Кати в комоде надо того... посмотреть бы... Вот, вот — посмотреть...

Оля. И — запереть... Я похозяйничаю у вас, а то...

Костерин. А?.. Вот, вот, похозяйничайте... Там может быть заплесневело все... Просушить бы и все такое...

Оля. Конечно. А теперь запереть. (идет к монашкам)

Яков Петрович. (Оле) И ключ себе... Ей со стороны видно, что творится тут у тебя...

Костерин. (тревожно) Что она видела?..

Яков Петрович. Так, после это... За старухой приглядывать надо, вот что...

Костерин. (облегченно) А-а... Да, да... Я тоже думаю... За старухой присматривать, вот, вот...

Оля. (из комнаты монашек) Алексей Иваныч! На минуточку сюда...

Костерин. Иду! (уходит) (Яков Петрович быстро подходит к письменному столу и, найдя, рассматривает план)

Яков Петрович. Это ее рука... А это его... (Пауза) Нда, брат... (вздыхая, ходит из угла в угол) Да, братуша!.. Скверно, братуша... Сидеть одному в комнате, на ключе, и разговаривать...

Оля. (вбегая, тревожно): Стал и стоит!.. У него столбняк, Яша!..

Яков Петрович. Не трогай его...

Оля (плача) Да ведь... Отогнал монашку и стоит!.. И смотрит!.. И не мигает... Страшно, Яша!..

Яков Петрович. (сердито) Брось, не скули!.. Пройдет все... Я жить у него буду пока... Заперла комод?..

Оля. Вот ключи... И сундук заперла... Да, господи! Что с ним?! А тут — старуха! Она все из кладовой вытаскала.

Яков Петрович. Да перестань, ради бога, ныть!.. Ну, смотри за старухой, за всем смотри... И не жужжи ему в уши...

Оля. Да ведь — грабеж!..

Яков Петрович. А ты не знаешь: у покойника не скрасть — грех, люди засмеют...

Оля. Да... Господи!.. А он?.. У него — столбняк!.. (Костерин быстро входит и садится в свое кресло. В глазах и гордо закинутой голове решимость. Он что-то решил и хочет привести решение в исполнение. Но все это — ненадолго) ...

Костерин. Я могу остаться один?!.. (Пауза)

Оля. (робко) А — чай?..

Яков Петрович. Да, да — чай!.. Я чаю хочу... с коньяком...

Костерин. А — хорошо! (развертывает газету)

Яков Петрович. А брому не выпьешь?.. Или чего-нибудь такого, а?..

Оля. Чаю с коньяком...

Яков Петрович. Нет... Ну или чаю с коньяком...

Костерин. (бросая газету, вскакивая): Вы все заботитесь о чем-то! Кому нужно?.. Мне покой нужен, а вы... Вон там на комодѣ зеркало стоит, принесли бы сюда...

Оля. Сюда? Его только закрыть надо...

Костерин. Вот, принесите и закройте. (Оля уходит. Пауза. Яков Петрович, рассматривая вышивку на пьльцах, покачивает головой. Потом говорит, как бы хочет доказать непреложное в жизни человека — смерть, и убедить Костерина примириться со смертью жены)

Яков Петрович. Н-да... Вышивала, вышивала... Думала поди — сколько проживет! — и вот... Все мы так: делаем на век, а конец за плечами стоит...

Костерин. Заныл... Шел бы домой...

Яков Петрович. Странно... (Пауза. Костерин ходит по комнате. В то время, как он идет от стола, там же, на стуле, появляется Призрак — жена. Костерин останавливается среди комнаты. Еще не видя призрака, его лицо сразу делается радостным. Он оборачивается и идет к столу).

Призрак. Ты не гони их, Леня. Я могу быть для тебя, когда угодно: они не мешают мне. Сядь тут... Вот так... Ты не должен говорить со мной.

Оля. (входя): Я не нашла зеркала...

Костерин. (радостно) Зеркала? Какая вы заботливая, Оля!

Оля (немного в страхе от перемены Костерина): Не нашла... Искала, искала...

Яков Петрович. (увидя зеркало на письм. столе) Искала, искала!.. А это что?..

Костерин. И правда: это что? Ха-ха!.. Я и забыл: его еще Вася принес...

Яков Петрович. (улыбается, но в тревоге) Чудак человек!.. Ну, чаю, чаю, Оля...

Оля. (Костерину) Вы будете чай пить?..

Призрак. Конечно, Леня!..

Костерин. Конечно... Я ведь голоден... целый день не ел... Представьте, ей-Богу, кажется, не ел!..

Яков Петрович. И коньяку, Оля!.. Хочешь по рюмочке?..

Призрак. Конечно, Леня!

Костерин. Милый, Яков Петрович! Одну маленькую рюмочку!..

Яков Петрович. Ну и вот... Я, брат... Ты, брат!.. (Оле) Ну, что же ты? Иди распорядись поживей...

Оля. (тихо) Я боюсь!.. Что с ним?..

Яков Петрович. (тоже, тихо) Брось!.. Иди!..

Призрак. И Васю разбуди...

Костерин. Жарте, жарте, Олечка!.. А я Васю подниму: он тоже хочет чаю... Мы с коньяком, а он с пирожным — у меня пирожное есть... Ха-ха!.. Устроим пир... пир на весь мир!.. Идите, Олечка!..

Оля. Иду!! (быстро уходит, точно убегает)

Костерин. (Якову Петровичу) А ты... Да, да... Я только Васю разбужу... (Костерин хочет идти. Призрак подходит к Костерину, и они оба идут в те же двери, куда вышла Оля. Костерин идет впереди радостный, счастливый, с поднятой головой, призрак за ним).

Яков Петрович. (один) Н-ну, братуша!.. Дела, братуша!.. Плохи дела, братуша!.. (Тишина. Слышно чтение монашки).

Занавес

Действие 2-е

Комната издателя провинциальной газеты. Слева дверь в комнату редакции, — там Костерин и Соснин. Прямо дверь на балкон. Справа тоже дверь. Посредине комнаты стол с закусками и винами. Издатель — Василий Васильевич — старичок; говорит на «о»; гости — сотрудники: секретарь — Сергей Александрович — корректный, аккуратный во всем — и в одежде; Поэт — мрачный, серый, в серой блузе, молодой; Хроникер — человек коммивояжерского типа; Фельетонист — в студенческом мундире, веселый каламбурист; пьют водку, коньяк. Это одна из вечеринок, иногда устраиваемых издателем. Все навеселе.

В то время как поднимается занавес, издатель что-то говорит секретарю, жестикулируя руками. Его последние слова: «мылят мне шею-то дружки мои приятели, и все за вас некошных».

Хроникер (издателю) Нет, ей Богу же меня не понимают, меня не раскопают... не признают... Меня!.. Почему меня не пускают в газету? Василий Васильевич!..

Издатель. Асиньки?!

Хроникер. Почему не пускают в газету?

Издатель. (указывая на дверь редакционной комнаты) Спроси, любезный, того... Алексей Иваныча...

Хроникер (безнадежно) Спросите вы...

Издатель. А вы?... Хе-хе...

Хроникер (с жаром) Нет, ей богу — та драма!.. Ее на прочитали даже до конца... Хотя бы из вежливости дочитали, а то... А между прочим артист Туберозов в восхищении... В восхищении от моей драмы артист да еще Туберозов! Это не баран начихал, а они... А если еще поставить ее в нашем городе, да на афишах напечатать так: драма сочинения местного автора такого-то, а?.. Эх, как относятся к творчеству!.. Или повесть! Вот та, что услал в Питер?..

Издатель. И правильно!.. И хорошо сделал! — В Питер!.. Там, любезный, сразу в журнал... в журнал! А тут газета! Что лучше, а?..

Поэт. (мрачно) Ерунда — повесть...

Хроникер. П-позвольте-с!..

Фельетонист. Поэт врет, мрачно врет!.. Хорошая повесть... И написана по вдохновению: — сразу на машинке, без поправок... Я знаю.

Издатель. Брось, Мефода! Выпьем лучше еще. Да. Тут все доходы от магазина кладу, до копеечки, все дивиденды на газету, а он — повести, да драмы в нее...

Поэт. А принципиально — разве не надо?..

Издатель. Да если бы вон Алексея Иваныча они, а то, прости бог... (крикливо, весело): Коньячком, водочкой вас еженедельно наливаю, не будь всерьез принято, а вы — драму, повесть. Не тяжело для дивидендов?.. Выпьемте-ка.

Хроникер. (подавленно) Коришь?..

Фельетонист. Пономарь, чувствуешь? Одним словом, талант убивают... Верно?..

Хроникер. Не финти!.. (обиженно садится в угол)

Фельетонист. Я тебя выручаю!..

Издатель. (наливая рюмки). Так вот я и говорю: постепенность, постепенность... прежде всего постепенность. Да... Чувствуешь узду на себе, ну и ... черт с ней, с уздой... А мы помаленечку, потихонечку, полегонечку!.. Где уж нам звезды хватать? Пусть там, в столицах, да в больших городах шумят...

Секретарь. (улыбаясь) Ну, дальше...

Издатель. Вот — шумят; а мы — подголоском, подголоском за ними, за ними... Так-то, братцы!..

Фельетонист. М-да-с!..

Издатель. Асиньки?..

Фельетонист. А так я не про себя.

Издатель. И вот значит эта как ее ... эволюция, самая! Эволюция... Да вы — выпить, выпить, господа...

Секретарь. Нет, вы доскажите... интересно все-таки...

Издатель. Эволюция вот говорю... И правда: держись за нее как... ну. скажем, как за плуг и... А тут местные делишки... Власку Петровича задеть, Гундосого подкузьмить... Господина Лесовного поскрести — и забавно публике, ей Богу!..

Поэт. (мрачно) Брось, старик! Молчи!..

Фельетонист. За дивиденды старик потеет... Пономарь, голосуй за резолюцию поэта!..

Хроникер. Пошел к черту!..

Издатель. Мефода! Ты души, сердца моего не понимаешь!.. Ты думаешь! — скряга я, а я ваш брат... богема, пролетарий в душе... (фельетонист, поэт и потом другие берут рюмки, пьют и закусывают)

Фельетонист. Старик!..

Секретарь. Н-да!.. Потеете вы за дивиденды... Для вас газета только как предприятие коммерческое — не больше, но газете от этого не тепло. Нас обвиняют в беспринципности, в трусости — и правы. Мы держим руки в карманах и строим там пальцами разные манипуляции. Разве не стыдно! Да, мы только развлекаем публику: забавные фельетоны пишем, да корреспонденции о сельских писарях, а дальше — руки не поднимаются — трусим... Да. И если бы не было литературного отдела, Алексея Иваныча бы не было, то газета была бы грязным листом бумаги!..

Издатель. А хроника? А телеграммы? А разные такие статьи ваши? А то-се, пято-десято?.. Шесть столбцов ведь...

Секретарь. (машет рукой) Бросим болтать!.. (горячо): Тут пыла надо, огонь, сок жизни тискать в газету, а вы — на забаву публики ее... Я — молчу!..

Фельетонист. Правильно!.. авильно!.. Полтора раза правильно!..

Издатель. Господа!.. Сергей Александрович!.. Голубчик мой!..

Поэт. (мрачно) Революцию бы надо...

Издатель. Р... революцию?.. (Издатель растерянно смотрит на поэта, секретаря, потом идет к хроникеру, который все еще сидит, насупившись в углу)

Издатель (хроникеру) Выпьем лучше... драматург!.. Не понимаю я их... Ты не сердись на меня?..

Фельетонист. (как бы удивлен) Вот... вот... Ну и старик, а!.. Хитер!..

Хроникер. (вздыхая) Выпьем, дедушка!.. (Из редакции выходит Костерин. Рядом с ним Соснин, — мужиковатый молодой человек, который подобострастно, внимательно слушает Костерина. Во всем это — точно учитель и ученик).

Костерин. (Соснину, продолжая) ... Прекрасный дар в человеке — любовь. Любите всех — и врага: он — человек. (Все, притихая, слушают Костерина). Если вы выискиваете в нем нехорошее — это ваша ошибка. Во враге ищут дурное — это ошибка. Ищите хорошее, говорите ему о том, что он хорош — он будет вашим другом. Да!.. И вот мы, писатели, и должны в человеке-враге искать все хорошее... Обличай его, но говори: ты — человек, и он поверит вам... А вера та же сила, что и любовь!..

Соснин. (с восторгом) Вы открываете передо мной все новое и новое.

Секретарь. (показывая на рюмки) Алексей Иваныч! Пропустите?

Костерин. Сейчас... (Соснину) Надо найти себя!.. Все крупные писатели потому крупны, что, прежде всего, нашли себя, а не стали рабами моды. Они — и крупные люди. Если вы не почувствуете себя, не найдете себя — бросьте все... не скоморошничайте. Ах... Вы — свежий, вы — народ! Несите в литературу свежее, народное и — индивидуальное... Но в рамки какой-либо литературной школы не втискивайте себя предвзято: — это гибель. И не упрямитесь, если совершится в вас перелом в сторону другой литературной школы. У вас он может быть скоро, ибо вы еще на пути исканий... Эволюция русской литературы идет огромными шагами, даже скачками, как и жизнь, и в ней коротки как господства, так и безвременья.

Соснин. Я хочу служить народу.

Костерин. Прекрасно: вы — сын народа...

Соснин. Значит, я должен писать для народа...

Костерин. Ложь!.. Я понимаю вас. Вы не должны писать ни для кого. Вы должны бить по сердцам людей, кто бы они ни были, чтобы посылать их в народ делать то, что хотите делать вы. Вот ваше служение народу! Писатель должен зажечь любовь мою, его, того к народу — и мы пойдем. Вот ваша сила! Разве не так было? И я повторяю: прекрасный дар природы человеку — любовь. Воспламени человека, зажги в сердце его любовь, и он сделает то, чего захочешь ты. (Костерин чеканно так же, как и говорит, но мягко подходит к столу и выпивает рюмку, не закусывая. Пауза).

Костерин. (Соснину) Вы спрашиваете меня: как я принимаюсь за работу... на это трудно ответить. Не я принимаюсь за работу, а нарастание настроений приковывает меня за нее. Тогда я бываю как глухарь: пою с закрытыми ушами... Поет мое сердце!.. О, какой великий двигатель это сердце! Это — вечный двигатель, это пламя,двигающее всякую машину и господина ее — человека!.. Разве я не говорил вам об этом?..

Соснин. Да, вы говорили, но...

Костерин. (не слушая) Вот я и теперь чувствую нарастание настроений... Что-то должно быть... Может быть я сегодня ночью сяду за работу и сотворю сильную вещь, а может быть мой ум заснет и настроения потухнут прежде, чем проснется ум... А может быть совсем не для работ совершается этот процесс нарастания. Разве я могу знать об этом? Но я чувствую: сердце мое беспокоится... Уже беспокоится несколько дней — я чувствую это. Оно говорит мне: готовься! (по-

думав) И я — готовлюсь! (Костерин подходит к столу и, забывшись, еще пьет рюмку).

Фельетонист. Тогда и мы повторим...

Костерин. (удивленно) Повторим? Извиняюсь (ходит, думая).

Издатель. Алексей Иванович! Для чего — извиняюсь? В своей-то компании?.. Господа! По рюмочке (суетится у стола).

Секретарь (задумчиво) Н-да-а... Ну, что-же, можно и выпить... Можно и выпить...

Хроникер. Я готов, собственно говоря... А вот когда же читать?.. У меня стихи есть.

Фельетонист. Твои стихи — хи-хи...

Поэт. Вот я тут тоже (вынимая из кармана листок). Надо?

Соснин. О, пожалуйста!..

Издатель. Милые мои человечки!.. Ну, почто я не стихотворец?!..

Фельетонист. А для чего это тебе — стихотворцем?..

Издатель. Приятные вы человеки!..

Хроникер. Разбирает коньячок-то старикана?.. А целоваться скоро?..

Издатель. (секретарю) Да ну!.. Не стихотворец ли я в самом деле?.. Смотрите седина, а с вами шутниками — в раю! В душе поэт!.. В ду-у-ше!.. ну-ко Власко Петрович — кинет свои дивиденды на газету?.. Жила он, сушь, комок гнилого мяса у него в груди-то, а не сердце! А — я?!.. Смотри среди каких людей-то я!.. (обнимая секретаря) Сергей Александрович!.. Почто я поздно спознался с вами?..

Хроникер. Ну и маслянист — старик, втирает... Без сала в душу влезет!..

Поэт. Будете стихи слушать?..

Хроникер. Верно. Он — стихи, я — рассказ. Идет, публика?!..

Костерин. (Соснину) А у вас есть что?..

Соснин. Да... Нет... Есть, но чувствую... вот сейчас почувствовал — слабо оно, что есть... Нет, я не буду читать...

Костерин. (поэту) Читайте...

Поэт. (декламирует мрачно)

Я — серый демон. Живу я в сером.

Я свет даю вам, — холодный свет.

В часы ненастья я правлю небом,

В часы лазури — меня там нет...

Я — вой пожаров. Я правлю дымом, —
В глаза несчастных дышу я им.
Дышу я зноем, дышу самумом;
Зимой бураном пою седым...

Я — демон мелкий, я — демон серый.
Люблю я затхлость сырых могил.
Чумы предвестник, я друг холеры;
Над гробом шорох люблю кадил...

Хандра — весь мир мой — хандра и стон, —
Поющей вьюги мятежный след,
Угара зелень и желтый дом...
Все то творил я мильоны лет!..
(Поэт кончил и ждет: что скажут. Длинная пауза. Точно все ждут слова Костерина, поглядывая на него).

Костерин. (Соснину) Хорошо?..

Соснин. Я не понимаю.

Костерин. Я — тоже...

Фельетонист. Поэт сам — серый демон.

Костерин. Скверно, мерзко, гадко!.. Бррр!.. И написано скверно.
(Пауза. Костерин ходит в волнении).

Хроникер. У меня — рассказ... и стихи тоже. Но стихи читать не буду.

Издатель. И правильно. Ты их — в Питер, в Питер их. И рассказ туда же. Там, брат, сразу в журнал.

Хроникер. Отстань, старик...

Издатель. Покаешься. А посему — по глоточку пропустим.
По ма-аленькому (наливает рюмки).

Секретарь. Да, мрачноват поэт... Очень мрачный... Люблю я затхлость — или как там — сырых могил... над гробом шорох кадил. Особенно это: чума, холера! Чертовщина какая! Впрочем, я плохо разбираюсь в стихах.

Фельетонист. Вы? Скромничайте!.. Помните историю с Шапкин-ным?..

Секретарь. Какую?.

Фельетонист. А просили его рассказать стихотворение своими словами... Так и сказали: «А расскажите-ка своими словами, что вы написали?» ... (Многие и Костерин хохочут).

Секретарь. (отмахиваясь) А ну, вас, просмешников.

Издатель. (указывая на фельетониста) Этот студентик — яд, ей-богу чистый яд.

Поэт. (мрачно) Профанацией вы занимаетесь, господа!..

Секретарь. Что вы! Нет, я... Может быть вы думаете — я профанирую?.. Я только думаю, мне только кажется, что надо больше радости в жизни, радости, света, тепла, любви... (В это время, когда издатель говорит: «этот студентик — яд» из дверей балкона появляется Призрак — жена Костерина. Еще не видя Призрака, Костерин во мгновение преображается. Точно его мозг прорезает какая-то большая, новая мысль. Он расширяет глаза, медленно протягивает руку и тихо говорит: «Тише!..»... Но его не слышат. И теперь, когда секретарь говорит: «света, тепла, любви», Костерин вскрикивает:

Костерин. Тише!.. (Пауза).

Призрак (около двери) Милый, я здесь... (Пауза. Все с удивлением смотрят на Костерина. Костерин, сдерживая свое волнение, радостно говорит):

Костерин. Господа, это я крикнул? Ей-богу извиняюсь... Мне показалось... Я чувствую... То есть... Ну, просто я — выпил, немного пьян... Я извиняюсь... Но... Давайте вот что, — говорить о стихотворении... Вот вы, Сергей Александрович, сказали: света, тепла, любви... Да, да.. Вот. Вот: любви!.. Надо тепла, ласки, любви, а не ... не серого демона... И так вся жизнь — сера, нудна, отвратительна, такую делают ее люди, и Поэт — певец... ее...

Призрак. Милый!.. (садится в кресло, где сидел Костерин).

Костерин. (восторженно Поэту) Мир — красота! Природа — венчальный наряд невесты! Солнце — корона вселенной! А вы!.. (схватывая бокал) Пьем за хрусталь солнечных лучей! За негу весенней ночи в горах!..

Все. (берут рюмки).

Соснин. (тревожно секретарю) С ним что?

Секретарь. (следя за Костериным) С ним?..

Костерин. (Соснину) Взорвалось нарастание настроений! Я чувствую: в мою душу пришел тот, кто зовет ее в горы — к зверям, к синим скалам, к старым кедрам. Моя любовь и холодной ночью осени согреет и напоит там, те горы, утесы и кедры!.. Она...

Призрак. Милый!

Костерин. ... я построю там хрустальный дворец!.. Ко мне соберутся тени горных духов и под музыку лесов — и в ненастные ночи

зимы — мы будем водить хороводы, плясать до изнеможения!.. Мы будем!..

Призрак ... Мой славный!.. (Костерин, осекаясь, оглядывает всех, трет ладонью лоб и садится на ручку кресла, где Призрак)

Костерин. (тихо) Да, я пьян, господа!.. Извините!.. Да, да... Как действует на мое сердце вино!.. Дайте мне холодной воды... (До сих пор все были в взволновано напряженном внимании, но теперь, поверив Костерину, что он пьян, напряженность исчезла, и снова стали все веселы, кроме Поэта, так как он вообще мрачен).

Хроникер. Где вода? Дайте воды! (уходит).

Издатель (Костерину) Как вы, а? Ну и разошлись...

Костерин. А? Да, да!.. Я — пьян... Теперь я — тряпица.

Издатель. Вот, вот... Теперь и поговорить с вами не страшно, а то как ... строгий бог...

Фельетонист. Сушеный архиерей, — хотел сказал старик.

Издатель. Врешь!.. Ей Богу врешь же!..

Костерин. Какие вы простые, искренние все...

Издатель. Закрутили вот и меня они своей простотой. А умны-то! Дивиденды свои трачу на них...

Секретарь. (смеясь) Чудак, Василий Васильич!..

Издатель. Кабы моложе был, научился бы у вас, Алексей Иваныч, рассказы писать, черт с ним с богатством...

Хроникер. (вбегая) Вот вода!..

Костерин. Дорогой мой! (ставит стакан на стол) Милый вы мой!..

Хроникер. Алексей Иваныч... Почему вы не читаете моих произведений? Разве у меня такое же мрачное как у этого!.. Я тоже люблю солнце и эти... те... ну, тени гор и все такое... Почему не печатаете?..

Костерин. Милый мой, напечатаем!..

Хроникер. Алексей Иваныч! Вы один только можете понять мою душу!.. Эх! Накопилось в душе, да высказать некому... Никто не понимает!.. Сколько погибло нас, а те, кто не погиб — корифей!..

Фельетонист. Братцы!.. Погибающий корифей!.. Зрите пока не поздно...

Поэт. (мрачно хохочет) Ха-ха-ха!..

Фельетонист. Друзья подопleshное! — Поэт хохочет! (Все хохочут)

Поэт. Лучше вы, господа!

Фельетонист. Поэт из личины вылезает!..

Поэт. Ха-ха-ха! Не правда!

Я мрак люблю, но солнца луч

Всегда в душе находит место...

Костерин. (устало). Вы чувствуете луч солнца?.. Да, да... Вы чувствуете: солнца нет, горят огни, а луч солнца — здесь?.. Вы чувствуете его? (наваливается на спинку кресла так, что голова Призрака у сердца Костерина). Милые! Как я люблю это солнце! Вот, оно греет мое сердце, больное сердце... Только этот луч питает соком радости мое сердце!.. Он дает мне жизнь, и смысл, и счастье... Одиннадцать лет!.. Он все ярче, все пламеннее становится с каждым новым приходом в мое сердце. Он испепелит сердце?! Ха-ха!.. Разве радость не в том, чтобы ярким пламенем счастья сгореть на земле? Пламя счастья — смысл бытия!.. Милые, как люблю я вас!.. Поэт, дайте ваши стихи...

Поэт. Эти? (подает)

Костерин. Я рву серого демона... (Костерин разрывает стихи. Поэт делает движение, чтобы отобрать их, но машет рукой).

Костерин. Видите — разрываю!.. Ах, если бы в ваше сердце заглянул луч моего солнца! Почему вы бежите от любви, поэты серого мрака? Почему? (Пауза).

Соснин. Говорите, Алексей Иванович!..

Костерин. А! Соснин! Милый Соснин, это вы!.. Дайте мне, Соснин, вина (устало склоняет голову к Призраку) Мое солнце!..

Секретарь. (тревожно издателю) Нет, он нездоров!

Издатель. Он? Нет... (щелкает пальцем по воротнику). Да, да... Коньячок-то, брат, и старые жилки разогреет!..

Секретарь. Нет, он болен!..

Соснин. (подавая Костерину вина) Я слабого налил.

Костерин. Поставьте, дорогой!..

Поэт. (подавая Костерину тетрадь) Рвите.

Костерин. Это? Что это?..

Поэт. Стихи... Мои стихи... Новые!..

Костерин. Какой вы хороший! (рвет тетрадь) Какой вы — чуткий!.. Какой вы!.. (Фельетонист вдруг вскакивает на стул. Он точно вырвался из другой комнаты — бурный, веселый, — не понимая создающегося настроения всех. Но он просто хочет рассеять настроение Костерина и восстановить упдающее веселье).

Фельетонист. Братцы! Желаете речь слушать? Речь завернуть желаю, а? Самый момент! Почтить Алексея Ивановича, направившего на путь истинный поэта! Желаете?..

Соснин. Пожалуйста!..

Хроникер. А потом — рассказ мой...

Поэт. К черту рассказ!..

Фельетонист. К черту рассказ! Читать хочу и все тут!.. Голосую!..

Издатель. А выпить — на ура (наливает и затем расставляет всем рюмки).

Фельетонист. Милостивейшие государыни и милостивые государи!.. Моя речь будет кратка и обстоятельна, она займет три минуты и семнадцать секунд... (Дальше фельетонист только шевелит губами и жестикулирует руками. Все слушают его со вниманием, кроме Костерина. Костерин и Призрак смотрят друг другу в глаза, и Призрак нежно, вкрадчиво говорит):

Призрак. Там, на коврах зеленых мхов пляшут нимфы и гномы. В зеленых ветвях сосен плавают синие звезды, — в моих горных хорах они прячутся от яркого солнца... Кроты, медведи, белки, мышь, лисицы, белые горностаи, глухари, пташки, маралы — мои гости... А цветы и ветви, стволы и камни — слуги мои. Старые кедры — эконоы росистых ночей и белых туманов долин; а молодые елочки и тонкие стволы рябин вплетают в мои косы фиалки и незабудки с горных полян... Там лучи солнца ткут серебряные одежды, и я их раздаю моим полуночным гостям. Там роскошны бывают музыка гроз и факелы молний... А лучи луны плетут тенета на вершинах гор и ловят смелых охотников на медведей. И охотники — мои гости! А под синей скалой, на берегу хохочущего ручья, в охотничьей лачуге старого человека? Он кладет на свой очаг коренья дерев, а я обливаю их золотом пламени и обрызгиваю углы его лачуги золотыми бликами. А искры? Они взвиваются круглой радугой, летят в отверстие очага и впиваются золотыми гвоздями в покровы ночи... Милый!.. Там лесные феи нашептывают мне сказки гор и лесов, птицы поют песни о солнечной радости... Они сидят на тонких ветвях черемух и поют над моим, тканым из воздуха, пологом... Разве ты не будешь со мной, милый?!.. (Фельетонист кончает речь; все аплодируют, крича, берут в руки рюмки и затем пьют. Костерин заворочен словами Призрака).

Все кроме Костерина:

- Bravo! Bravo!..
- Ура! Мефода!..
- Качать его!..
- Брависсимо!..
- Ура!.. (и т.д.)

Издатель. (Костерину) Ответьте, ответьте ему! Растаешь ведь от такой речи!..

Костерин. Да, да, да... Я... Мои милые, хорошие мои!.. Как я люблю!..

Поэт. (хохоча) На все Мефодий годится... Подумаешь, какой умный!..

Хроникер. Вумный, холера!.. Талант!..

Секретарь (Костерину тревожно) Вы что? Что с вами?..

Костерин. А? Хорошие мои! (Соснину) Какой вы свежий!.. Какой вы — сила!..

Соснин. (тревожно) Алексей Иваныч!..

Фельетонист. Он что? Что с ним?..

Костерин. (встает, пошатываясь) Там, на коврах зеленых мхов... Там, под синей скалой!.. Вы!.. Какие вы милые!.. (В это время Призрак встает и идет к двери на балкон, точно плывет. Костерин идет за призраком, пошатываясь)

Секретарь. (тихо) Господа!..

Костерин. Там синие звезды в хоромах с хрустальным потолком... Милые мои гости!..

Издатель. Держите! Упадет он!.. Убьется с балкона! (Секретарь, Поэт, Соснин схватывают Костерина)

— Алексей Иваныч!

— Что с вами?..

— Опомнитесь, дорогой!..

Костерин. Он — ярче! Он — пламеннее!.. С каждым приходом мое сердце... Мои братья!.. Мои гости!..

Фельетонист. На диван его. Видите — припадок!.. (Секретарь, Поэт, Соснин уносят Костерина в редакционную).

Издатель. (следуя за ними) Господи! Убили, убили человека!.. Спознался я с вами, прощелыгами!.. (Остаются фельетонист и хроникер. Пауза. Там, в редакционной, возня и голоса: «Осторожней!», «Голову выше!», «Воды дайте! Соснин пробегает через комнату в другие комнаты, схватывая со стола пустой стакан).

Голос Костерина. А лунные факелы и факелы гроз освещают дорогу путникам — моим гостям... На эту ночь — это ваши замки, гости мои!.. А там, в комнате, с одним ходом ко мне — королева фей. (кричит): Тише-е, вы, люди! Королева ждет! Тише-е!.. (Пауза. Пробегает обратно Соснин).

Фельетонист. Он не слышал моей речи...

Издатель. (входя) Господа, прошу честью разойтись по домам...
Нечего тут делать!..

Хроникер. А мой рассказ?..

Издатель. (топая ногой и крича, показывает на дверь) Прошу!!!
Занавес.

Действие 3.

Горы, лес, утесы; тут же проходит действие — маленькая площадка с кустами черемухи. Полумрак. Чувствуется осень; Желтеют листья. У куста черемухи стоят пальцы с неоконченной вышивкой, — те же, что были в 1 акте.

Костерин в этом акте оборван, бос, обвешан гирляндами трав, ветвей, цветов. Он оброс бородой, на голове длинные волосы.

Минуту сцена пуста. Слышно где-то вскрикивает человек. Во время действия 3 раза вскрикивает марал.

Костерин. (входя, улыбаясь) Ушел? Ха-ха-ха! Ушел?.. Какие скучные вы, люди, какие нудные! Ха-ха! (нюхая воздух) Прошел там, а здесь — запах его пота, его одежды — его скуки... А она? Где она? Но она придет, — она, моя жена. Я уверен в том, что она созывает гостей. (Пауза. Тихо смеясь): Ха-ха-ха!.. Ты там, — который прошел — Ты, мешок костей, разве я — человек? Ха-ха-ха!.. Старые жабы!.. (Крича) Я — огонь!.. Слышишь! Хочешь, я разорву свое сердце?! Посмотри! (точно хочет разорвать на груди лохмотья) Хочешь?! Трус ты! А если тебе разорвать сердце?.. Мешок с костями! (кричит) Эй, вы, люди! Мы опьяним вас своим хороводом!..

Призрак — Жена. (появляясь из кустов) Синий день идет к концу. Наступает ночь...

Костерин. (грустно) Ты — грустишь?

Призрак. Нет, я не грущу... Скоро будут друзья. А там внизу бродят люди. (Далеко кричит марал, точно флейта — не сливаясь на двух нотах).

Костерин. Марал?!.. Это — марал поет... Тот марал?!.

Призрак. Будут гости. (садится на камень к пальцам и перебирает пальцами на них, точно вышивает. Костерин становится за спиной призрака).

Костерин. Они не мешки с костями?

Призрак. Они такие же, как я.

Костерин. Дуновение?

Призрак. Да... Ты хочешь быть дуновением?

Костерин. О! Разве ты не знаешь, когда я мечтаю об этом?!.. Земля так скучна! А если бы еще не было тебя здесь?!.. Нет, я хочу на луну, к облакам, к белым облакам!..

Призрак. Ты хочешь этого?

Костерин. (радуясь, точно ребенок, и кружась по полянке) К луне, к звездам, к белым облакам!. Ха-ха-ха!..

Призрак. Ты шалишь, как ребенок...

Костерин. Я хочу быть и ребенком... К луне, к звездам, к белым облакам...

Призрак. Подойди ко мне. Я еще говорю тебе: там, внизу, где ключи собираются в речку, бродят люди. Они с лошадьми и собаками, а за плечами ружья. Но они — не охотники. Нет, они не наши гости!.. А один уже у тех скал, где наш терем из сосновых ветвей. Но злые люди бродят там, в долине у речки... Они идут сюда.

Костерин. Я знаю. Я все это знаю. Я был там и видел человека, перескакивающего через ключ. Но... ха-ха!.. Ноя о них не думаю. Знаешь, о чем я думаю?

Призрак. (показывая кивком головы на свою работу) Об этом.

Костерин. Разумеется. Почему так: ты вышиваешь, а гости приходят и тайно рвут нитки, вшитые в полотно? Они тоже злы, как люди?..

Призрак. Разве ты хочешь, чтобы я когда-нибудь окончила свою работу?

Костерин. О, нет, нет!..

Призрак. Значит, гости не злы. Я с ними никогда не окончу это.

Костерин. Милые гости, чудные гости!..

Призрак. Ты точно ребенок, точно Вася. (При воспоминании о Васе по лицу Костерина пробегает тень страдания. Он проводит ладонью по лицу и устало садится в траву, пред):

Костерин. Сядь рядом со мной... Я хочу, чтобы мы посидели молча. (Призрак садится рядом) И ласки твоей хочу... Когда ласкаешь, я забываю и себя, и Васю, и даже тебя... Моя милая! От тебя пахнет кадильным дымом сосен... и горным ветром... и солнцем... И сама ты — солнце, горный ветер... Я — устал. (Пауза. Призрак молча гладит по волосам Костерина. А Костерин, забываясь, все ниже склоняется к коленям Призрака).

Костерин. Как взошло солнце, я — ходил, ходил, ходил... Я искал марала, который пел вчера вечером... Он ушел в южные склоны — через россыпи... Как далеко до этих россыпей! А я хотел только поласкать его, погладить рога... Но он не хочет этого... (Вскакивая,

тревожно): Они здесь! Здесь люди!.. Слышишь?!.. Здесь люди! Убежим!.. (Схватывает пяльцы. Призрак исчезает) А, может быть, они тоже наши друзья?.. (Ищет глазами Призрака, не находя, он убегает с пяльцами. Но тотчас же возвращается без пяльцев, захватив голову руками. Кружится по площадке, точно хочет спрятаться от преследования зверя, и опять убегает, крича:

Костерин. Люди!.. Старые жабы!.. (Еще с того время, когда Костерин унес пяльцы, где-то появилась дикая музыка, как будто контрабас и скрипка. Она все время усиливалась. И когда второй раз убежал Костерин, музыка начала затихать, удаляясь вместе с Костериным в горы. Но все время ее слышно. С полминуты сцена пуста. Затем появляется мужик с ружьем).

Мужик с ружьем. Ну и камни, ну и черти! Аж поджилки натянулись, лазимши. (Опираясь на ружье, отдыхая) А хитер, что хотя сумасшедший. Кажись, тут орал, — а ищи вот! Черта косолапого!.. (кричит) Эге-ге-гей!.. Не слышат там. (осматривая кусты) Алексей Иваныч! Алексей Иваныч! Убег... (садится и перевязывает ремешки на обуви) За три с полтиной, прости Бог, лазаешь, а обуви на десятку спустишь. Тоже заработок!.. А гляди через часок и барин с Коской поднимутся сюда. Али свернут в Гремучий ключ?.. Нет, не должно свернуть (встает, оправляя обувь, потом говорит, глядя в кусты): Убег? Ну, бежи. Сегодня — три с полтиной, завтра — три с полтиной... Все — деньги. Беги, друг. (Уходит. Сцена с полминуты пуста. Издалека приближается все та же неутраченная дикая музыка. Она все сильнее и безобразнее. Наконец, слышно, кроме музыки, крики ужаса Костерина. И он вбегает, все так же зажав руками голову, как убежал в кусты. За ним врываются некрасивые три призрака старух. Музыка точно на сцене, но ее не видно. (Она в душе Костерина).

Костерин. Старые жабы! Стой! Приказываю вам — стой! Кто вы? Где жена? Вы, страшные, старые, где жена? С вами страшно! Где моя Катя!..

Призраки. (в лицо Костерину)

— Вот я!..

— Ты меня потерял!..

— Я — Катя!..

Костерин. Моя жена! Я не вижу тебя!.. Я — умираю!.. Старые жабы!..

Призраки.

— И — я?.. Ты меня ищешь?

— Или меня?

— Ты не меня ли ищешь? Я — Катя!..

Костерин. Прочь! Прочь все вы, уроды!..

Призраки.

— И — я?

— И — я?

— Может быть, и я? Я — Катя!..

Костерин. Замолчи, ты, проклятая музыка!.. (потрясая кулаками)

Где моя жена? Где?..

Призраки:

— Ты не любишь меня!..

— Разве я некрасива?!

— Ты меня звал? Меня звал? Меня звал?.. (Зажимая уши, Костерин садится на землю. Призраки берутся за руки и молча кружатся вокруг Костерина, гримасничая. Дикая музыка, точно музыканты страшно устали, то медленно, то скачками затихает. И когда едва ее слышно, Костерин говорит):

Костерин. Ты оставляешь меня, Катя! Твои друзья мучают меня. И эта музыка! Ты наполнила сад музыкой, которая угнетает меня (Вдруг кричит, точно этот крик — последняя вспышка его гнева, за которой — смерть или обморок. Усиливается и музыка) Замолчи Ты, проклятая музыка!.. Прочь вы, старые рожи!.. (Появляется Призрак — Жена. Старухи-призраки, разнимая руки, одна за одной уходят в кусты. С появлением Призрака-Жены, музыка обрывается. Костерин удивлен и обрадован так, что первое время не может сказать слова..)

Призрак-Жена. Ты меня звал?.. (Костерин встает и как бы ощупывает руками Призрак, не касаясь его).

Костерин. Это — ты? Разве это — ты?

Призрак. Я.

Костерин. Мне было страшно. Я думал — ты среди них и тоже — старая, страшная, как они...

Призрак. Тебе не надо, чтобы я была такая, как они? Почему?

Костерин. Ты спрашиваешь? Могу я сказать — почему?

Призрак. Я — вечно молодая. Я — вечно радость...

Костерин. Они ушли?

Призрак. Тебе не нравятся эти мои подруги? Их не будет... Теперь мы одни.

Костерин. (устало) Сядем. (Пауза. Садятся) Говори. Мне все еще страшно.

Призрак. Положи свою голову мне на колени и слушай музыку золотых листьев осени. Там, за выступами скал, садится солнце. Горы и леса наполняются тенями, и уже повисли над вершинами сосен звезды... Тебе хорошо?..

Костерин. Хорошо.

Призрак. Наступает вечер, слетаются птицы в свои гнезда, и звери уходят в норы и скалы. А мы — мы тоже в замке зеленых лесов, в собственном замке... Если хочешь, мы наполним этот замок гостями.

Костерин. (тревожно) О, нет, нет!..

Призрак. Нет? Но эти — лучезарны, веселы и нежны, как цветы долин... А ты будешь принимать их, как король.

Костерин. Как король?..

Призрак. Как король, в короне с бриллиантами собранных рос... И будет музыка, и будут сотни музыкантов, которых не будешь видеть ты. Ты откроешь бал и гости — веселые, нежные, лучезарные — будут танцевать... Тебе хорошо?.. (Пауза. Кричит далеко марал).

Костерин. Это — марал?

Призрак. Да.

Костерин. Осенями они поют свои песни любви.

Призрак. Да, песни любви.

Костерин. Ты хочешь устроить бал. Я хочу открыть этот бал, но чтобы ты была рядом со мной на троне... Но я хочу также быть и маралом.

Призрак. Маралом?

Костерин. Ха-ха-ха!.. Я хочу быть маралом... Прыгать по скалам, сбивать рогами хвою со старых кедр... Ха-ха-ха! Но ты не хочешь этого... Я опять не чувствую тела...

Призрак. (перебирая его волосы) А, может быть, ты хочешь, чтобы мы были одни в эту ночь? Хорошо, мы будем одни.

Костерин. Одни... Одни... (Где-то далеко играет красивую мелодию скрипка)

Призрак. Мы будем одни. Разбросим гирлянды цветов и будем пить ароматы гор бокалами, сотканными из лучей наших взоров. Мы будем одни...

Костерин. Одни... К нам сходятся все тропинки зверей... Будут кругом наши звери-охранители... Я люблю тебя... Позволь отдохнуть на твоих коленях... Я — устал...

Призрак. Отдохни на коврах. (укладывает его голову на землю) На коврах с ароматом земли. (Сыплет на Костерина желтые листья, траву) Поет марал. Струи сосновых запахов поют вечернюю песню... Ты видишь, над вершинами гор несутся хороводы белых теней? Это — грезы счастливых.

Костерин. Я — счастлив. Сюда приходят люди и ищут меня... Я устал...

Призрак. Отдохни. (Пауза. Тихая красивая мелодия все продолжается).

Костерин. (поднимаясь на локоть) Вот и теперь я слышу, как ходят внизу люди. Они ищут меня. Для чего я им? Они живут скучно и нудно... серо, смешно... Я не хочу так жить... У меня запасены сладкие коренья, чтобы хватило на зиму... Они черствы, как злые старухи. Они не понимают, для чего у них сердце. Да?

Призрак. Да, они не знают этого.

Костерин. (успокаиваясь и снова ложась) Они — скучны и нудны... Если они запутают меня своими сетями — я умру. Хорошо?

Призрак. Отдохни.

Костерин. Да, да... Умру... Там белые облака... луна... и звезды... Я буду там... А они... (Костерин засыпает. Три призрака-женщины, красивые, точно из воздуха и теней, тихо появляются и кружатся вокруг Костерина и Призрака-Жены, взявшись за руки. Мелодия замедляется и в конце ничего не слышно. Вдруг все четыре призрака исчезают. Костерин вдруг вскакивает с безумным лицом и кричит.

Костерин. Они окружили!!..

Голос. От ключа отрезай! Отрезай от ключа!..

Костерин. Запутали своими сетями! Вы! Эй, вы!.. Прочь из моего королевства! Вы, топчущие цветы!.. Прочь из моего королевства!.. Я позову слуг! (кричит) Эге-ге-гей!.. (В стороне из-за кустов показывается мужик с веревкой. Костерин, увидев его, бросается в другую сторону, но тут — другой мужик. Оба мужика наваливаются на Костерина, крича, борясь с ним и связывая, разрывая на нем последние лохмотья. Прибегает Поэт).

Поэт. Прочь!.. Прочь руки!.. Он не уйдет!..

Мужик. Он? Как знать. А связанный лучше не уйдет.

Поэт. Прочь! (развязывает Костерина)

Мужики:

— Дело ваше...

— Смотри, барин, чтобы камнем не огрел.

— Полоумный, что зверь.

Костерин. (поднимаясь, развязанный, удивленно) Поэт?..

Поэт. (взволнованно) Я пришел за вами. Теперь осень, пойдут снега... Пора домой!..

Костерин. Домой? Спасаете Костерина?

Поэт. (внушительно, как ребенку) Скоро пойдут снега...

Костерин. Снега... Осень... Ха-ха-ха...

Поэт. Я знал, где вы... Но разве можно беспокоить человека, постигшего любовь? Говорили: вы сумасшедший. Разве правда это? Я тоже постиг любовь... Но теперь осень, пойдут снега...

Костерин. Постиг любовь?!.. Ты лжешь, поэт. Нет, ты лжешь: ты не постиг! (крича) Ты не постиг любви!..

Поэт. Я?!..

Костерин. (перебивая, мечтательно) Осень!.. Маралы поют осенние песни любви!.. Вы слышите?.. Меня зовут на вечерний праздник в мой лунный замок. Вы слышите это? А меня эти... (указывая на мужиков) Я иду...

Поэт. (беря за руку Костерина) Алексей Иваныч!

Костерин. (взбешенно, вырывая руку) Нет, Алексея Иваныча!.. (Костерин в мучительной тоске схватывает руками голову и кричит одной тонкой протяжной нотой «О-о-о» все выше и выше голос, точно вонзается в небо. Наконец, крик обрывается и Костерин падает мертвым. Мужики, Поэт точно в столбняке).

Занавес.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Алтайский текст в русской культуре:
новые исследовательские горизонты..... 3

Раздел I. НАШИ СТАТЬИ

М. Р. Арпентьева К ИСТОРИИ ТАТАР АЛТАЯ:
СЛАВЯНСКИЙ И ТАТАРСКИЙ ЭТНОСЫ
В РОССИЙСКОМ СУПЕРЭТНОСЕ 9

Т. А. Байдагулова, Е. А. Полева СЕМАНТИКА ЗАГЛАВИЯ
И ОБРАЗ ПОЛЫНИ В ПОВЕСТИ ОЛЬГИ КОЛПАКОВОЙ
«ПОЛЫННАЯ ЁЛКА» 26

М. П. Гребнева ПОЭТИКА РАССКАЗА СТ. ИСАКОВА «ТАМ,
В ГОРНЫХ ДОЛИНАХ» 33

М. С. Дедина ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЕ
МОТИВЫ И ОБРАЗЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ДИМАНА БЕЛЕКОВА.... 42

Т. А. Дидусенко АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРЕПОДАВАНИЯ КУРСА «РУССКАЯ РОДНАЯ
ЛИТЕРАТУРА» В УСЛОВИЯХ СРЕДНЕЙ
ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ» 55

И. В. Дурново «ДИАЛОГ ЧЕРЕЗ ОКЕАН»:
ПИСЬМА И ПЕРЕПИСКА Е. Д. ПАНКРАТЬЕВОЙ
С Т. Д. ГРЕБЕНЩИКОВОЙ. 1963–1964 гг. 64

О. А. Иост К ПРОБЛЕМЕ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО
СОДЕРЖАНИЯ РОМАНА В. М. ШУКШИНА «Я ПРИШЕЛ
ДАТЬ ВАМ ВОЛЮ» 77

<i>И. Н. Каланчина</i> ЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ШУКШИНА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ.....	88
<i>И. Б. Каланчина</i> ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В РОМАНЕ Г. Д. ГРЕБЕНЩИКОВА «ЧУРАЕВЫ».....	96
<i>В. Н. Карпухина</i> ОБРАЗ «ВНУТРЕННЕГО ФРОНТИРА» В ПУБЛИЦИСТИКЕ АЛТАЯ НАЧАЛА XX В. (ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Г. Д. ГРЕБЕНЩИКОВА).....	103
<i>С. М. Козлова</i> КРАЕВЕДЧЕСКИЙ РОМАН: К ПРОБЛЕМЕ ЖАНРА. НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ С. К. ДАНИЛОВА И В. Н. ТОКМАКОВА	109
<i>Н. Ю. Колокольцева</i> АЛТАЙ В ИСТОЧНИКАХ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВВ.....	118
<i>О. Н. Краснова</i> ПОДТЕКСТОВАЯ ИНФОРМАЦИЯ В РАССКАЗЕ ОЛЬГИ ИСУПОВОЙ «ЛАБИРИНТ»	127
<i>Д. В. Марьин</i> ДАР ИСТИННЫЙ И ДАР ЛОЖНЫЙ В ТВОРЧЕСТВЕ В. М. ШУКШИНА	132
<i>Е. В. Масяйкина</i> ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СИБИРСКОГО ОБЛАСТНИЧЕСТВА: НА МАТЕРИАЛЕ АРХИВА Г. Д. ГРЕБЕНЩИКОВА.....	142
<i>И. В. Мирович</i> СИБИРЬ КАК НОВАЯ ПАЛЕСТИНА В «ЗАПИСКАХ ИЗ МЕРТВОГО ДОМА» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО.....	155
<i>О. И. Плешкова</i> ПОВЕСТЬ-СКАЗКА Ю. НИФОНТОВОЙ «ЕРМОШКА ДОБРОДЕЙ И ВОЛШЕВНЫЕ ЧАСЫ» В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ	167
<i>Ж. Т. Рахатова</i> ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ ЕЛЕНЫ ГО СУН ЧИН	173

<i>Е.Д. Трухан</i> «МОЖЕТ БЫТЬ, Я ТОЛЬКО ОДИН ИЗ ЗДЕШНИХ И УМЕЛ ЦЕНИТЬ ЕГО»(А. И. Исаев в эпистолярном наследии Ф. М. Достоевского).....	181
<i>А.Д. Шабалин</i> ЯЗЫКОВАЯ САМОБЫТНОСТЬ АЛТАЯ. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ОБЗОР	192
<i>Т.П. Шастина, Э.П. Чинина</i> «Г. И. ГУРКИН И ГОРНЫЙ АЛТАЙ — ГЕНИЙ И МЕСТО»: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ НАД АНТОЛОГИЕЙ.....	197
<i>А.А. Шмаков</i> БАРНАУЛ — СТОЛИЦА МЕМОВ, ИЛИ О ФЕНОМЕНЕ ПОПУЛЯРНОСТИ ИНТЕРНЕТ- МЕМОВ С КОМПОНЕНТОМ «БАРНАУЛ».....	208

Раздел 2. НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

<i>М.П. Гребнева</i> ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СТ. ИСАКОВА.....	219
--	-----

Научное издание

**АЛТАЙСКИЙ ТЕКСТ
В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ**

Сборник научных статей

Выпуск 9

Издание публикуется в авторской редакции

Подготовка оригинал-макета,
оформление обложки: О. В. Майер

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 20.09.2021.

Выход в свет 27.09.2021.

Формат 60x84/16. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 15,0. Тираж 100 экз. Заказ 347.

Типография Алтайского государственного университета
656049 Барнаул, ул. Димитрова, 66